

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей-усадьба Г. Р. Державина

**«БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОГО СЛОВА»:
200 лет**

Санкт-Петербург

«БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА»: 200 лет

**Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей-усадьба Г. Р. Державина**

**«БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОГО СЛОВА»:
200 лет**

Санкт-Петербург

ВИРД

2013

Редакционная коллегия

С.М. Некрасов,
Р.В. Иезуитова, В.Н. Калиновская, Н.П. Морозова
(отв. редактор).

Рецензент

доктор филологических наук Е.В. Семенова

© Всероссийский музей
А.С. Пушкина, 2013
© Коллектив авторов, 2013

ISBN: 978-5-94030-083-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

200-летие «Беседы любителей русского слова» стало важным событием в жизни нашего музея. И это не удивительно. Ведь именно в Большом парадном зале державинского особняка на Фонтанке 14 марта 1811 года состоялось торжественное открытие этого знаменитого литературного общества. Хозяин дома предоставил самый парадный его зал для встреч писателей и любителей российской словесности, считая эти собрания заметным явлением литературной жизни России.

После возрождения державинской усадьбы в зале «Беседы» вновь регулярно проходят литературные чтения и научные заседания, по материалам которых ежегодно издаются сборники трудов.

В юбилейном сборнике, посвященном 200-летию «Беседы любителей русского слова», представлены статьи, посвященный Г.Р.Державину и писателям его круга, ряд лингвистических статей, а также материалы, характеризующие архивные документы и реликвии из собрания литературного музея ИРЛИ РАН и Всероссийского музея А.С.Пушкина. В сборнике нашли отражения наиболее интересные выступления участников юбилейной научной конференции «Державинские чтения», посвященные 200-летию «Беседы любителей русского слова»

С.М. Некрасов

Портрет Г.Р. Державина. Почему 1811 год?

В 1811 году, в том самом, когда юный Александр Пушкин поступает в Царскосельский Лицей, художник В.Л. Боровиковский создает замечательный портрет поэта и государственного деятеля Г.Р. Державина в парадном сенаторском мундире. Почему именно в этом году и почему именно такой парадный портрет? Ведь Державин уже почти десять лет в отставке, выезжает крайне редко, в своей городской усадьбе на Фонтанке, а уж тем более в новгородском имении Званка, из всех видов одежды предпочитает халат. А тут – в парадном мундире и при всех орденах? Вероятно, ответ может подсказать время написания портрета – 1811 год.

14 марта 1811 года в доме Державина на набережной Фонтанки состоялось торжественное открытие литературного общества «Беседа любителей русского слова». На заседания гости должны были являться в парадных мундирах при всех орденах, а дамы – в вечерних платьях с бриллиантами. На первое заседание обещал прибыть Александр I. Державин придавал большое значение учреждению «Беседы», предоставив для ее работы зал своего особняка, и даже выделил три с половиной тысячи рублей для приобретения книг. Вероятно, к этому событию и было приурочено создание парадного портрета хозяина дома. В.Л. Боровиковский и его старший современник, художник Д.Г. Левицкий, входили в число друзей дома, были участниками знаменитого Львовско-Державинского кружка, объединявшего выдающихся деятелей русской культуры конца XVIII – начала XIX века. Кстати, именно этим художникам мы обязаны тем, что знаем в лицо Державина, Львова, друзей и близких хозяина дома, – ведь именно Левицкий и Боровиковский оставили нам их портреты.

Державин изображен на портрете в парадном сенаторском мундире при всех орденах. Таким он появлялся на заседаниях «Беседы», а иной раз, быть может, и на собраниях Российской Академии – Академии русского языка и словесности, учрежденной Указом Екатерины II по представлению кн. Е.Р. Дашковой в 1783 году. Главной задачей Академии в первый период ее существования стало создание Словаря Академии Российской, и первые академики – Державин, Фонвизин, Львов и др. – активно включились в эту работу. Державину досталось собирать слова на букву «Т» и давать им соответствующее истолкование.

Первоначально Российская Академия находилась на набережной реки Фонтанки в бывшем доме барона Аша (современный адрес: набережная Фонтанки, 112). Пока Державин обстраивал и обдумывал свой дом, он арендовал апартаменты в доме Российской Академии. Когда же дом поэта был готов, Державин иной раз предоставлял его зал для академических собраний.

Печатным органом Российской Академии стал журнал «Собеседник любителей русского слова», в первом номере которого была опубликована державинская ода «Фелица», принесящая автору всероссийскую славу. Державин даже довольно амбициозно считал, что «Собеседник», как и сама Российская Академия, «начало свое возымели от вышеупомянутой оды “Фелица”». Это было явное преувеличение, однако высочайший авторитет Державина и его заслуги на ниве русской словесности, а также в деятельности Российской Академии, были бесспорны. И потому, когда в 1816 году поэт ушел из жизни, Российская Академия решила увековечить его память заказом портрета, который было решено вывесить в академическом зале заседаний. Обратились к художнику В.Л. Боровиковскому, который и создал авторское повторение державинского парадного портрета 1811 года.

В настоящее время в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина находятся оба портрета Державина работы Боровиковского. Один из них представлен в экспозиции Музея-усадьбы Г.Р. Державина на набережной Фонтанки, в доме, где портрет находился с момента его написания художником, другой – на набережной Мойки, 12, в основной литературно-монографической экспозиции «А.С.Пушкин. Жизнь и творчество», в зале, рассказывающем о лицейском периоде пушкинской биографии.

А. С. Хвостов – литератор и член «Беседы...»

Александр Семенович Хвостов (1753 – 1820) теснейшим образом связан с историей «Беседы любителей русского слова». Он был одним из организаторов литературных вечеров в 1807 году, предшествовавших созданию «Беседы». При учреждении ее он возглавил третий разряд и стал одним из самых активных сотрудников. Так, в течение 1811 и 1812 годов он присутствовал на 22 из 23 задокументированных заседаний «Беседы», занимался организацией печатания книжек «Чтений в Беседе...», выдвигал предложения по организации деятельности общества¹. Однако деятельность самого Хвостова как члена «Беседы» обычно не привлекает внимания пишущих о ней. Единственный получивший освещение сюжет – участие писателя в литературных полемиках 80-х годов XVIII века, в ранний период его творчества. Статьями В.П. Степанова о полемике вокруг «Недоросля»² и словарной о Хвостове в «Словаре русских писателей XVIII века»³ ограничивается историко-литературное изучение этого автора. Однако интерес к нему этим не исчерпывается. В настоящей статье предстоит рассмотреть его как «архаиста», заострив внимание на «серьезных» печатных выступлениях и отчасти на остававшихся в рукописях произведениях «легких» жанров.

¹ Информацию о деятельности Хвостова-председателя разряда см.: Десницкий В. А. Из истории литературных обществ начала XIX века. 1. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92 – 130.

² Степанов В. П. Полемика вокруг Д. И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 204 – 229.

³ Степанов В. П. Хвостов Александр Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Т. 3: Р – Я. С. 331 – 335.

В «Чтениях Беседы...» в течение трех лет были опубликованы три сочинения Хвостова: «О стихотворстве», «Мысли разных сочинителей» и перевод из Саллюстия «Марк Эмилий Лепид. К народу римскому. Речь противу Суллы». Первое из них точно «было читано» автором на заседаниях от 23 (закрытом) и 26 (публичном) мая 1811 года. «Книжка третья» «Чтений Беседы...», в которую вошло это произведение, была поднесена Александру I и принята им «с благоволением»⁴. Продолжение было готово в феврале 1812 года и опубликовано в «Книге седьмой» «Чтений...».

В труде, носящем, как отмечает В.П. Степанов, компилятивный характер⁵, видны следы основательного знакомства с античной, прежде всего римской, литературой и влияния «Рассуждения о старом и новом слоге» А.С. Шишкова. По-видимому, эта работа была частью творческого замысла «беседчиков» по общей композиции собраний и сборников: каждый из председателей разрядов предварял теоретическим сочинением плоды, подносимые действительными членами и членами-сотрудниками вверенного ему разряда. Такой порядок, с некоторыми отступлениями⁶, соблюдался на протяжении первых девяти выпусков «Чтений», до Отечественной войны 1812 года, которая выдвинула на первый план патриотические сочинения: они и открывали теперь книжки «Чтений».

Намерением Хвостова было прославить русских писателей, говоря его словами, «показать, что русские в поэзии упражнялись и упражняются с успехом, который, может быть, еще бы блистательнее был, ежели бы подлинных

⁴ Десницкий В. А. Из истории литературных обществ начала XIX века. С. 124.

⁵ Степанов В. П. Хвостов Александр Семенович. С. 333.

⁶ Седьмую книжку открывало не продолжение работы Хвостова, а «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» П. Ю. Львова, иерархически более важный материал, особенно ввиду предстоявшего двухсотлетия дома Романовых.

образцов держались, и некоторые писатели не были часто копия с копии»⁷. При этом намечается спор с Н.М. Карамзиным о зависимости успехов литературы от профессиональности авторов: «Несмотря на то, что нет у нас среднего состояния людей и что упражнение наше в словесности почти вообще всех есть дело побочное; ибо или заняты должностями служения, или многое время и лучшие лета жизни посвятили службе; несмотря на то, нет нам причины постыдиться пред иноземными, разменяя кратковременность занятия русских поэзиею, с целыми веками их по сей части упражнения» (3, 3 – 4). Это явная отсылка к известному высказыванию Карамзина в статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802), где он сетовал на то, что молодые люди, скоро закончив учиться, вступают в службу и, не зная общества, берутся за писательский труд⁸. Впрочем, полемическая направленность против Карамзина после работы Шишкова вряд ли могла быть уже так актуальна; классификация родов стихотворства, составлявшая содержание статьи, не была оригинальной и только демонстрировала эрудицию автора.

Вместе с тем историко-литературный интерес к статье Хвостова оправдан. Она явилась (возможно, без особого замысла, а в силу специфики интересов и образования автора) возражением «галломанскому» направлению Карамзина не со «славянофильской» позиции, а с точки зрения опыта европейской литературы. Развивая тезис Шишкова из «Речи при открытии Беседы» о том, что русский язык «не уступает ни греческому, ни латинскому; не меньше их краток, не

⁷ Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Кн. 3. С. 3. Далее ссылки на книги «Чтений...» в тексте, с указанием номера и страницы. Конец приведенной цитаты напоминает о хвостовском «Послании к творцу послания, или Копии к оригиналу» (1782), направленному против Д. И. Фонвизина.

⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 186.

меньше силен, не меньше богат» (1, 34), Хвостов попытался показать прямую преемственность русской словесности по отношению к античной. Он рассматривает по отдельности сначала три классических рода поэзии: эпос, лирику, драму; затем берущие начало в античности и оформившиеся в самостоятельные роды, по мнению Хвостова, в новое время сатиру, басню, дидактическую поэзию и т. д. Каждый род он объясняет, исходя из представлений о нем древних, упоминает об исторических изменениях и называет образцовых авторов (этот ряд стабильно включает в себя нескольких античных авторов и одного-двух русских)⁹. Таким образом, подчеркивается связь древней литературы с современной русской, иногда в обход западноевропейской.

Обращаясь к рассмотрению древнеримской литературной ситуации, Хвостов находит в ней подтверждения сразу нескольким важнейшим положениям «архаистской» программы.

Во-первых, это присущее каждому народу природное чувство поэзии, которое развивает литературные устремления помимо подражания более просвещенным народам: «Римляне, при всей незаботливости о просвещении, при всей простоте обычаев, еще до эпохи просвещения знали поэзию». (3, 7).

Во-вторых, стремление к базированию литературы на правильных образцах, античных, в противовес французским: «Латины, имея образцами греков, не искали других далее их и соделались сами образцами для всех языков Европы <...>. Мы одни сочли почему-то, что писатели французские и язык их вместили в себя все совершенства и красоты и все достоинство всех языков и наречий». (3, 9).

⁹ Так, среди лириков Хвостов называет М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина сразу вслед за Горацием и Пиндаром, среди драматургов А.П. Сумарокова и Д.И. Фонвизина после девяти античных авторов.

В-третьих, подчеркивание высокой роли национального языка в развитии национальной литературы; русскому языку отдается преимущество перед всеми прочими европейскими: «Возможно ль, кажется, быть тому, чтоб русский язык, заключающий в себе не только латинские, но и греческие красоты, мог отказаться от преимуществ своих? Возможно ль изобилие променять на скудость, сладкозвучие на жесткость, силу на слабость и чистое золото на блестящую мишуру. Я вспоминаю здесь справедливое уподобление хозяину, избирающему болотистое место для построения дома и оставляющему выгодное местоположение и твердую почву». (3, 10) Ориентацию на Шишкова здесь подтверждает прямая цитата из «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка»: «Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины, и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка? Кому приходило в голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносить на бесплодную болотистую землю?»¹⁰ Цитата не точна: Шишков в «Рассуждении...» противопоставляет плодоносную землю бесплодной, а в интерпретации Хвостова твердую – болотистой. При относительной взаимозаменяемости метафор они хорошо демонстрируют различия в обосновании уникальности положения русского языка. Шишков исходит из богатства источников, имея в виду церковнославянский язык, а Хвостов – из устойчивости традиции, имея в виду античность.

¹⁰ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 1 – 2.

Описывая Мецената и его круг, Хвостов явно имеет в виду Беседу: «Общество его составляли первейшие люди века того. Незнатность породы не заграждала к нему входа; но глупости, шутовству и развратным нравам не были отверзты двери дома его. <...> Все они жили согласно, не подыскивались друг под другом и зависть не входила в беседу их. <...> Латинского Парнасса насекомые и те, с коими Меценат и сообщество его не знали, имели особенное свое сословие». (3, 11 – 12).

В продолжении работы (опубликованном в книге седьмой «Чтений») Хвостов рассматривал виды «легкой поэзии», разграничивая известные с эпохи античности и появившиеся в новое время; сравнение было в пользу первых. Продуктивность античных по происхождению жанров подкреплялась примерами из русских авторов XVIII века. Ссылок на европейские авторитеты здесь больше, чем в первой части статьи (в частности, появляется знаковое для карамзинистов имя Мармонтеля), но, поскольку распространение «легкой поэзии» Хвостов связывает с тем, что она «требуется более остроты, нежели ума, гораздо чаще забавляя, нежели поучая» (7, 68), ясно, что ценность такого рода поэзии для него относительна.

Любопытно, что среди других малых форм Хвостов выделял жанр «мысли и изречения», извлекаемые из произведений большего объема. В этом жанре им самим написаны «Мысли разных сочинителей», напечатанные в книжках третьей, седьмой и одиннадцатой – небольшие собрания афоризмов, посвященных истинному и ложному достоинству, поведению человека в обществе, уму и глупости. «Мысли...» сгруппированы по темам, которые волновали Хвостова на протяжении большого времени. Источники их не указаны.

Следующее произведение Хвостова периода «Беседы» – перевод «Речи противу Суллы» М. Эмилия Лепида. Отчасти справедливым было бы утверждение, что в напряженной

обстановке первой половины 1812 года перевод носил актуальный политический характер как выступление против тирана-завоевателя (Наполеона). Однако сама речь была произнесена консулом Лепидом не из патриотических, а из политических побуждений: его целью было в конечном счете занять место диктатора. Перевод, таким образом, подразумевал завуалированную критику французских порядков в целом через аналогию между политической борьбой в Древнем Риме и в революционной Франции (с характерным для нее сокрытием личных интересов под фразами о свободе).

Итак, прочитанные на заседаниях и опубликованные Хвостовым в «Чтениях Беседы...» произведения вполне вписывались в «архаистскую» традицию. Они представляют, скорее, лишь частный интерес, как характеристика взглядов самого Хвостова и материал к заключениям об общей направленности деятельности членов «Беседы». Серьезные и сухие, статья «О стихотворстве» и перевод из Саллюстия не раскрывают подлинного Хвостова, каким он запомнился современникам: остряка, балагура, тонкого наблюдателя литературы.

Вместе с тем крайне любопытны опыты Хвостова другого рода: сатиры, пародии, шутки. Помимо известного «Послания к творцу послания», рукописной сатиры на Фонвизина, впервые опубликованной П.А. Вяземским, и многочисленных эпиграмм (в том числе на двоюродного брата, графа Д.И. Хвостова) сюда следует также отнести долго остававшийся в рукописи «Сентиментальный вояж» (1809). В нем Хвостов выступает одновременно и как блестящий пародист, и как разборчивый автор, восприимчивый к открывающему новые возможности литературному опыту младших современников.

Герой повествования, посвященного члену «Беседы...» П.А. Кикину, путешествует из Петербурга в псковское имение и все случающееся с ним по пути описывает,

используя формулы и стандартные сцены сентиментальных путешествий (от обращения к «милым» до встреч с поселянами). Материал подается в сниженном, пародийном ключе, присутствуют иронические ссылки на Карамзина и Владимира Измайлова, авторов наиболее заметных русских сентиментальных путешествий. Однако в воспоминании о родителях «вояжера» проявляется непосредственное влияние сентиментализма. Беспощадную иронию, которой подвергает «русских путешественников» Хвостов, ему не удастся распространить на тему памяти, ставшую художественным открытием Карамзина и его последователей¹¹.

Еще один документ, дополняющий портрет Хвостова – обнаруженное в Отделе рукописей РГБ его письмо к О.К. Каменецкому (1754–1823)¹² от 27 ноября 1807 года¹³. К письму прилагались не сохранившиеся «стишки» по поводу подаренного Хвостовым Каменецкому бюро. Это единственное в эпистолярном наследии Хвостова дружеское письмо, и оно, наряду с «Вояжем», демонстрирует шутливый, ни к чему не обязывающий тон литературной игры, подобный принятому позднее в «Арзамасе» и, казалось бы, неожиданный для литератора-«архаиста».

Две авторские ипостаси Хвостова все же неравноценны: его «ученые» произведения не снискали ему славы, а вещи, созданные в атмосфере пародии и шутки (порою злой), определили его литературное реноме. Закрепившаяся за Хвостовым репутация остроуслова, человека с талантом и вкусом способствовала тому, что он остался колоритной и

¹¹ Подробнее о «Вояже» см. в преамбуле к публикации: Соловьев А. Ю. Неизвестное произведение А. С. Хвостова // Русская литература. 2010. № 3. С. 79 – 86.

¹² Лейб-медик, автор «Краткого наставления о лечении простыми средствами болезней, от разных ядов случающихся, для сельских учителей, где нет врачей» (1802).

¹³ ОР РГБ. Ф. 406 (Каменецкие). к. 2, ед. хр. 1 (в переплете), л. 171.

вполне автономной фигурой и в писательском сообществе своего времени, и в истории русской литературы.

От сатиры к лирике: «Стихотворения» М. С. Щулепников

13 апреля 1803 года 24-летний Михаил Щулепников закончил сочинять стихотворное послание Г.Р. Державину и отослал его адресату. Его пером водило возмущение: «Московский вестник» отказался печатать его сатиру, сославшись на то, что это сатира на лица, а не на пороки. Начинаящий поэт надеялся, что «министры правосудны», узнав из его сатиры, как от них скрывают истину, «содрогнутся... и зла уже не будет». Он писал Державину, что следовал его примеру, но оказался бессильным в борьбе с несправедливостью, свидетелем которой был. «Когда на свете зло и как искоренить, / Коль громко запретят о нем и говорить?» – спрашивал он Державина и просил его стать покровителем «юному поэту»¹.

К этому времени сын костромского помещика Михаил Сергеевич Щулепников получил образование в Сухопутном кадетском корпусе, где его товарищем был Сергей Николаевич Глинка, прослужил два года в конном Лейб-гвардейском полку и ушел в отставку в связи с болезнью. В 1801 году по рекомендации мужа своей сестры Елизаветы, надворного советника, Солигаличского уездного предводителя дворянства Павла Антоновича Шипова, Щулепников служил в Солигаличском уездном суде, но и эту службу «по болезни» оставил. По-видимому, то была известная «русская болезнь» – пьянство. Позже, в одном из

¹ Полностью стихотворение опубликовано в приложении к статье: Кукушкина Е. Д. Стихотворные послания Державину (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 180 – 182.

стихотворений, он вспоминал, как, в поисках радости, губил себя, добровольно отдаваясь «бездне зол своих», от которых его спасли близкие люди². В течение года Михаил Щулепников занимался тем, что обучал геометрии и алгебре своего племянника³, а свободное время скрашивал занятиями литературой, и это во многом определило его дальнейшую жизнь. Он опубликовал в переводе с французского языка два анонимных нравоучительных «английских» романа⁴ и с увлечением занялся стихотворством. Посвящая перевод эпистолярного романа «Виллиам и Генрих»⁵ П.А. Шипову, Щулепников признавался, что узнавал себя в слабовольном герое романа Вильяме:

Вильяма я в себе нередко познавал.

Но ты, соделавшись сестры моей супругом,

Всегда мне лучшим был наставником и другом,

Как Генрих, здравые советы мне давал.

Признательность, любовь, и дружба и почтенье

Тебе приносят в дар твое изображение.

В Предисловии переводчик обращался к читателям книги: «Люди добродетельные, но слабые, не имеющие силы или стыдящиеся отказывать в том, что противно вашим правилам, вашему сердцу! Прочтите и ужаснитесь. Виллиам, с такою прекрасною душою, с такими благородными чувствами, не должен ли во всю жизнь свою угрызаем быть совестью?». В рецензии на этот роман отмечалось, что «перевод недурен», книгу можно прочесть «не чувствуя большой скуки, но в другой раз никто уже за нее не

² К Лире. Моя история // Новости русской литературы. 1804. Ч. 9. С. 301.

³ Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 146.

⁴ Первый из них: Нерешимость, или Жизнь сира Эдуарда Балхена. Ч. 1 – 3. М., 1803. Роман был издан в Лондоне в 1768 г. без указания имени автора. Французский перевод 1769 г.

⁵ Виллиам и Генрих, или Первая неосторожность опасна. Английский роман. М., 1803.

примется»⁶. Свой перевод Щулепников впервые подписал псевдонимом Уsoleц, то есть житель Усоля, местности, расположенной возле соляных приисков. Галичская соль добывалась в Солигаличе до 1823 года.

По-видимому, Державин ответил на послание Щулепникова. Он с большим вниманием относился к начинающим авторам и поддерживал их. Но сатирических стихотворений Щулепников больше не писал. В 1804 – 1805 годах в журнале «Новости русской литературы» печатались его эпиграммы, надписи, маленькие лирические стихотворения, басни, песни, несколько переводов и переложений из Буало, Ж.-Б. Грессе, Ш.-Ф. Палара, К.-В. Рамлера. О характере этих поэтических опытов можно судить по шуточному стихотворению «Послание к Федору». Оно посвящено содержателю кофейного дома в Большой Миллионной улице:

... Не ты ли гонишь грусть, заботы улаждаешь?
Не ты ли должность нам в забаву обращаешь?
С тобою нам милей и самый вахт-парад.
Солдаты на часы – а мы за шоколад.
О чем ни вздумаем, все, все для нас готово,
Все дашь, что захотим, лишь только молвим слово.
Находишь пользу ты внутри самого вреда:
Ты делаешь вино здоровым, как вода....
То правда, что берешь ты несколько дороже,
Но если делаешь полезнее нам тоже,
В возмездие за то, не должно ли тебе
Немного выгоды доставить и себе?
... Пускай тебя бранит завистный свет,
Что много так успел нажить ты в пять лет,
Что ты имеешь дом и за городом дачу...
Пусть мыслят, как хотят, строптивые умы –

⁶ Московский Меркурий. 1803. Ч. 2. С. 35 – 37.

Лишь только бы в тебе довольны были мы...⁷

В 1805 году Щулепников поступил переводчиком в Государственный военный административный департамент и в 1807 был произведен в коллежские асессоры. В том же году он стал участником литературных вечеров, устраиваемых поочередно у А.С. Шишкова, Г.Р. Державина, А.С. Хвостова и И.С. Захарова. Иван Семенович Захаров, сенатор и писатель, член Российской академии стал его меценатом. 3 февраля Щулепников, в присутствии Г.Р. Державина, читал на вечере свое стихотворение «К трубке»⁸, которое свидетельствовало о появлении моды на курительные трубки. В Россию эта мода пришла из Голландии, где получила широкое распространение. В голландской и фламандской живописи XVIII – первой половины XIX века трубка стала непременным компонентом и жанровой сценки и натюрморта. Дым и пепел символизировали краткость земного бытия, огонь напоминал о потустороннем мире, адском пламени, а сама трубка человеческую плоть. Есть эти мотивы, отчасти, и в пространном (32 строфы) стихотворении Щулепникова. Однако оно стало предметом насмешек. По воспоминаниям С.П. Жихарева, стихотворение «не произвело никакого впечатления на слушателей», а один из них шепнул: «Пахнет табачным дымком»⁹. Но Щулепников остался верен своей трубке, и когда она сломалась, написал еще одно, хотя и не такое длинное, стихотворение «Огорчение»¹⁰.

По-видимому, в те же годы Щулепников близко познакомился с обширным семейством Голенищевых-Кутузовых. В журнале «Минерва» он опубликовал стихи «К

⁷ Новости русской литературы. 1804. Ч. 10. С. 174.

⁸ Новости русской литературы. 1805. Ч. 11. С. 265 – 271.

⁹ Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. Л., 1989. С. 118.

¹⁰ Новости русской литературы. 1805. Ч. 11. С. 233.

голубкам, вышитым на экране у Н.П.Г.К.»¹¹ и «Стихи от двухлетнего И.Л.Г.К. в день его рождения» (Ивана Логгиновича, 1805 – 1849)¹². Возможно, под влиянием Павла Ивановича Голенищева-Кутузова или в подражание ему Щулепников обратился к совершенно несвойственному ему поэтическому жанру и переложил 18-й псалом «Величество божие»¹³. Свое отношение к собственному поэтическому творчеству он сформулировал в стихотворении «К лире. Моя история». Занятия поэзией были для него не следствием вдохновения и не голосом сердца, горящего любовью, а убежищем от скуки и грусти, украшением повседневной жизни¹⁴.

В глазах многих литераторов Щулепников оставался лишь «мелкотравчатым стиходеем». Так называл его С.П. Жихарев, впрочем, причисляя к этому разряду и себя¹⁵. Однако, 4 марта 1811 года, по предложению Г.Р. Державина, Щулепников был принят членом-сотрудником «Беседы любителей русского слова», а 1 июня вошел в состав Отделения для разбора (то есть рассмотрения и критики) поступающих сочинений. Тогда же он близко сошелся с И.А. Крыловым, с которым потом на протяжении многих лет поддерживал дружеские отношения.

Война 1812 года кардинально изменила образ жизни многих членов литературного общества. Щулепников вступил в Санкт-Петербургское ополчение, участвовал в боевых действиях и был ранен под Полоцком. Тогда же он написал былинным размером патриотическую «Песнь ратников Санкт-Петербургского ополчения»¹⁶, в которой сравнивал генерал-лейтенанта Петра Христиановича

¹¹ Минерва. 1806. Ч.1. янв. С. 48.

¹² Минерва. 1807. Ч.6. дек. С. 266 -267.

¹³ Новости русской литературы. 1804. Ч. 10. С. 61 – 63.

¹⁴ Новости русской литературы. 1804. Ч.9. С. 299 – 303.

¹⁵ Жихарев С.П. Указ. соч. Т. 2. С. 206.

¹⁶ Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № 39. С. 195 – 197.

Витгенштейна (1769 – 1843), командира пехотного корпуса на Санкт-Петербургском направлении, всенародно признанного спасителем Петербурга, с К. Мининым и Д. Пожарским. Вернувшись после выздоровления в армию, Щулепников состоял дежурным штаб-офицером при сенаторе, начальнике дружин Петербургского и Новгородского ополчений Александре Александровиче Бибикове (1765 – 1822), а с 5 августа 1813 года стал офицером для поручений при кавалерийском генерале Александре-Фридрихе Вюртембергском (1771 – 1833). Вскоре в сражении при Лангфуре, предместье Данцига (ныне Вжешч возле Гданьска) Щулепников получил еще два ранения. Он прослужил в армии до 1824 года и был уволен в чине полковника с полной пенсией.

Начиная с 1814 и по 1833 год, Щулепников участвовал в работе нескольких масонских лож в Петербурге и Москве.

За годы военной службы Щулепникова были опубликованы несколько небольших его стихотворений в «Детском вестнике»¹⁷ и других изданиях. «Отечественные записки» помещали на своих страницах его письма из Санкт-Петербурга и Гатчины, в которых он приводил примеры бескорыстия крестьян, их добродетельных поступков¹⁸. Это соответствовало общему направлению журнала, намеченному его издателем Павлом Петровичем Свиньиным: показать таланты, способности и высокий нравственный уровень русского народа.

Удачно складывалась статская служба Щулепникова. Поступив в 1824 году в чине надворного советника на службу в Счетное отделение департамента внешней торговли, он (уже в чине коллежского советника) вскоре занял должность начальника отделения, причем помимо заработка за прошлые боевые заслуги продолжал получать военную пенсию.

¹⁷ Детский вестник. 1815. Ч. 4, дек. С. 239 – 241.

¹⁸ Отечественные записки. 1823. № 16. С. 455 – 456; 1824. № 17. С. 304 – 305.

Составленная им книга «Разные сведения о Российской внешней торговле»¹⁹ представляла собой обозрение торговли в исторической ретроспективе с 911 по 1829 год. В 1831 году под заголовком «Несколько слов по случаю Московской выставки» газета «Северная пчела» публиковала размышления Шулепникова о развитии русской промышленности со времени Петра I. Автор одобрительно отзывался о промышленных выставках (первая прошла в Москве в 1830 году). Такие выставки, по его мнению, «обнародывают богатства государства, дают права гражданства в России русским изделиям, знакомят нас с самими собою», в результате чего «умножается, усиливается уважение и любовь к отечественному». Он с удовлетворением пишет о скором открытии Технологического института²⁰.

М.С. Шулепников закончил службу генерал-аудитором флота и директором аудиторского департамента Морского министерства. За военную и гражданскую службу он был награжден пятью орденами. Расставшись со стихотворством, Шулепников по-прежнему был верен дружбе, завязавшейся в «Беседе любителей русского слова». В последние годы жизни его часто видели в Английском клубе, членом которого он был, за игрой в трик-трак (нарды) с И.А. Крыловым²¹. Освободившись от заблуждений молодости, М. С. Шулепников достойно прожил свою жизнь и скончался в 1842 году. Новое поколение литераторов вспоминало о нем как о закадычном приятеле И.А. Крылова, печатавшем «бездну стихов, довольно остроумных и ловких, под псевдонимом Усольца в разных тогдашних журналах», нанимавшем вместе с Крыловым «дачу на Нарвской или Петергофской дороге, очень недалеко от городской черты. К

¹⁹ СПб., 1829. Без указания имени автора-составителя.

²⁰ Северная пчела. № 133 (17 VI), № 134 (18 VI).

²¹ И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С.

ним почти каждый вечер собирались литераторы, большей частью масоны различных лож»²².

²² *Касьянов К. <Бурнашев В.П. >. Наши чудоеи. Летопись чудачеств и эксцентричности всякого рода. СПб., 1875. С. 44 – 45.*

**П.Ф. Шапошников – член-сотрудник
«Беседы любителей русского слова»**

Одним из молодых участников «Беседы любителей русского слова» был Петр Федорович Шапошников (1789 – 1812). Он не успел прославиться на литературном поприще, однако имя его не кануло в Лету. На Бородинском поле около памятника Кавалергардам установлено надгробие в виде колонны из красного гранита, увенчанной урной, с надписью: «Здесь погребено тело Петра Федоровича Шапошникова — лейб-гвардии Преображенского полка капитана, родившегося 1789 года, на службе царской бывшего 5 лет. Положившего жизнь за Отечество на Полях Бородина августа в 26-й день». На обратной стороне колонны: «Господи, прими дух мой с миром».

П.Ф. Шапошников родился в семье директора Пажеского корпуса Федора Сергеевича Шапошникова (1754 – 1836)²³, образование получил в Пажеском корпусе, где обучался вместе со старшим братом Василием. 9 ноября 1807 года, в возрасте 18 лет произведен из камер-пажей в поручики лейб-гвардии Преображенского полка. Здесь он подружился с графом Сергеем Павловичем Потемкиным (1787 – 1858), человеком «предобрейшим и прелюбезнейшим», увлеченным театром, литературой и всеми изящными искусствами. С.П. Жихарев писал по этому поводу: «Он (С.П. Потемкин – *Н.М.*) очень дружен с братьями Шапошниковыми, из которых младший его

²³ О нем см.: *Артамонова И.Н.* Ф.С. Шапошников // Русский биографический словарь: В 25 т. / Под ред. А.А. Половцова. СПб., 1896 – 1918. Т. 22. Чадаев – Швитков. СПб., 1905. С. 523 – 524.

сослуживец, видный собою молодец и человек с талантом. Рыбак рыбака далеко в плесе видит <...>»²⁴.

Одним из первых литературных трудов поручика Шапошникова стал перевод трагедии Ж.-Б. Расина «Аталия» («Гофолия»), выполненный им совместно с графом Потемкиным, по-видимому, в 1809 году. «Я слышал некоторые сцены и запомнил много стихов, врезающихся в память. Славный, энергический перевод <...>» – писал в своем дневнике Жихарев²⁵. Трагедия была поставлена на петербургской сцене в 1810 году. Главную роль в ней исполнила Екатерина Семенова.

Ф.Ф. Вигель, вспоминая театральную жизнь второй половины 1800-х годов, пишет, что тогда «составилась целая компания переводчиков, которые надеялись иметь успех посредством складчины дарований своих: граф Сергей Потемкин, какой-то Шапошников, какой-то Висковатов и еще другие, по двое и по трое вместе, пустились взапуски, кто кого хуже, изводить французские трагедии, чтоб угодить общему вкусу»²⁶.

Перевод «Аталии» не был напечатан, поэтому можно лишь предположить, что стиль трагедии на библейский сюжет был достаточно архаичен.

О стилистике сочинений, создававшихся в «потемкинском кружке», позволяет судить опера «Душенька» (1808), написанная С.П. Потемкиным совместно с А.В. Кочубеем на основе известной поэмы И.Ф. Богдановича и роскошно изданная с гравюрами А.Г. Ухтомского по

²⁴ Жихарев С.П. Записки современника. Дневник чиновника. М.-Л., 1955. С. 555. удалось.

²⁵ Там же. С. 555 – 556.

²⁶ Вигель Ф.Ф. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800 – 1825. С. 466.

рисункам А.И. Иванова в 1808 году²⁷. Жихарев так оценил этот труд: «В прошедшем году Потемкин напечатал свою оперу в пяти действиях под названием «Душенька», взятую из сочинения Богдановича, и напечатал ее по-своему, то есть по-графски, роскошно, на веленовой бумаге, и украсил бесподобными гравюрами. Лучшего издания в России нет. Жаль, что эта опера неудобна для представления на театре, потому что потребовала бы огромных издержек на обстановку и такой музыки, для сочинения которой едва ли найдется у нас капельмейстер. Но еще больше жаль, что в стихах его оперы находится много таких слов, которые неупотребительны в легком разговорном языке. Мне кажется, чуть ли он не хотел похвастаться перед староверами русского языка в знании языка славянского и взятыми из него выражениями заменить употребительные выражения, имеющие в основании языки иностранные»²⁸.

Неудивительно, что С.П. Потемкин и П.Ф. Шапошников были приняты в «Беседу любителей русского слова». Они стали членами-сотрудниками третьего разряда, возглавляемого А.С. Хвостовым. Граф Потемкин даже предложил участникам «Беседы» свой дом для еженедельных собраний «по четвергам пополудни в 7 часов» с целью подготовки к изданию очередных выпусков «Чтений в Беседе любителей русского слова»²⁹.

Герой нашей статьи дважды выступил на торжественных заседаниях этого литературного общества, проходивших в парадном зале особняка Г.Р. Державина на

²⁷ Кочубей А.В., Потемкин С.П. Душенька: Опера, в пяти действиях и в вольных стихах: С превращениями, хорами и балетами. СПб., 1808. Рец.: Цветник. 1809. Ч. 1. № 1.

²⁸ Жихарев С.П. Дневник чиновника. С. 555.

²⁹ См.: Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX века. 1. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Десницкий В. Избранные статьи по русской литературе XVIII – XIX вв. М.-Л., 1958. С. 120.

Фонтанке. Показателен сам выбор представленных на суд собравшейся публики сочинений: переложение 143-го псалма³⁰ и перевод элегии Шиллера «Идеалы» (Die Ideale, 1795), озаглавленный «Мечтания»³¹.

Первое из своих сочинений он прочел на третьем торжественном заседании «Беседы», состоявшемся 26 мая 1811 года. В литературном мире 143-й псалом был, как известно, знаменит благодаря состязанию трех поэтов: М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова и В.К. Тредиаковского, решавших проблемы теории стиха и споривших о смысловом значении ямба и хорея³². Автор каждого нового переложения невольно имел серьезных соперников. Однако таких авторов было немного. «Он вообще не пользовался особой популярностью у русских поэтов ни до “состязания”, ни после» – пишет современный исследователь интересующего нас текста³³. Возможно, это происходило потому, что 143-й псалом не был «на слуху», поскольку не входил в состав ежедневного богослужения православной церкви. Чем же он привлек молодого гвардейского офицера Шапошникова? Вероятно, в первую очередь героическим характером содержания, актуальным в период подготовки к войне с Наполеоном.

Молодой воин Давид, автор псалма, славит Господа за победу над Голиафом и молит о новых победах. Он рисует

³⁰ Опубл.: Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 3. СПб., 1811. С. 31 – 33. Текст второго, неопубликованного, псалма не сохранился.

³¹ Опубл.: Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 7. 1811. С. 38 – 41.

³² См.: Шишкин А.Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 232 – 246; Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 181 – 241.

³³ Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. С. 195.

своих врагов как людей, преданных мирской суете, ложному блаженству, которое они видят в благополучии. Однако истинно блаженны те, кто верует в Бога и любит его.

Петр Шапошников, вслед за Ломоносовым, перелагает 143-й псалом, который состоит из 15 стихов, четырехстопным ямбом. Он создает 11 четырехстрочных строф, трижды объединив два стиха псалма (3-й и 4-й, 5-й и 6-й, 9-й и 10-й) в одну строфу. Следуя ломоносовской трактовке текста, еще больше усиливает контраст между идеалами врагов и мироощущением тех, кого любит Бог; вводит прямую речь, лексической основой перевода делает церковнославянизмы. Приведем несколько строф рассматриваемого переложения:

Благословен в Сионе Бог,
Мою десницу ополчивый
И персты слабы научивый
На брань, чтоб стерть кичливых рог.	1
Моя ты милость и покров,
Заступник мой и избавитель,
Прибежище и защититель:
Ты мне вручил моих рабов.	2
За что, о Боже! Человек
Столь возвеличен был Тобою?
Он соравнялся с суетою;
Как сень его преходит век.	3
Склони, Господь, небесный свод,
Коснись горам – и воздымятся,
Кинь молнию – и разрушатся,
Дхни – и польются сонмы вод.	4
Простри десницу с облаков,
Изми меня из мрачной бездны,	5

Где токи проливаю слезны
Во власти чуждых мне сынов.

Сей род кичливый взносит рог
И радость Богом почитает.

Се глас, что бури укрощает:
«Блажен, его же Аз есмь Бог»³⁴.

11

Как же оценили этот перевод современники Петра Федоровича? В бумагах Державина сохранились «Примечания», сделанные членами возглавляемого им 2-го разряда «Беседы», собравшимися в доме поэта 5 мая 1811 года, на «Сочинения 3-го к чтению приготовленные»³⁵. Рассматривались «ирои-комическая поэма» А.А. Шаховского «Расхищенные шубы» (Предисловие и Песнь 1) и два псалма Шапошникова³⁶, результаты обсуждения которых были такими: «Из псалмов мы сделаем замечания только на первую строфу. Стих. 1. Всю внутренну зажгла. Именительный внутренна, а не внутренно, следственно, и винительный должен быть внутренно. 2. Разверзся ад под мной глубокой. Под мною вместо подо мною свойству языка противно. 3 и 4. Небо в мрачную только погоду объято бывает мглою. Сравнение неясно, а в подлиннике его нет. Впрочем, г. преложитель, слича стихи свои с подлинником, найдет, конечно, и сам, что везде, где он от одного отступает, где прибавляет или убавляет, красот его уменьшает много. Напр. во 143 псалме 3 строфа совсем не отражает мысли: Господи! что есть человек, яко познам ему и пр...? в 4 строфе мысль:

³⁴ Чтение 3. 1811. С. 31 – 33.

³⁵ РНБ. Ф. 247, т. 5, л. 280 – 280 об. Дата заседания указана в «Дневнике» Д.И. Хвостова. См.: Из архива Хвостова / Публ. А.В. Запорова // Литературный архив. М.-Л., 1938. Т. I. С. 373.

³⁶ О содержании заседания известно как из самих «Примечаний», так и из «Дневника» Д.И. Хвостова (Из архива Хвостова. С. 373).

дохни – и станут сонмы вод к подлиннику прибавлена, и смыслу господовых псалмов противна; он в другом месте говорит: дхнет дух его, и потекут воды»³⁷.

Вероятно, познакомившись с этими замечаниями, Петр Федорович решил читать перед публикой лишь переложение 143-го псалма, возможно, внося в него незначительную правку.

Об этом свидетельствует то, что 23 мая 1811 года на предварительном заседании «Беседы», в котором приняли участие почетные попечители – граф В.А. Завадовский, министр просвещения граф А.К. Разумовский и 15 ее действительных членов, слушали в числе шести сочинений «преложение» только одного, 143-го, псалма. «Все сии сочинения общим мнением Беседы одобрены были к чтению пред посетителями» – записал в протоколе заседания ее «член и неперемный секретарь А.А. Писарев»³⁸.

Граф Д.И. Хвостов, строго судивший своих соратников по перу и присутствовавший как на предварительных, так и на торжественном собрании «Беседы», отметил в своем «Дневнике»: «Псалмы Шапошникова, весьма обыкновенны»³⁹.

23 февраля 1812 года, на седьмом заседании «Беседы» Петр Федорович прочел стихотворение «Мечтания» – перевод элегии Шиллера «Идеалы», любимой романтиками.

³⁷ РНБ. Ф. 247, т. 5, л. 280 об.

³⁸ Десницкий В. Из истории литературных обществ начала XIX века. 1. Журналы «Беседы любителей русского слова» С. 120. В перечне прочитанных сочинений «Дневником» торжественного заседания «Беседы», состоявшегося 26 мая 1811 года, зафиксировано: «2. Преложение 143-го псалма стихами, сочинение члена-сотрудника Беседы г. Шапошникова и им самим читанное» // Там же.

³⁹ Из архива Хвостова. С. 374. В «Вестнике Европы» была напечатана рецензия Р. Цебрикова на третье заседание «Беседы»: Р.Ц. «Письмо к приятелю: (О третьем чтении Беседы любителей русского слова. В С. Петербурге)» // Вестник Европы. 1811. Ч. 58. № 15. Август. С. 206 – 220.

Он невольно вступил в соревнование с последними. Ближайшим его «соперником» оказался М.В. Милонов, который 1 февраля того же года на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств прочел свое подражание «Идеалам» – стихотворение «К юности»⁴⁰. В первой половине 1812 года вольный перевод «Идеалов» (под названием «Мечты») сделал В.А. Жуковский⁴¹. Через несколько лет в «Благонамеренном» (весь номер которого был посвящен памяти Милонова, скончавшегося в октябре 1821 года) появилась статья В.М. Княжевича «Разбор двух стихотворений, преложенных из Шиллера В.А. Жуковским и М.В. Милоновым»⁴². Перевод погибшего на Бородинском поле Шапошникова остался незамеченным. Лишь граф Д.И. Хвостов, побывав на седьмом заседании «Беседы», сделал в своем дневнике очередную скептическую запись: «2-е. Уныние, подражание Шиллеру, перевод стихами Шапошникова, прозаический»⁴³.

В «Собрании сочинений Шиллера в переводе русских писателей», изданном под редакцией С.А. Венгерова в 1901 году, дана такая оценка интересующему нас тексту: «Довольно точный, но достаточно тяжеловесный перевод»⁴⁴.

⁴⁰ Милонов М.В. К юности («Ты утекаешь невозвратно...») / (Подражание Шиллеровым Идеалам) // Санктпетербургский вестник. 1812. Ч. 1. № 2. 29 февраля. С. 161 – 163.

⁴¹ Впервые опубли.: Вестник Европы. 1813. Ч. 70. № 14. С. 81 – 84. См. комментарий О. Лебедевой в кн.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти т. Т. 1. Стихотворения 1797 – 1814 годов. М., 1999. С. 586 – 589.

⁴² Благонамеренный. 1821. Ч. 16. № 23 – 24 (дек.). (9 марта 1822). С. 217 – 245.

⁴³ Из архива Хвостова / Публ. А.В. Западова // Литературный архив. Т. 1. М.-Л., 1938. С. 383.

⁴⁴ Собр. соч. Шиллера в переводе русских писателей / под ред. С.А. Венгерова: В 4-х т. СПб., 1901. Т. 1. С. 377. (Аннотированная библиография сост. А.Г. Горнфельдом).

К «Идеалам» Шиллера Шапошников обратился, возможно, потому, что ему оказались близки элегические мотивы «невозвратимой юности», «крушения воздушных замков» и оставшихся в утешение *Дружбы* и *Упражненья*:

От шумного сопровожденья
Остался кто еще со мной?
Кто в душу льет мне утешенья?
Кто спутник мне в дом мрачный мой?
Ты, исцеляюща страданья,
О *Дружба*, счастливых удел!
Опора в скорбях и терзаньи,
Кого искал я и обрел.

И ты, с ней твердо сопряженно
Противу бурь страстей, и бед,
О *Упражненье* драгоценно!
Что зиждешь ты, то не падет;
Храм вечности сооружая
Хоть по песчинке ты кладешь,
Но жизни скорби услаждая
Дни, годы за собой влечешь⁴⁵.

Вскоре («в исходе месяца марта») граф Потемкин пишет стихотворение «И мои мечтания»⁴⁶, противоположное по теме и тональности «Мечтаниям» его друга и оказавшееся во многом пророческим. Вначале в нем создана картина благоденствующей России, затем появляется тема нарастающей военной угрозы:

Но вдруг Беллона раздраженна
Восстала, и раздор возжгла.

⁴⁵ Чтение 7. 1811. С. 41.

⁴⁶ Оpubл.: Там же. С. 88 – 93.

Уже ревут повсюду громы,
Предвозвещают страшный бой;
И вои оставляют дома,
Спеша за ратною трубой⁴⁷.

Главным же становится обращение России, поддержанное самим Богом, к юному Герою с призывом сокрушить врага:

Спеши предстать перед врагами,
Разбить и смерть им нанести.
Прости, Сын верный! Бог сил с вами!
По сем рекла ему: «Лети!..

Лети, к нему речь обращала,
Лети, и будь Р о с с и и щит;
Заступник мой, лети!» – вещала;
И воин, оперясь, летит⁴⁸.

Именно таким воином и оказался в реальной жизни Петр Федорович Шапошников. 26-го августа молодой капитан гвардейского Преображенского полка погиб на Бородинском поле. На следующий день он был похоронен в Можайске на Троицком кладбище, возле Троицкой церкви. Здесь же были погребены капитан гвардейских егерей А.П. Левшин и убитые одним ядром поручик Семеновского полка граф С.Н. Татищев и прапорщик того же полка Н.А. Оленин. 7 сентября 1966 года состоялось торжественное перезахоронение героев на Бородинском поле, с преклонением знамен, салютом и прохождением роты почетного караула.

⁴⁷ Там же. С. 93.

⁴⁸ Там же. С. 94.

**Почетный член «Беседы любителей русского слова»
Андрей Федорович Дерябин**

При учреждении «Беседы любителей русского слова» в 1811 Андрей Федорович Дерябин был избран ее почетным членом и состоял в этом качестве на протяжении всего времени существования общества. Об участии А.Ф. Дерябина в работе «Беседы» нам, к сожалению, ничего не известно. В сохранившихся протоколах заседаний его имя не упоминается. Пока не удастся обнаружить и каких-либо литературных произведений Дерябина. Настоящая статья посвящена уточнению некоторых фактов из биографии этого выдающегося русского горно-промышленного деятеля, а также выявлению связей Дерябина с современными ему литераторами. Документально подтверждено знакомство Г.Р. Державина с Дерябиным задолго до основания «Беседы».

Андрей Федорович Дерябин родился 2 октября 1770 года в селе Дерябинское Верхнетуринского завода, что на реке Туре в 180 верстах севернее Екатеринбурга⁴⁹. Его отец Федор Деомидович был дьячком местной церкви, мать происходила из сибирских казаков. Позднее отец его был рукоположен и стал дьяконом, а затем священником в церкви при Нижне-Туринском заводе. Андрей Федорович вначале обучался в доме отца, а затем течение пяти лет в Тобольской семинарии. В уральских и сибирских семинариях традиционно сильным было преподавание точных наук. В Пермской семинарии, например, в числе преподаваемых предметов была не только теоретическая, но и экспериментальная физика. Интерес Дерябина к точным наукам заставил его покинуть семинарию ради светской

⁴⁹ Шумилов Е.Ф. Для пользы ближних... Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск, 2004. С. 9.

карьеры. Дети священников в таких случаях нередко продолжали образование в Медико-хирургической академии в Петербурге. В феврале 1787 года в возрасте 17 лет Дерябин был отпущен из семинарии для обучения в Медико-хирургической академии, но набор в академию был уже закончен. Дерябин подал прошение о поступлении в Императорское горное училище и был принят туда кадетом. Он был очень способным и прилежным учеником. Уже в 1790 Андрей Федорович был произведен шихтмейстером и послан на Нерчинские заводы, а затем на Горо-Благодатские заводы. В 1798 Дерябина вызвали в Петербург, откуда он был послан в чужие края для обозрения горных заводских работ. Он должен был ознакомиться с постановкой горного дела в Германии, Франции и Англии, главным образом, конечно, в Англии, которая была тогда страной с самой передовой промышленностью. В дороге с Дерябиным приключилась беда: суденышко, на котором он пересекал Ламанш перевернулось и затонуло. Он выплыл, но лишился всего своего багажа. На счастье Дерябина граф Семен Романович Воронцов принял самое деятельное участие в его беде, а впоследствии оказывал всяческое содействие в выполнении задач, которые были поставлены перед Дерябиным. Воронцов добился продления командировки Дерябину на год, так как за короткое время было невозможно основательно ознакомиться с английской промышленностью. В конце 1799 года Воронцов отправил его в Россию с письмом к Михаилу Федоровичу Соймонову, в котором весьма высоко оценил способности и деловые качества Дерябина.

По прибытии в Россию Дерябин был произведен в очередной чин и назначен в Бергколлегию⁵⁰. Он управлял Кабинетской экспедицией, Конторой разделения золота и серебра⁵¹, а в декабре 1801 уже в чине обер-берггауптмана 5

⁵⁰ РГИА. Ф. 39, оп. 1, д. 138, л. 215.

⁵¹ РГИА. Ф. 1374, оп. 3, д. 2274, л. 21

класса был назначен начальником Горо-Благодатского и Пермского горных начальств. В короткие сроки Дерябину удалось значительно улучшить деятельность этих заводов.

В 1802 году судьба свела Дерябина с Г.Р. Державиным. В феврале того же года Державин занимался делом о беспорядках в Бергколлегии. Это дело состояло из нескольких частей. Главная его часть – о голоде на Нерчинских заводах – Дерябина не касалась. На заводах, которыми он управлял, голода не было. Но часть дела относилась персонально к нему. Речь шла о растрате казенных средств. Обеспеченность заводов специальной литературой была явно недостаточной, и Дерябин занимался покупкой книг. Он употребил на эти нужды 5100 руб., тогда как горный директор имел право потратить на книги только 2400 руб. Державин, изучавший материалы дела, оказался в сложной ситуации. С одной стороны нарушен закон: допущен перерасход казенных денег. Следовательно, виновный должен быть наказан. С другой стороны, обвиняемый не присвоил себе эти деньги, а потратил их на благое дело – приобретение книг, необходимых для обеспечения производственного процесса и модернизации производства. Дело завершилось следующим образом. Поскольку Дерябин был директором не только Горо-Благодатских, но и Пермских заводов, было решено, что он мог потратить на книги не 2400 руб., а вдвое больше, то есть 4800 руб. Что касается оставшихся 300 рублей, «издержанных на покупку пробирных весов, горных компасов и законных книг, то оные должны быть поставлены на счет канцелярских расходов по тем начальствам»⁵². Дерябина вызывали для дачи объяснений по делу в Петербург, где у него была, по видимому, личная встреча с Державиным.

Дерябин, полностью оправданный при участии Г.Р. Державина, в 1804 году получил орден св. Анны 2 степени, а

⁵² РГИА. Ф. 1374, оп. 5, д. 231, л. 4.

через год дополнительно к занимаемым должностям был назначен Управляющим Дедюхинскими соляными промыслами.

Для работы в Комитете по реформе Горного ведомства, организованном в 1804 году, Андрей Фёдорович был вновь вызван в Петербург. Первой задачей Комитета было ознакомление с развитием горного дела в России и с историей горного законодательства. Эту задачу возложили на Дерябина, который после продолжительной работы представил на рассмотрение Комитета «Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних». Комитет всецело присоединился к мнению, выраженному в исторической записке Дерябина. «Проект Горного Положения», принадлежавший перу Дерябина, был утвержден в 1806 году. 20 февраля 1807 года по именному Высочайшему указу ему было поручено устройство оружейного завода в Вятской губернии. В Вятскую губернию Дерябин уехал будучи уже женатым на Наталье Никитичне, урожденной княжне Урусовой. Его жена была дочерью князя Никиты Сергеевича Урусова и Варвары Александровны, урожденной Окуновой⁵³. Таким образом, Наталья Никитична приходилась внучкой старинному приятелю Державина Александру Гавриловичу Окуневу (1730 – 1806)⁵⁴, а также родной племянницей писательнице княжне Екатерине Сергеевне Урусовой (1747 – после 1817)⁵⁵, которую когда-то прочили в невесты Державину.

⁵³ См.: *Державин Г.Р. Записки. Полный текст. 1743 – 1812. М., 2000. С. 81.*

⁵⁴ Писатель- переводчик. О нем см. статью Н.Д. Кочетковой в «Словаре русских писателей XVIII века».

⁵⁵ Княжна Е.С. Урусова приходилась двоюродной племянницей М.М. Хераскову. Она, как и Дерябин, была почетным членом «Беседы любителей русского слова». Об Е.С. Урусовой см.: *Кочеткова Н.Д. Урусова Е.С. // Словарь русских писателей XVIII века. Ч. 3. Р – Я. СПб., 2010. С.*

Деятельность Дерябина по организации Ижевского оружейного завода и строительству города Ижевска подробно освещена в литературе.

В 1810 году Андрей Фёдорович снова был вызван в Санкт-Петербург, он получил чин обер-берггауптмана 4 класса, а с 1811 года руководил Департаментом горных и соляных дел и Горным кадетским корпусом. С октября 1811 года по май 1813 года секретарем Андрея Федоровича в департаменте был Александр Александрович Хвостов (6.01.1788 – после 1850) член-соревнователь первого разряда «Беседы», сын Александра Семеновича Хвостова (1753 – 1820), председателя третьего разряда этого общества⁵⁶. Как и Дерябин, А.А. Хвостов состоял в «Беседе» с основания и до конца ее существования.

У возглавлявшего Горное ведомство Дерябина были враги и недоброжелатели. По-видимому, главным его врагом был действительный камергер Всеволод Андреевич Всеволожский, который получил в 1796 году в наследство от своего дяди сенатора Всеволода Алексеевича Всеволожского Пожевский чугуноплавильный и железоделательный завод в Пермской губернии. Разрабатываемые на землях Всеволожского рудники составляли «такое богатство, которого даже по сие время, через 53 года выработки не токмо не изыскано конца, но едва видимо начало, ибо все пространство отводов состоит из одной массы руды, лежащей на глубину, которой шахтами сколь ни углублялись, пределов найти не могли»⁵⁷. Основываясь на изобилии руды, Всеволожский в 1802 – 1808 построил своим коштом новый Александровский завод на речке Лыстве в 128 верстах от Пожевского завода. По Высочайшему указу от 9 августа 1762 года новые заводы освобождались от уплаты десятинного налога в течение

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536, оп. 6, д. 332, л. 1 – 2.

⁵⁷ РГИА. Ф. 560, оп. 3, д. 85, л. 1 – 33.

первых 10 лет своего существования. Всеволожский пользовался налоговыми льготами с 1808 года. Однако Дерябин решил эти льготы отменить, поскольку новый завод использовал для добычи руды старые рудники, а не вновь запущенные в разработку, кроме того, с пуском нового завода облагаемая налогом выплавка чугуна на старом заводе резко уменьшилась.

В декабре 1815 года Всеволожский обратился к министру юстиции Д. П. Трошинскому с прошением рассмотреть вопрос о законности предоставления льготы, одновременно он просил устранить Дерябина от участия в деле по «явному его недоброжелательству». Дело Всеволожского рассматривали различные инстанции, окончательное решение вынес Государственный совет, который присудил Всеволожскому выплатить налог, но лишь за период 1808 – 1811 годов. Недоимка получилась огромная, и на ее выплату предоставили рассрочку. Просьба Всеволожского устранить от рассмотрения вопроса Дерябина разрешилась сама собой, так как в конце 1816 года Дерябин был уволен от службы с формулировкой «по слабости здоровья».

В свою очередь Дерябин подал жалобу на Всеволожского, поскольку считал его прошение «за личную по должности обиду и несправедливое оклеветание». Горный совет решил передать ее на благоусмотрение Правительствующего Сената. Однако Совет министерства финансов счел «сие за личную между ними ссору» и 4 февраля 1820 года постановил обстоятельства сего Правительствующему Сенату не представлять.

Истинной причиной увольнения Дерябина, по-видимому, было не состояние его здоровья, а действия «злоумыслящих», как он указал в своем духовном завещании.

Всеволод Андреевич Всеволожский был известным мастером интриги. Несколько ранее убедиться в этом получил возможность Г.Р. Державин. В 1795 году Санкт-

Петербургский совестный суд рассматривал наследственный спор между Всеволожским и гвардии капитаном-поручиком И.И. Дмитриевым, интересы которого в суде представлял Державин⁵⁸. По мнению Гавриила Романовича это дело было совершенно ясным. Всеволожский, сделав вид, что соглашается с доводами Державина, усыпил его бдительность, а сам сосредоточился на членах суда, которых сумел расположить в свою пользу.

Будучи мастером интриг, Всеволожский, вероятно, применял какие-то закулисные действия и в деле против Дерябина. Не исключено, что именно ему удалось настроить против Андрея Федоровича барона Григория Александровича Строганова⁵⁹.

С момента увольнения и до своей смерти Дерябин находился при управлении фабричных заведений в Гомеле, принадлежавших государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву. Дерябин успел провести несколько важных инноваций производства, но всем его планам не суждено было сбыться. Он умер в Гомеле в 1820 году и был похоронен в имении жены в Ярославской губернии.

Литературная деятельность Дерябина нам, к сожалению, совершенно неизвестна. Архив Дерябина не удастся найти, по-видимому, он не сохранился. Помимо вышеупомянутой «Исторической записки» удалось обнаружить пока лишь деловую переписку Дерябина, по которой трудно судить о наличии или отсутствии у него литературного дарования. Исключением является, по-видимому, лишь текст завещания Андрея Федоровича. Обращаясь к своему сыну Федору (1813 – 1865), Дерябин писал:

Милый сын! Служи Отечеству и Государю со всем усердием, не ожидай никаких наград, не будь мздоимцем и наемником, но если

⁵⁸ РГИА. Ф. 1400, оп. 1, д. 721, л. 17 – 24.

⁵⁹ Дело о претензии Г. Строганова к Дерябину (РГИА. Ф. 1405, оп. 28, д. 565), к сожалению, не сохранилось.

должность требует более расходов, чем твое жалованье – откажись.

Человек, исполняющий добродетели в ожидании наград, не есть добродетельный, но мздоимец. Не смотри, что отец твой был под конец худо награжден, в том не виноват ни Государь, ни начальники, может быть, несколько зломыслящих, которых я от всей души прощаю, привели меня в сие положение, и наверно знаю: меня оклеветали.

Обстоятельства мои были таковы, что можно было верить. Не избирай службы, пока не кончил курса ученья и не познаешь своих способностей, и в сем случае не полагайся на себя, но на моих благодетелей, друзей и родных, решившись принять род жизни или службы, употреби еще несколько времени на изучение тех предметов, которые к ней принадлежат. В службе поздно учиться, а должно только приуготовляться к высшим по оной занятиям. Горный корпус обязан принять тебя на воспитание, но я не отнимаю свободы, где ты хочешь учиться и где случай или склонности тебе позволят. Из всех должностей помни, что преданность Государству и верность Монарху суть высшие, охраняющие всех граждан⁶⁰.

⁶⁰ РГИА Ф. 880, оп. 5, д. 15, л. 60.

Стал бы Херасков членом «Беседы любителей русского слова»?

Хотя в истории литературы, как и в истории вообще, нет сослагательного наклонения, предложенный вопрос в некотором роде риторический. Сразу напрашивается ответ: ну, конечно, стал бы. Этот вопрос позволяет, однако, затронуть ряд тем, связанных с предысторией «Беседы» и с характеристикой позиции одного из самых значительных русских писателей XVIII столетия.

Как известно, Михаил Матвеевич Херасков скончался, дожив почти до 74 лет, в 1807 году, то есть за четыре года до создания «Беседы». Среди его последних сочинений был стихотворный трактат «Поэт» (1805), мало привлекавший внимание исследователей. Между тем, он интересен как программное поэтологическое произведение маститого автора, решившего на склоне лет выступить в качестве наставника молодых поэтов. Для первых лет XIX века этот трактат во многом производит впечатление анахронизма. Эпиграфом к нему служат строки из «Эпистолы о стихотворстве» А.П. Сумарокова:

Напрасно на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит¹.

Херасков цитирует, очевидно, по памяти, допуская некоторую неточность: у Сумарокова: «*Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит...*»². Эта деталь может служить еще одним свидетельством того, что принципы поэзии

¹ Херасков М. М. Поэт. М., 1805. С.1. Далее ссылки на это издание в тексте.

² Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 117. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). Курсив мой. – Н. К.

классицизма остаются для Хераскова по-прежнему актуальными и живыми. Убежденный в необходимости правил, он советует начинающему автору:

Последуй истинным и древним тем законам,
Какие Флакк писал в письме своем к Пизонам,
Боалову имей науку о стихах,
Всегда на памяти и часто во устах.
Что в наставлениях нам предал Сумароков,
Тех правил не забудь; не бегай тех уроков (С. 14)

Херасков последовательно рассматривает разные поэтические и драматургические жанры, называя имена образцовых авторов. Прежде всего, это, конечно, античные писатели: в первую очередь, Гомер и Вергилий, а также Овидий, Эсхил, Софокл. Упоминаются и европейские авторы эпических поэм, служившие образцами для самого создателя «Россияды»: Т. Тассо и Дж. Мильтон. Не забыты, однако, и французские образцы, когда речь идет о драматургии: Корнель, Расин, Мольер, Вольтер. Особенно интересно, как Херасков оценивает творчество соотечественников:

Великих мы певцов во всех имеем родах;
Со Ломоносовым пари в гремящих одах;
Шути с Державиным, иль Бога воспевай,
И с Лафонтенами нас в притчах научай (С. 12)

Фактически названо только два имени, кроме Сумарокова. Авторитет Ломоносова был для Хераскова непререкаем в течение всей жизни. Еще в своих ранних стихах он не противопоставлял двух поэтов, но стремился отдать должное заслугам каждого из них. В стихотворном «Письме» (1760) он писал о них: «Великие творцы, отечеству

хвала»³. Творческие и личные отношения Хераскова и Державина подверглись существенной эволюции⁴. Они не стали соперниками, но как бы разделили поэтические сферы: первый оставался «русским Гомером», автором «Россияды»; второй стал не только «русским Горацием», но и «русским Анакреоном», и певцом Бога. Каждый из них ценил заслуги другого. Показательно, что больше никого из державинского окружения Херасков не называет в своем трактате: ни В.В. Капниста, ни И.И. Хемницера, ни Н.А. Львова. Не упомянуто даже имя И.И. Дмитриева, уже снискавшего к тому времени широкое признание в литературных кругах и в то же время высоко чтившего Хераскова, считая его своим учителем. Строка «И с Лафонтенами нас в притчах научай» имеет в виду баснописцев вообще, но не Дмитриева персонально.

Отсутствие имени Карамзина отчасти объяснимо, поскольку речь идет о стихотворных жанрах. В трактате говорится, правда, о «баснословных» повестях, соединяющих историю с мифологическими вымыслами – излюбленный жанр самого Хераскова. В то же время некоторые высказывания Карамзина о процессе творчества и необходимых для творца качествах находят отклик у Хераскова. Называя образцовых писателей, он призывает подражать не им, но природе: «К натуре обрати душевное вниманье» (С. 7). Автор трактата призывает не утомлять читателя сухими наставленьями: «Поэт, играя, учит» (С. 9). Тем не менее, в произведении Хераскова можно заметить и завуалированную полемику с сентименталистами, касающуюся выбора тем, и, особенно, вопросов языка. Преимущественное внимание поэта, по его мнению, должно

³ Херасков М.М. Избранные произведения. Л., 1961. С. 102. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)

⁴ Подробнее см.: Кочеткова Н.Д. Державин и Херасков // Державин и культура Казанского края: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина (г. Лаишево, 26 – 28 июня 2008 года). С. 126 – 130.

быть обращено к высоким, героико-патриотическим темам: восхвалению подвигов, прославлению добродетели. Намечена и конкретная тема – Полтавская победа:

Воспой великого Петра мне под Полтавой,
Сей малый прежде град, незнаема страна,
Прославилась на все грядущи времена;
Там жребий двух держав и двух царей решился:
Орел возвысился, Лев прежних сил лишился (С. 12).

В отличие от Сумарокова, Херасков не рассматривает такие камерные жанры, как идиллия, элегия, песня, прочно уже вошедшие в русскую поэзию того времени. Касаясь же вопросов языка, поэт явно оказывается на стороне архаистов, выступая с советом: «Язык свой знать – читай писания духовны» (С. 9). Далее писатель наставляет начинающего автора:

Не порти русского французским языком.
Возносишься ль в эфир, смеешься ль, чистишь нравы,
Своей грамматики храни всегда уставы (С. 13).

Подобные высказывания могли быть встречены с полным одобрением у будущих членов Беседы, которые всячески выказывали свой пиетет к автору «Россияды». Его авторитет был признан писателями разных группировок: о нем с уважением и даже восхищением писали И.И. Дмитриев, А.И. Голицын, А.В. Храповицкий, В.В. Измайлов, П.И. Шаликов. К Хераскову обращались с литературными посвящениями (И.В. Лопухин, С.Н. Глинка и многие другие). Как свидетельствовал Г.П. Каменев в 1800 году, Лопухин

называл Хераскова «старостой русской литературы».⁵ Автора «Россияды» восхваляли и будущие члены Беседы.

В 1805 году А.С. Шишков посылал Хераскову только что вышедшие «Сочинения и переводы», изданные Российской Академией и в сопроводительном письме называл поэта «мужем, в стихотворстве и словесности нашей знаменитейшим» и просил его обогатить академическое издание «известными свету талантами своими».⁶ А.А. Волкова писала в «Стихах его превосходительству Михайлу Матвеевичу Хераскову»:

Бессмертную твою читая Россияду,
Толико тронута душа моя была,
Что в умилении ток слезный я лила⁷.

Старый поэт не остался равнодушен к такой похвале и ответил Волковой стихами:

Приятную награду
Приемлю я за Россияду:
Имеющая ум, разборчивость и вкус,
Мне пишет похвалу любительница муз⁸.

В журнале «Друг просвещения» в 1804 – 1805 годах появилось два хвалебных стихотворения Д.И. Хвостова, адресованных Хераскову: это и «Надпись к портрету Михайла Матвеевича Хераскова», в которой он был назван «бессмертным творцом»⁹, и «Ода. Зима: Михайле Матвеевичу

⁵ Письма Г.П. Каменева к С.А. Москотильникову // Бобров Е. Литература и Просвещение в России XIX в. Казань, 1902. Т.3. С. 120.

⁶ Письмо А.С. Шишкова к М.М. Хераскову 20 октября 1805 г. // РНБ. Ф. 862. № 3. Л. 13 – 13 об.

⁷ Стихотворения девицы Волковой. СПб., 1807. С.72.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ Друг просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 33.

Хераскову», в которой он представлял как «Виргилий русских стран»¹⁰. Анонимный автор стихотворения «Признательность муз к М. М. Х.» в своих похвалах поэту превзошел всех прочих, уподобляя его и Гомеру, и Пиндару, и Анакреону, и Вергилию, и даже Фенелону и называя «светилом русского Парнаса»¹¹.

Кончина Хераскова вызвала литературные отклики, многие из которых принадлежали будущим членам «Беседы». Ставший ее почетным членом П.И. Голенищев-Кутузов, известный гонитель Карамзина, опубликовал в университетской типографии отдельным изданием свое выдержанное в архаическом стиле стихотворение «В память бессмертному Хераскову, скончавшемуся сентября 27 дня 1807 года от искреннего его почитателя». В самых выпренных выражениях стихотворец восхвалял «северного Гомера» и выражал скорбь в связи с его кончиной:

<...>Звезда блестящая, прекрасна,
Злативша верх священных гор!
Ты пала! В бездну погрузилась!
Погасла вдруг! – от глаз сокрылась,
Сияв, как солнце, столько лет! –
Во мрак печали облеченный
О том скорбит Парнас смущенный,
Что твой не блещет больше свет!

Восторженный одописец пророчит Хераскову
поэтическое бессмертие:

Доколе не иссякнут реки,
Доколе гор верхи стоят,
В твореньях будешь жить вовеки:
Венцов Твоих не сокрушат

¹⁰ Там же. 1805. Ч. 4. № 12. С. 193 – 196.

¹¹ Там же. 1804. Ч.1. № 2. С. 98 – 99.

Ни змии, завистью кипящи,
Ни стрелы времени разящи –
Оне Тобой притуплены
И памяти Твоей не грозны!
Прейдешь в потомство, в веки поздны –
Пииты вечно жить должны! <...>¹².

В 1808 году Державин опубликовал надпись «К портрету М.М.Х.»:

Любимец русских муз (в нем наш Вергилий цвел)
Монархов подвиги, дела героев пел:
Се вид его лица, души – стихи свидетель.
А жизни – добродетель¹³.

Позднее в «Рассуждении о лирической поэзии» Державин назвал Хераскова в числе поэтов, чьи стихи «исполнены сладкогласия»¹⁴.

Советы Хераскова, высказанные в его трактате «Поэт», по-видимому, не прошли мимо внимания будущих членов «Беседы». К намеченной Херасковым теме Петра I и Полтавской победы обращается С.А. Ширинский-Шихматов: в 1810 году выходит его самое значительное произведение «Петр Великий, лирическое песнопение в осьми песнях». Хотя Шихматов, в отличие от Хераскова, не любил античности, но, как показал М.Г. Альтшуллер¹⁵, он ориентировался на Гомера и стремился к созданию эпической

¹² *Голенищев-Кутузов П.* В память бессмертному Хераскову, скончавшемуся сентября 27 дня 1807 года от искреннего его почитателя. М., 1807. С. 2, 3.

¹³ *Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота.* СПб., 1866. Т. 3. С. 412.

¹⁴ Там же. СПб., 1868. Т. 7. С. 571.

¹⁵ См. 125-125-131.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, дополненное. М., 2007. С. 129.

поэмы. Можно полагать, что для Шихматова оказался важен и опыт автора «Россияды».

После кончины Хераскова его имя становилось в кругах архивистов своего рода символом и гарантом причастности к истинно великому искусству. Неудивительно поэтому, что после открытия Беседы это имя неоднократно появляется на страницах первых книг «Чтений в Беседе любителей русского слова», упоминаются и произведения поэта как образцовые. А.С. Шишков в «Речи при открытии Беседы» процитировал большой отрывок из «Россияды», в котором «плодовитым воображением и высокими стихами» изображается «царство зимы»¹⁶. В той же первой книге «Чтения», где была напечатана речь Шишкова помещено стихотворение Е.С. Урусовой «К творцу Кадма» с редакторским указанием: «Сочинительница – двоюродная сестра бессмертному творцу Кадма», то есть романа Хераскова «Кадм и Гармония, древнее повествование» (1789). Писатель предстает в стихотворении как духовный мудрый наставник, проникающий в тайны бытия и нравственной природы человека:

<...> Читаю я твои творенья,
В них вижу свет души твоей.

Везде ты таинства глубоки
Из сердца глубины извлек;
Везде оставил нам уроки:
Сколь слаб и тщетен человек.

Ты ведал тайны всей природы,
Изгибы знал людских сердец,

¹⁶ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 1. СПб., 1811.
С. 16 – 17.

Твой дух парил в небесны своды,
И славился тобой Творец!¹⁷

В 3-й книге «Чтения» за тот же 1811 год появилась статья А.С. Хвостова «О стихотворстве». Говоря об эпической поэзии, автор, вслед за Гомером и Вергилием, рядом с именами Мильтона, Тассо, Клопштока и Вольтера упоминает Хераскова. Его творчество приводится как пример «величества, силы, красоты, нравственности, витийства и иных качеств, героической поэме свойственных»¹⁸. В 4-й книге опубликована статья И.С. Захарова «Похвала женам», в которой говорится о «супруге творца Россияды, добродетельной Херасковой» и о «сокровенной семье поэтов Херасковых» княжне Урусовой, продолжающей «воспевать в нежных стихах сладчайшего души ее друга» (имеется в виду упоминавшееся стихотворение «К творцу Кадма»).

Спустя несколько лет, когда авторитет писателя был поставлен под сомнение П.М. Строевым в полемической статье «О “Россияде”, поэме г. Хераскова» (1815), Шишков был искренно возмущен. В письме к Я.И. Бардовскому от 18 июня 1815 года он писал: «На этих днях попался мне журнал¹⁹, в котором какой-то студент судит и бранит без милости Хераскова. Вот нравы, которым научают юношей! Вместо чтоб скромными сочинениями стараться наперед снискать себе имя, он с такою же дерзостию, с каким и невежеством, ругает мертвого старика, со всех сторон почтенного! Хочет показать свой ум и свои знания, но вместо сего показывает свою глупость, невежество и худой нрав»²⁰.

¹⁷ Там же. С. 78 – 79.

¹⁸ Там же. Кн. 3. С. 15.

¹⁹ Речь идет о журнале «Современный наблюдатель российской словесности, в котором в 1815 году (№№ 1 – 3) была опубликована статья Строева.

²⁰ Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 328.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале, можно сказать достаточно уверенно, что члены «Беседы» были крайне заинтересованы в союзничестве с Херасковым. Сам же он, судя по некоторым его постулатам в трактате «Поэт», в ряде важных вопросов был солидарен с архаистами. Вместе с тем его позиция достаточно независима. Конечно, ему бы предложили почетное членство в «Беседе», от которого он бы не отказался, так же как, например, Дмитриев не отказался быть попечителем этого общества. В то же время можно предполагать, что Херасков, не любивший полемики и умевший ценить достижения своих молодых современников, в том числе Карамзина, не стал бы участвовать в литературной войне и поощрять выпады архаистов.

**Две «Беседы» в истории русской
общественной и эстетической мысли
(«Беседа любителей русского слова» и «Русская
беседа»)**

Две «Беседы» разделены не столь большим, на первый взгляд, отрезком времени: официальное открытие одной произошло в 1811-ом, другой – в 1856 году. Вторая «Беседа» заявляет о себе через 40 лет после завершения деятельности первой. А.С. Шишков уходит из жизни в самом начале того десятилетия, которое станет временем формирования славянофильской теории. «Беседа любителей русского слова» справедливо была определена М.Г. Альтшуллером как предтеча славянофильства¹, а «Русская беседа» – знак и расцвета раннего русского славянофильства, и, в некотором смысле, – преддверие его завершения (славянофилы нового поколения будут существенно отличаться от ранних). Еще С.Т. Аксаков в своих воспоминаниях сказал о двух периодах в развитии «русского направления»². Все это побуждает взглянуть на два явления, различных по их жанровой природе (в одном случае – литературное общество, в другом – журнал), но равно значимых для русской общественной и эстетической мысли в сопоставительном плане.

¹Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е. М., 2007. В первом издании монография носила название «Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»)». Ann Arbor, 1984.

²Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., 1986, С. 245 – 247.

Можно выделить определенные параметры, которые позволят увидеть и объективно объяснимые схождения (в существе и развитии основных воззрений), и принципиальные отличия, порожденные не только новой общественной и литературной атмосферой, но и иным типом личностей, создающих новую «Беседу». Имело бы смысл соотнести:

- характер общности, сложившейся в «Беседе любителей русского слова» и «Русской беседе» – не только как итог, но как процесс, как поиск определенной формы сотрудничества, взаимодействия;

- осмысление в рамках одного и другого культурного «организмов» своих задач и возможностей;

- место эстетической и общественной составляющей в жизнедеятельности двух «Бесед».

Не развертывая эти аспекты с необходимой степенью полноты, постараюсь коснуться каждого из них в том или ракурсе.

Стоит отметить прежде всего до-беседный период. Установлено, что заседания единомышленников А.С. Шишкова и Г.Р. Державина проходили задолго до 1811 года³. Хотя название – Беседа...» – появилось не изначально, избрание его не было случайностью, выразив характер общения участников кружка. Подобное общество не могло появиться сразу, как только возник спор о старом и новом слоге, необходим был период бесед единомышленников, но период не слишком долгий. В 1803 году один лидер полемизировал с другим (хотя более всего – с его

³ Десницкий В.А. Из истории русских литературных обществ начала XIX в. 1. Журналы «Беседы любителей русского слова» // Десницкий В.А. Избранные статьи по русской литературе XVIII – XIX вв. М., 1958; Альтишюллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства; Лямина Е.Э. Общество «Беседа любителей русского слова». Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1995.

сторонниками и подражателями). Далее наступило время внутреннего если не уяснения, то формулирования своих общественных и эстетических позиций. Без этого периода была бы невозможна «Беседа любителей русского слова» с ее полемичностью и одновременно – с внутренней самодостаточностью. Мгновенно, как будто неожиданно возникает позже «Арзамас»; последовательно, в известном смысле, неспешно складывается «Беседа любителей русского слова».

Славянофилы, еще далекие от мысли об издании «Русской беседы», проходят период «гостиничного» (отчасти – салонного) становления. А.И. Кошелев в «Записках» констатирует вечерние встречи (три раза в неделю!) Киреевских, Елагиных, Хомяковых, Свербеевых, С.П. Шевырева, М.П. Погодина во второй половине 1830-х годов: «Беседы наши были самые оживленные; тут выказались *первые начатки борьбы* между нарождавшимся *русским* направлением и господствовавшим тогда *западничеством*»⁴. Констатируется именно исток направления, начальное его зарождение: «Почти единственным представителем первого (т.е. русского направления – Е.А.) – признает мемуарист, – был Хомяков; ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему»⁵.

Можно отметить некую «домашность» встреч, у кого бы они ни происходили. В обсуждениях и спорах складывался особый тип единомышленников, который не исключал разногласий, подчас существенных, но не приводил к расколу и переходу на принципиально иные позиции. В 1840-е годы салон А.П. Елагиной, сыгравший важную роль в

⁴ Кошелев А.И. Записки (1812 – 1883 годы). Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова. М., 2002. С. 41 – 42. Здесь и далее курсив автора цитируемых строк.

⁵ Там же. С. 42.

формировании славянофильства⁶, стали посещать Ю.Ф. Самарин, Аксаковы, но также – А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.М. Сатин. Все это – со-общение едино- и инакомыслящих, живая беседа, полемический разговор – важная черта и времени в целом, и, более всего, периода выработки «русского» направления, на какой бы стадии оно ни находилось: предтечи славянофильства или его классического варианта. Зарождающиеся сообщества были интересны (и даже притягательны) для сторонников иных воззрений.

Так, примечательно, что на ранние заседания «Беседы» приходили М.М. Сперанский и Жозеф де Местр⁷. Здесь есть над чем поразмышлять. Происходили ли споры или взаимные беседы, обсуждения каких-либо вопросов? Зафиксировано ли это в каких-либо источниках? Что касается де Местра, то он, как можно понять, лишь понаблюдавал за происходящим. А Сперанский⁸? А будущий митрополит Московский Филарет,

⁶ *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 320 – 335.

⁷ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка А.С. Шишкова: В 2 т. Т. 1. Berlin, 1870. С. 117. К.С. Сербинович передавал рассказы, ходившие в обществе: «Сказывали, что при чтении этой речи («О любви к отечеству» А.С. Шишкова – Е.А.) в публичном заседании «Беседы» сардинский посланник, граф Местр, приехавший, как и многие, из любопытства, напрасно старался узнать о подробностях чтения. Восторг был так велик, что никто не обращал внимания на его вопросы: он узнал только, что все русские одушевлены самым горячим чувством патриотизма» (Александр Семенович Шишков и две всеподданнейшие его записки. А.С. Шишков в воспоминаниях К.С. Сербиновича // *Русская старина*. 1896. Т. 87. № 9. С. 576). См. также: *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // *Литературное наследство*. Т. 29 – 30. М., 1937. С. 598.

⁸ А.С. Стурдза писал: «Опасаясь измен памяти моей, я не смею утверждать, принадлежал ли Сперанский к числу записных членов Беседы. Несомненно только то, что преобразователь делового и государственного слога в России был могучим союзником Беседы в ее трудах» (*Стурдза А.С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в

который также бывал на заседаниях? Во всяком случае, имело место пересечение идейных дорог сторонников достаточно разных воззрений.

Обеим «Беседам» предшествовала ситуация общественного, быть может, даже общенационального выбора. Время официального оформления обеих имеет нечто сходное. «Беседа любителей русского слова» рождается в преддверии 1812 года. 1856-ой – также чрезвычайно значимый для русского общества год: открывающий эпоху шестидесятых, определяющий парадигму нового царствования. И в том, и в другом случаях общество находилось в состоянии возможного и необходимого единения, не исключающего при этом внутренней полемичности.

Быть может, этим определяется выбор формы общения, а более всего наименование сообществ – беседа: общее (по замыслу общенациональное) обсуждение серьезных вопросов, в которых историческое и эстетическое не отделены друг от друга. В воспоминаниях не случайно понятия этического порядка нередко соседствуют с эстетическими. У Стурдзы читаем: «Это была минута решительного **перелома** в приемах и преданиях **искусства**; но этот перелом, как и всякий **переворот в нравственном мире**, не обошелся без нареканий и борьбы»⁹. Дело не только в том, что этическое не отрывается от эстетического, а ищется форма **выражения** этого единства, кроме того, форма подачи принципиальной для Шишкова мысли о проступании в «слоге» общественных и духовных позиций. В различных построениях Шишкова отчетливо прослеживается, как неизбежное и естественное, движение мысли **от «слога» к** этической проблематике. Для первой четверти XIX века это, пожалуй, был если не единственно

царствование Александра I и мои воспоминания // Арзамас. Сборник в двух книгах. Кн. 1. М., 1994. С. 50).

⁹ Там же. С. 46. Выделено мною – Е.А.

возможный, то естественный ход. В 1840-1850-е казалось, что о слоге самом по себе ряд ли стоит много рассуждать. В начале XIX века стиль речи и стиль поведения многое значили. Духовная ученица архимандрита Фотия гр. А.А. Орлова-Чесменская давала характеристику писем своего наставника: «В них был особый язык, особый тон, особый дух»¹⁰. Сам же арх. Фотий характеристику своих оппонентов или единомышленников также нередко давал, прибегая к определениям стиля: язык Лабзина сравнивал с бритвой («язык его изощрен как бритва»¹¹), а о Шишкове писал в Автобиографии: «...красноречив, благогласен, силен в речи и в духе <...> Глас речи его как острый серп пережинал бред хитросплетений зловредных»¹². «Бритва» и «серп», казалось бы, столь близкие в обыденном понимании, принципиально разведены по их функции. «Серп» Шишкова «пережинает» «хитросплетения» и в итоге может пожинать плоды; серп связан с жатвой, с созиданием, бритва – с разрушением.

На шишковскую платформу славянофилы, конечно, объективно опирались, логику защитника «старого слога» могли по достоинству оценить. Вспомним рассуждения Шишкова, которые найдут развитие в славянофильских трудах: «Мы, удаляясь от естественной простоты, от подобию обыкновенных и всякому вразумительных, и гоняясь всегда за новостью мыслей, за остроумием, так излишне изощряем, и как ныне говорят, *уточняем* понятия свои, что оные чем меньше мысленным очам нашим от чрезвычайной тонкости своей видимы становятся, тем более мы им удивляемся и называем это *силою Гения*»¹³; «Главнейшая сила и богатство языка нашего в том состоит, что мы имеем великое изобилие

¹⁰ Цит по.: Попов К. Архимандрит Юрьевский Фотий и его церковно-общественная деятельность. Киев, 1875. С. 44 – 45.

¹¹ Русская старина. 1894. Т. 82. № 7. С. 213.

¹² Русская старина. 1896. Т. 87. № 7. С. 177.

¹³ Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. Т. II. СПб., 1825. С. 59.

высоких и простых слов, так, что всякую важную мысль можем изображать избранными, а всякую простую мысль обыкновенными словами <...> Мнение, что язык наш беден, и что недостает в нем слов для выражения *утонченных понятий*, есть ложное»¹⁴. Близким было и представление об источниках словесности.

Славянофилы (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков) уделяли немало внимания народному искусству и народному мироощущению. «Простоту» и одновременно «богатство» языка они отыскивали, прежде всего, в фольклорной эстетике, на первый план вынося отражение в художественном слове взаимосвязи разных верований и понятий, утверждая органическое единство слова и жизни. Но, кажется, более всего Шишкова и славянофилов сближало переживание и глубокое осмысление веры, осуществлялось ли это в рамках простонародного сознания или проявлялось в обществе, отпавшем в результате петровских реформ от народа. «История показывает, – приходил к выводу К.С. Аксаков, проанализировав древний быт и верования славян, – какой свет проник всю жизнь и существо русского народа с принятием христианства и как вера христианская стала его неотъемлемым благом души, его силою и существом»¹⁵. Былины, посвященные русским богатырям, «составляют одно живое целое; они соединены между собой не одним каким-нибудь великим событием, собравшим людей около себя, – а жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый. Таким образом, перед нами эпопея особого рода, согласная с самим существом русской жизни»¹⁶. Поэтому и искусство, по Хомякову, «не есть произведение одинокой личности и ее эгоистической рассудочности. В нем сосредоточивается и

¹⁴ Там же. Т. IV. С. 65.

¹⁵ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С.

¹⁶ Там же. С. 234.

выражается полнота человеческой жизни с ее просвещением, волею и верованием. Художник не творит свою силу: духовная сила народа творит в художнике»¹⁷.

А вот в чем достаточно существенно изменилась общественная и духовная атмосфера к середине XIX века, так это в осмыслении и обсуждении конфессиональных вопросов. Шишков в годы полемики с карамзинистами и с «Арзамасом» пребывает к атмосфере поисков «универсального христианства», «внутренней церкви», в атмосфере своеобразного конфессионального эклектизма и споров о судьбе Российского библейского общества, о соотношении религиозности масонской и церковной – он пребывает в атмосфере, породившей православную оппозицию (хотя и неоднородную)¹⁸, к которой непосредственное отношение имел и сам. К 1850-м годам эти процессы если не потеряли актуальность в полной мере, то были потеснены другими: в общественном самосознании гораздо большее место, чем оппозиция церкви – государственной власти, стали занимать вопросы духовно-идеологического порядка, нашедшие выражение, например, в богословском споре Хомякова с представителями западных церквей.

Эта смена духовно-идеологических парадигм – объективно – нашла свое выражение в мемуарах С.Т. Аксакова, в которых очерк об А.С. Шишкове занимает принципиальное место. Очерк пишется, можно сказать, в добеседный период, когда мысль о новом журнале еще не получила организационного оформления, однако вопрос о коллективном органе был чрезвычайно актуален. Аксаков зафиксировал тот этап жизни защитника «старого слога», когда «Беседа любителей русского слова» еще не начала свою деятельность, но личные, достаточно частые беседы

¹⁷ Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 137 – 138.

¹⁸ См.: Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб., 1998.

Шишкова с юным Аксаковым явили собою ее преддверие, свидетельствуя, что старшему поколению хотелось приобщить к своему опыту молодых. «Вы оба русские люди, – говорит Шишков Аксакову и Казначееву – будете вместе служить и ходить ко мне, я стану толковать с вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое...»¹⁹. Найдя внимательного слушателя в Аксакове, Шишков мог рассчитывать на интерес к подобным беседам и других представителей молодого поколения, а многократные разговоры, по признанию мемуариста, «вошли в состав «Разговоров о словесности между двумя лицами: Аз и Буки»²⁰. Но в очерке Аксакова присутствуют два временных плана. Прежде всего, в нем воссоздана эпоха начала века, когда идеи Шишкова вызывают полярную реакцию, свидетельствуя если не о расколе общества, то о достаточно глубоких расхождениях, не предполагающих примирения. Так, упоминается, что студенты Казанского университета «читали вслух ночь напролет» «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка», и книга «привела молодежь в бешенство»²¹. Иное восприятие – самого Аксакова: «Эти книги совершенно свели меня с ума <...> Я уверовал в каждое слово его книги как в святыню»²². Однако, создавая свои мемуары в 1850-е годы, он комментирует: «Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и темное чувство национальности выросло до исключительности»²³. Аксаков ведет речь о «русском направлении, поясняя, что это

¹⁹ Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 3 т. Т. II. С. 249.

²⁰ Там же. С. 258.

²¹ Там же. С. 244.

²² Там же. С.244-245.

²³ Там же. С. 245. Ср. также у К.С. Аксакова: «Шишков противоборствовал подражательности; это было благородное, но темное стремление, и, скорее, в пользу церковнославянского языка, который он считал древним русским. Ему не доставало знания, но благородно и прекрасно было его направление» (Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. С. 123).

определение более точно, чем славянофильство. Но «тогдашнее и теперешнее», как сказано в воспоминаниях, славянофильство, в восприятии автора, существенно отличаются друг от друга. Направление начала века «ограничивалось» «литературными и внешними условиями»²⁴, не затрагивая всей глубины убеждений и тем более – образа жизни, то есть – самого существа личности. Домашнее общение с Шишковым Аксакову было дорого («увлекло <...> внутренней силой и теплотой»²⁵), однако деятельность людей этого круга в целом показалась мемуаристу – по прошествии времени – искусственной. Успев посетить лишь первые заседания «Беседы любителей русского слова», Аксаков посетовал, что не было живого обсуждения, то есть не было беседы: «Что бы кто ни прочел – все остальные говорили одни пошлые комплименты: критические замечания были еще пошлее»²⁶.

«Русская беседа» в этом контексте представляла, быть может, как попытка придать русскому направлению не только большую органичность, но и диалектичность, продуманность – с учетом недостаточности той формы, которая сложилась на раннем этапе. Диалектичность мысли самого Аксакова проявлялась и в том, что отдельные мемуарные очерки дополняли друг друга, корректируя авторскую позицию. Так, «Встреча с мартинистами», написанная в 1858 году, обнаруживает, что дистанцирование автора от раннего русского направления и масонства принципиально различно: «искусственность» первого приобретает черты наивности и простодушия, а в отвлеченности второго видится опасность духовного деспотизма.

Можно сказать, что «русское направление» начала века толкуется как детство этого направления. Пройдя через 1820

²⁴ Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 3 т. Т. II. С. 247.

²⁵ Там же. С. 250.

²⁶ Там же. С. 276.

и 1830-е годы, к 1850-м годам оно вступает в пору зрелости. Но «детство», как известно, закладывает в личность, в том числе, общественную нечто очень существенное.

Оппоненты «Беседы любителей русского слова» не принимали ее излишней серьезности, торжественности заседаний, иерархичности отношений, архаичности литературных форм и тем. Понимая односторонность подобных упреков, можно заметить, что деятельность «беседчиков», действительно, была в известном смысле однотональной. Тому была причина. «Она, – сказал о «Беседе» А.С. Стурдза, – была выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному – любви, пробужденной роковыми событиями того времени»²⁷. Тем более интересно, что в различных сочинениях Шишкова, в том числе, созданных до открытия литературного общества, закладывались основания для дальнейшего – именно аналитического – углубления в поставленные вопросы. Так, Шишков не только заявил о необходимости и естественности любви к отечеству, актуализировав понятие на новом этапе исторического развития, но отчасти представил этот тезис как проблему. Любовь к отечеству стала предметом обсуждения. Конечно, это совершалось коллективными усилиями. Известна статья Н.М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости», опередившая «Рассуждения...» Шишкова. Точно также – «О любви к отечеству» – несколько позже будет названа и статья А.С. Стурдзы. Но в работах Шишкова – это и лейтмотив, и предмет рефлексии, пусть и не слишком развернутой. Он размышляет о том, **в чем** проявляется и как **может** проявляться любовь к отечеству, обнаруживая идеологические, духовные и бытовые ее составляющие. В констатации разной любви – признание сложности вопроса.

²⁷ Арзамас. Кн. 1. С. 44.

Думаю, именно труды Шишкова – объективно – дали толчок более поздним и более острым спорам о любви к отечеству. Здесь можно вспомнить диалог А.С. Пушкина и П.Я. Чаадаева, «странную любовь» М.Ю. Лермонтова, главу в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя («Нужно любить Россию»), где, на первый взгляд, поставлена под сомнение необходимость обсуждения, **как** любить, но оказывается, что именно в эпоху 1840-х годов вновь возникает необходимость провозглашения подобного тезиса. В контексте «Выбранных мест» – это скорее суждение, чем императив; суждение итоговое, вобравшее в себя предшествующие споры; размышление, а не повеление. Было бы крайне интересно последовательно проследить историко-культурное развитие темы, заявленной Шишковым.

В известном смысле к деятельности «Беседы любителей русского слова» и ее периодического издания («Чтение в Беседе любителей русского слова») восходит стремление издателей и сотрудников «Русской беседы» найти органическое единство разнородных трудов и, прежде всего, – согласить литературную и научную деятельность. Знаменательно изучение фольклора, создание работ по поэтике фольклора; эту «шишковскую» традицию продолжают по-своему К.С. Аксаков и А.С. Хомяков. Общим является интерес к древней литературе и поиск путей эстетического воплощения религиозной тематики в литературе Нового времени; осмысление источников словесности и вопроса о характере их использования в словесности современной. Недавно вышедшее объемное научное издание «“Русская беседа”: История славянофильского журнала»²⁸ позволяет представить и процесс работы над журналом, и его содержание, и характер участия отдельных славянофилов в нем. Можно говорить о

²⁸ «Русская беседа»: История славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб., 2011.

том, что, отталкиваясь от предшественников, опираясь на них, составители и авторы «Русской беседы» проблематизируют те вопросы, которые могли оставаться на уровне констатации в деятельности первых беседчиков, но потенциал проблемности содержался уже и в их трудах.

Не будучи непосредственно ориентирована на «Беседу любителей русского слова», «Русская беседа» подхватывает установку, важную для сообщества, сложившегося в 1810-е годы. В Предупреждении к «Чтению в Беседе любителей...» было сказано, что любители российской словесности положили между собой собираться в осенние и зимние вечера один вечер в неделю, «проводя часы в чтении, разговорах и беседовании о русском языке и слове»²⁹. В Предисловии к «Русской беседе», написанном Хомяковым, заявлено: «“Беседа” определяет свое значение самым именем своим. Простая, искренняя, непритязательная Русская Беседа обо всем, что касается просвещения и умственной жизни людей»³⁰. В ходе обсуждений, которые велись в гостиных, простая и непритязательная беседа не всегда удавалась: в обсуждаемых вопросах изряден, если не избыточен, был полемический заряд. Но создаваемый журнал призван был восполнить, поправить этот недостаток, заодно – придать изданию истинный дух беседы, разговора, смягчив или даже преодолев «высокость» стиля первой «Беседы» и выпускаемых ею «Чтений». В 1850-е годы искалась новая, по сравнению с предшествующим десятилетием, форма.

В.В. Колесов вряд ли прав, утверждая, что у славянофилов был «пафос вечного монолога»³¹: на уровне устремления для них гораздо притягательнее был диалог. К 1856 году уже стало очевидным, что и в славянофильском (не

²⁹ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 1. СПб., 1811. С. VI.

³⁰ «Русская беседа»: История славянофильского журнала. С. 257.

³¹ Колесов В.В. Русская ментальность в языке и стиле. СПб., 2007. С. 162.

столь уж обширном) кругу нет абсолютного единомыслия. Об этом беспокоился еще в 1840-е годы И.В. Киреевский, адресуя специальное послание «Московским друзьям». Это проявилось в ходе восприятия Записки К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», созданной в момент перехода от одного царствования к другому и предлагающей концепцию отношений «Земли» и «Государства». В отличие от «Беседы любителей русского слова», больше тяготеющей к затушевыванию индивидуальных различий, славянофильская общность, хотя и далеко не всегда, оказывалась готова выяснять разногласия. Поэтому обнажались и сомнения в успехе издания, обсуждалась кандидатура редактора. Однако в издании принимали участие практически все, быть может, и потому, что это мыслилось как единственная и чуть ли не последняя возможность вынести «беседу» за рамки славянофильского круга. В значительной мере это удалось: так, спор о «русском воззрении» развернулся между «Русской беседой» и «Русским вестником», хотя на мирную беседу это походило мало.

Но важно понять, что беседование теперь, на этом этапе, мыслилось на основе многопланового **научного** изучения материала. Эта задача была сформулирована в объявлении об издании журнала: «Изучать русскую жизнь в истории и народном быту, разрабатывать этот едва ли початый рудник и посылить содействовать к развитию русского воззрения на науки и искусства, к возбуждению русской изобретательности и к поддержанию русских нравов и обычаев – вот главная цель, которую предлагает «Русская беседа»³².

И хотя ориентация на научный дискурс как равноправный с другими (публицистическим, художественным) просматривается в позиции и тех, и других «беседчиков», но более реализована она была в журнале

³² «Русская беседа»: История славянофильского журнала. С. 255.

1850-х годов. В статье, помещенной в отделе «Науки», К.С. Аксаков писал: «Наука первая пробует свои силы и старается выйти из отвлеченности и подражательности, старается встать на свои ноги. Более всего чести в наше время ученым занятиям, предмет которых Россия со всех сторон. Изыскания, исследования преимущественно по части русской истории и русского быта, должны по-настоящему быть делом всякого русского, равнодушного к вопросу мысленной и жизненной самобытности в России: это личный вопрос каждого из нас. Общее дело России должно быть частным делом каждого русского»³³.

Выдвинув тезис об **изучении** как процессе, который может дать и непредсказуемый результат, славянофилы ставили себя в достаточно сложное положение, прежде всего как издатели периодического органа. Равновесие между собственно научным дискурсом, требующим времени для обдумывания и апробации, и дискурсом публицистическим было вряд ли достижимо. Для участников «Беседы любителей русского слова» не слишком актуальным оказался вопрос о жанровой специфике периодического издания. Славянофилы же обсуждают, что следует издавать: сборник? альманах? журнал? Пospорив, отдают все же предпочтение последнему, допуская, что именно этот тип издания более, чем другие, допускает внутреннюю свободу. «Как исчислить формы человеческой беседы? – задавал вопрос Хомяков в редакционной статье. – Критика, рассуждение, исторический рассказ, повесть, стихи – все входит в ее состав»³⁴.

Беседчики второго поколения более определенно и, вместе с тем, более умело выстраивали свою концепцию, помещая свои воззрения в обширный контекст одновременно научной, публицистической и поэтической мысли. Быть может, интуитивно учитывая опыт «Беседы любителей

³³ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. С. 338.

³⁴ «Русская беседа»: История славянофильского журнала. С.

русского слова», крайности которой вызывали иронию и пародийной тональности отклики, создатели «Русской беседы» предпочли дискуссию – энтузиастически – наступательному самовыражению, исследование – декларациям и т.д. Но стоит признать, что это было, прежде всего, намерением, не всегда спокойно осуществляемым: полемичность питала замыслы, определяла настрой участников и тональность публикаций. Обе русские «Беседы» ощущали себя в контексте если не про-западном, то близком к нему. Именно поэтому нашелся вопрос, который однозначно соединял беседчиков двух поколений. Шишков, настораживая современников, вопросы научные и идеологические неуклонно разворачивал к вопросу нравственному. Он разрабатывал философию языка, который для него неразрывно связан с нравственным состоянием народа³⁵. Хомяков придал этому несколько стихийно высказанному убеждению определенность, сознательность славянофильской позиции: «Предметом «Беседы» будут, как уже сказано, служить все разнообразные проявления умственной жизни человека; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получает все свое достоинство от жизни нравственной <...> Вопросы нравственные должны присутствовать при разрешении почти всех умственных вопросов»³⁶. Своеобразная квинтэссенция славянофильского убеждения – в статье К.С. Аксакова об основных началах истории: «Нравственный вопрос неотразимо предстоит человеческому духу»³⁷.

Славянофилы поняли, что «нравственный вопрос» связан не только с мировоззрением, с характером мышления (цельного, а не раздвоенного), но с существом всей личности. Поэтому круг ранних славянофилов – более узок и более

³⁵ Карпец В.И. Муж отечестволюбивый. Историко-литературный очерк. М., 1987. С. 33.

³⁶ «Русская беседа»: История славянофильского журнала. С. 260.

³⁷ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1861. С. 1.

сплочен. Поэтому главным его идеологам свойственно единство «жизни» и «знания» (недостаток подобного единства, напомним, видел у сторонников Шишкова, да и у самого Шишкова С.Т. Аксаков, не переставая ему симпатизировать). Искали «беседу», которая была бы аналогична «хору», где звучат разные голоса, но не мешают друг другу, и чем чище звучит отдельный голос, тем ярче и плодотворнее общее звучание. С одной стороны, опыт как одной, так и другой «Бесед» показал, что в идеальном варианте это едва ли возможно; с другой, совокупными усилиями «Беседа любителей русского слова» и «Русская беседа» добились «хорового» звучания тех вопросов, которые имели, в их понимании, общенациональное значение.

Опыт соединения «домашней» беседы и общенационального форума, кажется, не был повторен в дальнейшем развитии русской культуры.

А.С. Шишков в рецепции С.Т. Аксакова

Имя С.Т. Аксакова в культурном сознании прочно связано с так называемым «русским направлением», последовательную и неизменную приверженность которому писатель сделал одной из опорных констант собственного «авторского мифа». Истоки такой национально ориентированной модели жизненного поведения и соответствующих мировоззренческих установок сам Аксаков, судя по его собственным автобиографическим и мемуарным сочинениям, если не напрямую, то не в последнюю очередь обусловил тем мощным влиянием, которое оказала на него в ранней юности книга А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге». Именно она сделала студента Казанского университета «отчаянным шишковистом», «обожателем Шишкова» и с логической закономерностью приобщила тем самым к когорте принципиальных «противников карамзинского направления»¹.

В свое время многие подобные признания Аксакова были приняты на веру. Усвоенные некритически, они породили расхожее мнение о его славянофильстве или почвенничестве, вполне естественном для бытописателя-реалиста, близкого к традициям «натуральной школы». Существенную роль в создании подобного литературоведческого мифа сыграл факт личного знакомства Аксакова с теми знаковыми культурно-историческими фигурами (А.С. Шишков, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин), которые во втором десятилетии XIX века персонифицировали

¹ Аксаков С.Т. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1956. Т. 2. С. 159. Далее сочинения Аксакова будут цитироваться по этому изданию указанием в тексте тома и номера страницы.

оппонирующие стороны в легендарном лингвокультурологическом конфликте между «шишковистами» и «карамзинистами». Симптоматично, что к авторитетному мнению С.Т. Аксакова весьма охотно и вполне резонно апеллируют практически все исследователи деятельности «Беседы любителей русского слова». Между тем его позиция действительного очевидца тогдашнего литературного быта подчас истолковывается несколько упрощенно. Не всегда в достаточной мере учитываются, в частности, подвижность и неоднозначность «двуипостасного» восприятия Аксаковым названных выше исторических личностей.

В предлагаемой статье делается попытка реконструировать в самых общих чертах динамическую историю довольно непростого отношения С.Т. Аксакова к филологическим трудам и самой персоне А.С. Шишкова – главного тогдашнего литературного «старовера», инициировавшего своей книгой 1803 года громкий спор о «карамзинизме». Но сначала напомним несколько наиболее важных эпизодов, зафиксированных в мемуаристике Аксакова и весьма репрезентативных для начального этапа его знакомства с лингвостилистическими изысканиями Шишкова.

Еще в стенах Казанской гимназии Аксаков едва ли не впервые стал свидетелем и пассивным участником довольно ожесточенной читательской полемики вокруг сочинений Карамзина. Имею в виду, в частности, переданный им на страницах «Воспоминаний» литературный спор между учителем словесности Николаем Мисаиловичем Ибрагимовым и преподавателем чистой математики Григорием Ивановичем Карташевским о художественных достоинствах поэзии Карамзина и этическом содержании его прозы. Примечательно, что, расходясь в их общей оценке, оба оппонента признали, что созданные Карамзиным прозаические «пиесы, несмотря на их прелесть, не приличны

для учеников» (2, 104), с чем молчаливо согласился и гимназист Аксаков: «Разговор продолжался довольно долго, и как я ни был молод, но понимал разумность речей моего воспитателя» (2, 104).

Впрочем, солидарность со своим наставником Карташевским отнюдь не воспрепятствовала сближению и дружбе Аксакова с «обожателем Карамзина» Александром Панаевым. Однако к началу издания в 1806 году «Журнала наших занятий» Аксаков стал уже безапелляционно ригористичным в своих литературных предпочтениях и, по его собственному признанию, «изгонял из этого журнала, сколько мог, идиллическое направление моего друга и слепое подражание Карамзину» (2, 148). Указал мемуарист и на первоисточник своей крайней нетерпимости: «Я в это время боролся из всех сил противу этого подражания, подкрепляемый книгою Шишкова: “Рассуждение о старом и новом слоге”, которая увлекла меня в противоположную крайность...» (2, 148).

Заметим попутно, что, оценивая собственные ранние литературные пристрастия и описывая бурную полемику вокруг сочинений Карамзина с высоты прожитых лет, автор «Воспоминаний» критически дистанцировался от эстетически незрелого главного героя своего автобиографического повествования. Как мемуарист он руководствовался уже четко выверенным историческим критерием по преимуществу, то есть рассматривал тогдашнюю литературную ситуацию как необходимый и плодотворный этап в становлении отечественной словесности и формировании эстетического вкуса у читательской публики: «Поистине это было двойное детство: нашей литературы и нашего возраста» (2, 121).

Тогдашняя университетская молодежь состояла преимущественно из безусловных поклонников и обожателей Карамзина, которого считала бесспорным гением, открывшим новую эпоху в отечественной литературе.

«Антикарамзинская» же книга Шишкова, вышедшая в 1803 году, но дошедшая до Казанского университета только в 1806 году, буквально «привела молодежь в бешенство» (2, 267). Достопочтенного автора называли не иначе, как «закоснелый славяноросс, старовер и гасильник» (2, 267). С не меньшей резкостью отзывались и о его книге, где тот «осмелился напечатать свои старозаветные остроты и насмешки, и над кем же? Над Карамзиным, над этим гением, который пробудил к жизни нашу тяжелую, сонную словесность!...» (2, 267). Свой гнев на Шишкова студенты частично перенесли и на Аксакова, отнеся его к числу людей, «лишенных от природы вкуса и чувства к прекрасному» (2, 267).

Излишняя преувеличенность и полемическая заостренность подобной характеристики совершенно очевидна, тем не менее, для высказываний подобного рода, по признанию самого Аксакова, имелись достаточно веские основания. «Карамзинское» прочно, хотя и безотчетно, ассоциировалось в его неокрепшем культурном сознании с чем-то инородным, чуждым и даже враждебным национальному духу. Данным обстоятельством главным образом и объясняется тогдашний пиетет Аксакова перед книгами Шишкова, а также несколько кощунственное преклонение перед личностью их сочинителя: «Можно себе представить, как я обрадовался книге Шишкова... Разумеется, я признал его неопровержимым авторитетом, мудрейшим и ученым из людей! Я уверовал в каждое слово его книги, как в святыню!.. Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и темное чувство национальности выросло до исключительности» (2, 268).

Когда же закончился ригористический этап в длительном процессе формирования идеологических и эстетических воззрений Аксакова? Прямого и однозначного ответа на этот вопрос сам мемуарист, к сожалению, не дает. Тем самым исследователь оказывается перед

необходимостью самостоятельно воссоздать те наиболее существенные обстоятельства, результатом которых стало заметное смягчение акцентов и сближение полюсов в мировоззренческой позиции Аксакова.

Пожалуй, наиболее емко и четко свой былой эстетический ригоризм в студенческие годы Аксаков охарактеризовал в «Воспоминаниях об Александре Семеновиче Шишкове». Напомню, что они были впервые опубликованы в 1856 году в первом издании «Семейной хроники» и «Воспоминаний». Именно там мемуарист оценил свои прежние антикарамзинские настроения как самостоятельные, но «дикие убеждения», извиняемые исключительно его отроческим возрастом. Именно там он обстоятельно описал историю своего личного знакомства с Шишковым. Показательно, что и после выхода из университета, начав служить в Петербурге переводчиком в «Комиссии составления законов», Аксаков продолжал «безусловно благоговеть перед Шишковым», представляя его «каким-то высшим существом, к которому все приближаются с благоговением» (2, 271). Однако уже после первого многочасового общения с Шишковым (в дом которого Аксаков стал вхож благодаря своему сослуживцу, племяннику хозяина А.И. Казначееву) недавняя сангвиническая экзальтация быстро сменилась раздраженным недоумением и досадным разочарованием, вызванным заметным несовпадением между словесными декларациями «почитателя благочестивой старины» (2, 279) и его реальным жизненным поведением. Выяснилось, что «у православного Шишкова – жена лютеранка» (2, 279), что воспитание родных племянников в его семье доверено французу-гувернеру и, наконец, что постоянные обитатели и гости в доме Шишкова практически всегда говорят по-французски. «Такое несходство слова с делом казалось мне непостижимо», – сдержанно констатировал Аксаков.

Близкое общение Аксакова с Шишковым продолжалось достаточно долго – примерно «с конца 1808 до половины 1811 года» (2, 296). Избавившийся от чрезмерной идеализации своего прежнего кумира, мемуарист воздал должное его многочисленным достоинствам: неутомимому трудолюбию, искренней заинтересованности в филологических разысканиях, изумительному таланту декламатора, чудаковатому бессребренничеству в отношениях с собственными крепостными крестьянами. Такая вполне объективная констатация не воспрепятствовала, однако, частому появлению иронических и даже скептических ноток, то и дело врывавшихся в повествование Аксакова о знакомстве с Шишковым.

Короткое общение Аксакова с Шишковым прекратилось летом 1811 года и ненадолго возобновилось лишь в 1814 году. К тому времени кардинально переменялось общественное положение Шишкова, соответственно изменился и его образ жизни: он уже отстал от прежних усердных филологических трудов и ученых бдений, хотя знаменитая пародия К.Н. Батюшкова на членов «Беседы» его еще очень позабавила. В финальной части своих воспоминаний о Шишкове Аксаков фактически ограничился (и, думается, далеко не случайно) очень скупыми, самыми общими сведениями о жизни Шишкова как важного государственного мужа – члена Государственного совета, президента Российской академии. С явным неудовольствием и нескрываемым недоумением мемуарист сообщил также некоторые подробности из его приватной жизни, изменившейся до неузнаваемости после женитьбы в преклонных летах на молодой полячке и католичке: «Шишков, заклятый враг католиков и поляков, был окружен ими. Новая супруга наводнила его дом людьми совсем другого рода, чем прежде, и я не мог равнодушно видеть почтенного Шишкова посреди разных усачей, самонадеянных и заносчивых, болтавших всякий вздор и

обращавшихся с ним слишком запросто» (2, 309). Говоря коротко, Аксаков еще раз указал на так смущавшее его в Шишкове отсутствие цельности, несовпадение между словом и делом, теоретическими декларациями и реальным жизненным поведением.

Симптоматично, что Аксаков-мемуарист подходил к Шишкову с той нравственной требовательностью, которую едва ли не первым продемонстрировал по отношению к литераторам Н.М. Карамзин в программной статье «Что нужно автору?», напечатанной в первой части альманаха «Аглая» за 1794 год. Автор «Бедной Лизы» утверждал там, что произведение всегда несет на себе отпечаток личности сочинителя, запечатлевающего в каждом творческом акте «портрет души и сердца своего»². Полное соответствие заданной высокой нравственной планке Аксаков впоследствии обнаружил в самом «благородном и добром» (2, 312) Карамзине, личное знакомство с которым состоялось не позднее 1816 года. Но вернемся к Шишкову в воспоминаниях Аксакова.

Как ни парадоксально, но логика изложения материала мемуаристом Аксаковым подсказывает, что уже во времена своего эстетического ригоризма он – вполне сознательно или неосознанно – воспринимал личность обожаемого Шишкова сквозь призму нравственных требований к литератору, сформулированных Карамзиным, твердо верившим, что «творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей»³. На это недвусмысленно указывает настойчиво подчеркиваемая Аксаковым полнота его знакомства с сочинениями Карамзина еще до поступления в гимназию, а также аксаковский отзыв о Шишкове как «нравственном

² Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М.- Л., 1964. С. 121.

³ Там же. С. 120.

писателе» в финальной части посвященных ему воспоминаний. Несколько перефразировав известную характеристику русского классицизма, данную в свое время Г.А. Гуковским, можно сказать, что эстетический ригоризм «шишковиста» Аксакова с самого начала был с трещинкой. Чрезвычайно репрезентативны в этом смысле его ранние стихотворные опыты, созданные во втором десятилетии XIX века в атмосфере легендарного спора «беседчиков» и карамзинистов.

Есть основания полагать, что к тому времени Аксаков уже окончательно преодолел былой ригоризм, в результате чего его идеологическая и эстетическая позиция стала более гибкой, полемически заостренной и, судя по всему, устремленной на поиск некоего компромисса. Косвенным свидетельством тому может служить не печатавшееся при жизни Аксакова стихотворение «А.И. Казначееву». По авторитетному утверждению С.И. Машинского, оно было впервые опубликовано во втором номере «Русского архива» за 1878 год, хотя создано много раньше – осенью 1814 года в Москве. Органично сочетающее в себе жанровые черты дружеского послания, сатиры и социальной элегии, написанное 6-стопным ямбом со строго выдержанной парной рифмовкой сначала мужских, затем женских окончаний, это аксаковское стихотворение, носило, на наш взгляд, явно экспериментальный характер. В этой связи закономерно возникают два взаимосвязанных вопроса: какие смысловые ассоциации продуцируются его стихотворным размером (6-ст. Я с окончаниями ММЖЖ) и каковы его парадигматический и линейный контексты?

Не секрет, что семантический ореол 6-стопного ямба в русской поэзии довольно расплывчат. Так называемый александрийский стих в эпоху классицизма, как известно, был основным размером не только эпоса, трагедии, элегии, сатиры, но и других высоких и средних жанров. В данной ситуации весьма существенной оказывается подсказка М.Л.

Гаспарова, указавшего на характерность шестистопного ямба для жанра дидактически-авторитарных посланий: «... жанр посланий, служивший в начале XIX в. как бы полигоном метрических и стилистических экспериментов, дробился на семантические подвиды, тесно связанные со стихотворной формой: дидактически-авторитарные послания писались 6-ст. ямбом; дружески-разговорные – вольным ямбом; все границы были, конечно, зыбкими, взаимовлияние этих разновидностей чувствовалось очень сильно, и исследование этого комплексного взаимодействия метрики, стилистики и тематики обещает быть очень интересным»⁴.

Дидактический, даже дидактико-авторитарный, пафос аксаковского послания А.И. Казначееву очевиден. Объектом сатирических инвектив начинающего стихотворца стала здесь галломания дворянского сословия. Однако было бы поспешным расценивать подобный выбор темы лишь как инерцию и еще одну скромную дань весьма разветвленной литературной традиции, берущей начало еще в предшествующем, XVIII-м, столетии, но не утратившей своей актуальности и в XIX веке. Особо отметим причастность к данной традиции близкого к «беседчикам» И.А. Крылова, выступившего в середине 1800-х годов с имевшими грандиозный успех комедиями «Модная лавка» и «Урок дочкам». Как вполне резонно заметила Л. Киселева, «на выбор проблематики двух последних комедий могла натолкнуть политическая ситуация – война с Францией. Обличение галломании в этих условиях не только приобретало особую актуальность, но и получало политическую остроту»⁵. В этой связи нельзя не указать также на многочисленные антипросветительские басни

⁴ Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 2000. С. 284 – 285.

⁵ Киселева Л. Некоторые особенности поэтики Крылова-драматурга (взаимоотношения с литературной традицией) // Классицизм и модернизм. Тарту, 1994. С. 72.

Крылова, написанные на протяжении 1811 – 1815 годов и свидетельствующие о том, что их автор «разделяет идейную позицию «Беседы», и в первую очередь ее руководителя А.С. Шишкова»⁶. Таков наиболее общий парадигматический контекст стихотворения Аксакова, обращенного к И.А. Казначееву. Существенно, что в качестве непосредственного адресата выступал при этом не просто друг и сослуживец поэта, но – что гораздо важнее! – родной племянник главного «беседчика». Оказавшийся в данном случае кем-то вроде окказионального заместителя своего дяди, он стал, по сути, квазиадресатом, то есть чисто номинальным, подставным получателем информации, предназначенной в действительности совсем другому лицу или, точнее, определенному кругу лиц с общей идейной позицией. Дешифровка этого реального адресата не составит особого труда, если очертить ближайший контекст стихотворения Аксакова.

Едва ли главным формантом в линейном контексте интересующего нас послания является, на наш взгляд, «Рассуждение о любви к Отечеству» А.С. Шишкова, прочитанное, как известно, сначала на предварительном заседании «Беседы» 4 декабря 1811 года, а затем 15 декабря, уже в публичном чтении. К созданию этой патриотической речи, построенной на исторических параллелях, Шишкова подстегнули обострившиеся к концу 1811 года отношения России с Наполеоном и растущее в обществе недовольство французами. Именно там и тогда Шишков сформулировал свой знаменитый триединный постулат «вера православная, воспитание, русский язык», перечислив основные источники истинно русского, слепого и пристрастного, патриотизма: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к

⁶ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 222.

возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству»⁷. Мощный пафос этой речи как нельзя лучше корреспондировал с аналогичными, хотя и более ранними по времени, критическими выступлениями против усвоения чужеземной культуры в ущерб собственной, прозвучавшими еще в книге Шишкова 1803 года. Верность своим излюбленным идеям он продемонстрировал и в написанных в 1812 – 1814 годах пламенных воззваниях-манифестах, исполненных ненависти и презрения к французам. Вот как пишет об этом М.Г. Альтшуллер: «В манифестах Шишков наконец свел счеты с галломанией своих образованных соотечественников. Громогласно, во всеуслышание упрекает он их в слепой привязанности к французам, врагам России, православия, русского народа»⁸.

О манифестах Шишкова в свое время С.Т. Аксаков вспоминал не без сочувствия, с особой тщательностью подчеркивая при этом их сильное и преимущественное воздействие на простой народ, «на целую Русь», но не на дворянское сословие: «... писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей» (2, 305 – 306). Данный отзыв косвенно мотивирует сатирико-элегический дискурс раннего стихотворения Аксакова, лирический герой которого испытывает глубочайшее разочарование в своих просвещенных соотечественниках, которые, даже после триумфальной победы в Отечественной войне 1812 года, так и не сумели изжить застарелую дворянскую болезнь – галломанию.

⁷ Цит. по: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. С. 28.

⁸ Там же. С. 348.

Стихотворное послание Аксакова Казначееву в композиционном плане достаточно четко разделено на три неравновеликие части, соответствующие темпоральной триаде «прошлое – настоящее – будущее». Первая из них, по своей глубинной сути, является свернутым парафразом основных идеологических установок Шишкова, в которых концептуализировалась некая идеальная модель русского национального самосознания. Якобы присущая ему углубленная внутренняя сосредоточенность на «своем» и агрессивная закрытость для «чужого», для любых чужеродных воздействий в хронотопе Отечественной войны 1812 года приобретала особую, повышенную значимость.

Аксаков узнаваемо передал «прошишковскую», электризирующую патетику размышлений русского патриота, потрясенного несчастьями своей отчизны и твердо уверовавшего в то, «Что разорение, пожары и грабеж, / Врагов неистовство, коварство, злоба, ложь, / Собратий наших смерть, страны опустошенье / К французам поселят навеки отвращенье (3, 636). События «ужасной години» осмыслены поэтом под двойным углом зрения: как «не только ... зла, но и добра причина» (3, 636), как ниспосланное свыше наказание и одновременно как последовавшее за этим спасение России «благодатью небес». Наказание – за прежнее слепое подражание и пристрастие к иноземцам, за полное забвение национальных обычаев и языка. Спасение – за горькие слезы раскаяния, за воспалившийся в сердцах россиян «огнь любви к отчизне», за поселившиеся там «навек отвращенье» и «ненависть ... бесконечну» к кичливым галлам, задумавшим «народ российский низложить» и возомнившим, «что будет росс подвластным галлу жить!..» (3, 636).

Во второй части стихотворения Аксаков нарисовал настоящее послевоенной Москвы. Предвосхищая А.С. Грибоедова, он описал столичное дворянство как сословие апатридов, представители которого «рабствуют умами»,

вверяя воспитание своих детей «развратным беглецам», заводя дружбу с «разбойниками», приглашая их на балы, где «прелестные российские девицы» осыпают «разорителей отеческой страны» знаками внимания. Гневными упреками осыпает поэт московских «барынь и девиц», проявляющих ложную чувствительность к злоключениям французов: «Столь были тронуты французов злоключеньем, / Что все наперерыв метались с утешеньем» (3, 637), забыв, что на этих «питомцах сатаны» и «убийцах» «иль брата, иль отца ... дымится кровь» (3, 637). С болью говорит сатирик о жене, ласкающей убийц погибшего на войне мужа, и в пылу негодования ставит на москвичках с короткой памятью презрительное клеймо «россиянок позор»: «Но будет, отвратим свой оскорбленный взор / От гнусных тварей сих, россиянок позор» (3, 637).

В финальной части стихотворения резкие сатирические инвективы постепенно уступают место элегическим раздумьям лирического героя Аксакова о невозможности переделать людей, о бесполезности любых попыток изменить общество, о необходимости запастись терпением: «Мой друг, терпение!.. Вот наш с тобой удел» (3, 638), уповая единственно на то, что «время язве сей положит лишь предел» (3, 638). Не может не обратить внимания созвучность скорбных переживаний условного автора тоскливым размышлениям автобиографического субъекта другого, безусловно, известного С.Т. Аксакову, стихотворного послания. Имеем в виду написанное в 1794 году послание Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву «в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости». Напомним, что оно было создано в период остро переживаемого обоими поэтами глубочайшего мировоззренческого кризиса, порожденного кровавыми событиями во Франции 1793 года, времен якобинской диктатуры.

Карамзинская разочарованность в людях, нравственно не доросших до осуществления высоких просветительских идеалов, сродни обманутым надеждам Аксакова на возрождение патриотических чувств в русском дворянстве. Весьма показательна в этом плане маркированность рамочной структуры его стихотворения устойчивыми, кодообразующими формантами сентименталистского стиля. В начальном двистишии в качестве таковых выступают восклицательное междометие «ах!» и трафаретное обращение «любезный друг»: «Ах, сколь ошиблись мы с тобой, любезный друг, / Сколь тщетною мечтой наш утешался дух!» (3, 636). Ср. у Карамзина: «Но что же нам, о друг любезный, / Осталось делать в жизни сей, / Когда не можем быть полезны, / Не можем пременить людей?».⁹ Клишированные карамзинистами маркеры стиля появились у Аксакова и в финальном четверостишии, выдержанном в сугубо меланхолической тональности: «Мой друг, терпение!.. Вот наш с тобой удел, / Знать, время язве сей положит лишь предел. / А мы свою печаль сожжем в сердцах унылых, / Доколь сносить, молчать еще мы будем в силах...» (3, 638). Ср. у Карамзина: «Гнушаться издали пороком / И ясным, терпеливым оком / Взирать на тучи, вихрь сует...»¹⁰.

Отсутствие интертекстуальных переключек не отменяет близкого сходства, если не сказать тождественности, тех социокультурных и мировоззренческих ситуаций, в которых по воле авторов оказались лирические герои стихотворных посланий Карамзина и Аксакова. Оба испытали острейшее разочарование в нравственном состоянии современного общества, оба с горечью осознали всю глубину духовной несвободы людей и, как следствие, признали их абсолютную неготовность и ленивое нежелание реализовывать в повседневной жизненной практике главнейшие духовные

⁹ Карамзин Н.М. Избранные сочинения. Т. 2. С. 36.

¹⁰ Там же.

ценности. Тщательно отрефлектированный, пропущенный через личностное сознание печальный социально-политический опыт сделал Карамзина «республиканцем в душе», Аксакова же подтолкнул к отходу от «кривого славянофильства» Шишкова с его отвлеченной любовью к народу.

В задачу настоящей статьи не входило составление полного и развернутого комментария к аксаковским воспоминаниям об А.С. Шишкове. Для нас принципиально важным было указать на важнейшую роль его трудов в длительном процессе выработки С.Т. Аксаковым собственной идеологической и эстетической позиции, формирование которой сначала проходило в унисон, а затем в скрытой или откровенной полемике с этим прославленным «ревнителем ... русской самобытности» (2, 279).

**Г.Р. Державин – «посмертный» член Казанского
«Общества любителей отечественной словесности»**

19 февраля 1817 года секретарь Казанского общества любителей отечественной словесности, профессор П.С. Кондырев докладывал министру народного просвещения А.Н. Голицыну: «Казанское общество любителей отечественной словесности, изыскивая разные способы почтить память умершего почетного члена своего Гавриила Романовича Державина, между прочим, положило во всех списках почетных членов своих на третьем месте ставить имя его таким образом: 3. Был Гавриил Романович Державин, и печатать оное в месяцеслове с росписью чиновных особ в списке членов Общества»¹. Для членов Общества настолько важным было ощущение близости к Державину, что оно хотело сделать поэта навечно своим «посмертным членом».

Это было первое предложение подобного рода, хотя члены общества умирали и до Державина. Вполне естественно, что оно не нашло понимания во власти и инициатива не была поддержана; хотя Голицын 18 Марта 1817 года доложил о желании общества Александру I, но на доклад последовала высочайшая резолюция. Император «соизволил, ежели хотят поставить портрет или бюст, то дозволить, в адрес же календарь усопших не вносить»².

В середине 1810-х годов Гавриил Романович Державин, несомненно, воспринимался современниками как первый поэт России. Его имя как большого поэта-земляка имело огромное значение для самосознания членов Общества. Не удивительно поэтому, что он стал одним из первых почетных

¹ РГИА. Ф. 733, оп. 18, д. 32, л. 63.

² Там же.

членов Казанского общества любителей отечественной словесности. Это произошло ровно через год после принятия Устава общества, в котором появилось понятие почетных членов, когда на Торжественном собрании было объявлено о первом их избрании. В числе 13 особ в Общество был принят Державин, причем его избрание состоялось третьим, сразу же после министра народного просвещения Алексея Кирилловича Разумовского и попечителя учебного округа Михаила Александровича Салтыкова.

Было бы преувеличением сказать, что Державин особо благоволил Обществу, и членство в нем имело большое значение для поэта. Из воспоминаний В.И. Панаева, члена Общества, известно, как он по-родственному уговорил Державина пожертвовать Обществу портрет и четыре тома сочинений и даже упросил сделать на книге дарственную надпись, фактически продиктовав последнюю³. Однако нельзя сомневаться в том, что такая, пусть даже искусственно создаваемая, близость писателя к Обществу имела для последнего огромное значение.

Это в полной мере проявилось в связи с последовавшей в ночь с 8 на 9 июля 1816 года кончиной поэта. 24 сентября было организовано внеочередное собрание Общества⁴. На нем, кроме сочинений самого Державина, были прочитаны в честь его стихи Рындовского, «Надпись к портрету Державина» Ибрагимова, «Надгробие Державину» Городчанинова. В конце собрания председатель И.Ф. Яковкин предложил Обществу «на рассуждение: 1) Сочинить Гаврилу Романовичу Державину похвальное слово,

³ Панаев В.И. О Державине. Из моих воспоминаний // Братчина. Ч. 1. СПб., 1859. С. 118 – 119; Портрет в настоящее время находится в коллекции Национального музея Республики Татарстана.

⁴ Его детальное описание было опубликовано в «Казанских известиях» и следом в «Вестнике Европы», а также отдельной брошюрой для представления в Министерство народного просвещения.

произнести его в трехгодичном торжественном собрании и напечатать оное в трудах общества, 2) жизнеописание покойного напечатать в сих же трудах, 3) для хранения присланных творений его изготовить особый ковчег, 4) впредь сообразить о воздании Ему большей почести, напр<имер> поставлением урны, памятника и т.п. и 5) о собрании сем в честь покойного напечатать в Казанских известиях и уведомить Гг. сочленов»⁵. Все предложенные пункты были единогласно приняты и утверждены и, таким образом, можно считать, что на собрании впервые была высказана мысль о необходимости сооружения памятника Державину в Казани.

В то же время, после приведенного выше упоминания в переписке с министром 1817 года, в следующий раз на уровне министерства вопрос о памятнике был поднят только через 13 лет. В мае 1830 года Общество выслало министру народного просвещения князю К.А. Ливену проект памятника, представленный профессором Мельниковым и рассмотренный предварительно в конференции Академии художеств⁶. Тогда же была озвучена смета проекта Мельникова на 18039 рублей, после чего объявили известный сбор средств. Чем же объясняется столь длительный перерыв между высказанным в Обществе желанием соорудить памятник и созданием проекта?

Очевидно, причиной стал перерыв в деятельности Общества в период с 1819 до 1826 года. К сожалению, к настоящему моменту деятельность Общества недостаточно изучена. Первое литературное общество Поволжья, сыгравшее большую положительную роль в развитии литературного процесса в Казани, до сих пор не имеет ни летописи, ни истории своего существования. Вместе с тем, написание такой работы прояснило бы перерыв, имеющий

⁵ РГИА. Ф. 733, оп. 18, д. 32, лл. 83 об. – 84.

⁶ ИРЛИ. Д. 16295, л. 4.

самое прямое отношение к вопросу об увековечении памяти Державина.

Полагаю, невнимание к истории Казанского общества любителей отечественной словесности обусловлено, прежде всего, иллюзией изученности, которую создает прекрасная работа В. Аристова, изданная Казанским университетом в 1992 году⁷. Аристов поставил перед собой актуальную задачу – ввести в научный оборот материалы по истории Общества, бережно сохраняемые в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Ему удалось обобщить эти материалы, прежде всего, переписку Общества, связно изложить историю первых лет Общества, проанализировать процесс создания его устава и показать его взаимосвязи с существующим в Петербурге Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств. При этом Аристовым не использованы материалы Национального архива Республики Татарстан (это, прежде всего, ежегодные отчеты общества, представляемые попечителю учебного округа), им не учтены ценнейшие материалы, исчерпывающе показывающие деятельность Общества в первые годы существования, сохранившиеся в собрании Рукописного отдела Пушкинского дома. Более того, работа под названием «Первое литературное общество Поволжья» не претендовала на то, чтобы стать единственной написанной историей Общества, в подзаголовке было указано: «К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806 – 1818 гг.». Несмотря на это, до сих пор работа Аристова остается единственной историей Казанского общества любителей отечественной словесности. Исправить ситуацию намеревались к 200-летию университета, отмечавшемуся в 2004 году, казанские литературоведы Л.Я. Воронова и Ю.В. Жиглий, но их работа так и не была

⁷ Аристов В.В. Первое литературное общество Поволжья (К истории Казанского общества любителей отечественной словесности в 1806 – 1818 гг.). Казань, 1992.

опубликована⁸. В 2006 году вышла маленькая публикация О. Федотовой «Желая усовершенствовать себя в отечественной словесности...», в которой она републикует Устав общества. При этом в работе дан совершенно несправедливый приговор деятельности Общества после 1830 года: «С 1830-х гг. деятельность общества пришла в упадок, собрания стали редкими, а в 1853 г. прекратились совсем, хотя официального закрытия не было»⁹.

Очевидно, что одной из важных историографических проблем для исследования деятельности общества является отсутствие свидетельств о его собраниях в период после 1818 года. Первый историограф общества Н.А. Попов писал еще в то время, когда можно было не придерживаться научного подхода в изложении материала и менять линию повествования о развитии литературной жизни в Казани в зависимости от ее обеспеченности источниками. Он сухо констатировал, что деятельность Общества «во времена Магницкого не оставила по себе никаких следов»¹⁰. В.В. Аристов, не представив доказательств, абсолютно верно связал отсутствие собраний Общества с деятельностью попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого. Он писал: «Анализ деятельности левого крыла Казанского

⁸ История Казанского университета. Казань, 2004. С. 598.

⁹Этой фразой описана деятельность общества, которое в отдельные годы проявляло важную для историко-литературного процесса активность. Например, в конце 1840-х годов оно собиралось ежемесячно в здании Астрономической обсерватории университета. На заседаниях читали доклады преподаватели университета, в частности, Григорович впервые сделал доклад «О глаголите», вызвавший полемику в ЖМНП. Сообщения о прошедшем собрании и резюме докладов публиковались в Казанских губернских ведомостях. До 1849 года состав членов общества печатался в адрес-календарях. Позже в целях сокращения издания из него исключили списки научных и литературных обществ.

¹⁰ Попов Н.А. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 год // Русский вестник. 1856. Кн. 1. С. 96.

общества любителей отечественной словесности убеждает, что связь его «закрытия» в 1819 г. и общего курса правительственной политики, проводившегося в Казанском университете М.Л. Магницким, несомненно, есть»¹¹. Очевидно, что ему не был известен документ, в котором определено была бы названа причина остановки деятельности общества.

Найденные в РГИА материалы, в числе которых и приведенный выше отрывок о посмертном упоминании Державина в адрес-календарях, позволяют, наконец, пролить свет на этот вопрос. 21 июня 1826 года, через 1,5 месяца после отстранения от должности попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого¹², ректор университета К.Ф. Фукс обратился в письме к Министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову: «При нашем Университете учреждено общество любителей Отечественной словесности <...>; список <...> Почетных членов его украшается именем вашего Высокопревосходительства. Руководимое данным ему Уставом, едва только успело оно издать в свет труды свои в книжке, при сем Вам представляемой, и приуготовило уже материалы для другой, как вдруг, не известно по какой причине, остановлено было в ходе своем запрещением от бывшего Попечителя, при самом его вступлении в сию должность, что и продолжается уже 7-й год, между тем как имена членов его ежегодно в Адрес-Календаре печатаются. От такового бездействия претерпевает общество наше

¹¹ Аристов В.В. Первое литературное общество. С. 41.

¹² Указ об отставке Магницкого был подписан 9 мая 1826 года. В 1820-е годы письма от Казани до Петербурга, как и обратно, доходили в среднем за две недели (Ильина К.А. Письмо как способ управления учебным округом // Бикташева А.Н, Гизатуллин М.Х., Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). Казань, 2006. С. 117). То есть, вопрос о возобновлении деятельности Общества был одним из первых решений, принятых коллективом Казанского университета.

постыдное для него, но нимало не заслуженное, от незнающих подлинной причины нареkanie, что титулуется только, а делом не занимается»¹³.

Фукс не вводил в заблуждение Шишкова. Из Месяцесловов, в которых с 1812 года печатался состав членов Общества видно, что их число неизменно возрастало до 1819 года, когда в нем числилось почти 100 человек: 25 действительных, 50 иногородних и 24 почетных члена. С этого времени и до 1827 года их число очень медленно, но неизбежно снижается, прежде всего, за счет смерти некоторых членов. А после того, как 7 апреля 1826 года¹⁴ Шишков официально дает разрешение на возобновление собраний Общества число членов Общества вновь начинает резко возрастать. Если в 1826 году общее их количество составляло 74 человека, то уже в 1828 году их было 91. После вынужденного бездействия Общество восстановило свою деятельность только в 1828 году, и сразу же был поднят вопрос о сооружении памятника Державину.

Таким образом, если бы деятельность Общества не была прекращена указанием М.Л. Магницкого, по-видимому, данным им устно, можно полагать, памятник Державину в Казани был бы открыт значительно раньше. Об этом можно утверждать тем с большей уверенностью, что первый секретарь общества, П.С. Кондырев, преждевременно скончавшийся в 1823 году, приобрел известность своими деловыми качествами и, в первую очередь, успешными сборами средств на различные нужды. Его усилиями в 1817 – 1819 годах во многом на счет пожертвований было открыто значительное число приходских и уездных училищ в Казанской губернии. Несомненно, что, если бы не распоряжение Магницкого, Кондырев бы энергично занимался устройством памятника еще в конце 1810-х годов.

¹³ РГИА. Ф. 733, оп. 18, д. 32, лл. 75 – 75 об.

¹⁴ О разрешении было сообщено Шишковым Фуксу в письме от 18 октября 1826 года.

Переписка общества с Министром народного просвещения, сохранившаяся в РГИА, объясняет, чем было вызвано прекращение и возобновление деятельности Общества. Можно надеяться, что присоединение ее к корпусу известных ранее источников по истории Общества позволит казанским литературоведам написать историю Общества и составить его летопись.

История сооружения памятника Г.Р. Державину в Казани (по архивным материалам)

Когда в 1795 году, вдохновленный Горацием, Державин писал свои стихи в подражание великому римлянину, он, конечно, не подозревал, какое страшное пророчество таит присвоенная им чужая стихотворная строка:

Я памятник себе воздвиг, чудесный, вечный,
Металлов тверже он...¹

Установленный в 1847 году на родине поэта, в Казани, бронзовый памятник Державину не простоял и столетия. Революционный «вихрь» настиг его в начале 1930-х годов и «сокрушил» до основания. Скульптуру отправили на переплавку, барельефы уничтожили. Творение К.А. Тона и С.И. Гальберга² осталось лишь на немногочисленных фотографиях.

История сооружения памятника Державину подробно описана одним из активных участников этого проекта, бывшим ординарным профессором университета, секретарем

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 233. Ср.:

Ereipmonimentumaereperenplius / Regalique situ pyramidumalti us...

² О реальном вкладе каждого из них в проект памятника Державину см.: Дульский П. Памятник Г.Р.Державину в Казани: Историческая заметка к столетию со дня рождения поэта (6 июля 1816 г. – 6 июля 1916 г.) // Вестник образования и воспитания. 1916. № 5 – 6. С. 425; Альмухаметова Г.А. Материалы местной печати об открытии памятника Г.Р. Державину в Казани // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX – начала XX вв.: Межвузов. сб. научных работ. Казань, 1985. С. 17.

Казанского общества любителей отечественной словесности Г.С. Суровцевым. Прочитанная на церемонии открытия, она неоднократно перепечатывалась в середине XIX века местными и столичными изданиями³. Я.К. Грот в 1880 году⁴ и П.М. Дульский в 1916⁵ дополнили её новыми материалами, главным образом, из архива Казанского университета.

Предметом нашего изучения стала финансовая составляющая проекта, еще точнее – способ ее обеспечения. Никогда ранее не привлекавшая внимания исследователей (неизвестна даже точная сумма собранных денег⁶), эта проблема представляется нам интересной по нескольким причинам. Памятник Державину в Казани задумывался как некое, воплощенное в металле и камне, изъявление уважения и признательности всей России к своему великому соотечественнику. В какой мере этот замысел был реализован? Кто они, эти «любители истинного просвещения и славы России»⁷, на добровольные приношения которых рассчитывали авторы идеи? С какими сословиями и социальными слоями общества связаны? Насколько

³Суровцев Г. Отчет о сооружении памятника Державину // Уч. зап., издаваемые Император. Казанским университетом. Кн. III. Казань, 1847. С. 129 – 139; Открытие памятника Державину в Казани // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. Ч. LV. № 9. Отд. VII. С. 29 – 35.

⁴Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. Т. 1. СПб., 1880. С. 1018 – 1019.

⁵Дульский П. Памятник Г.Р. Державину в Казани: Историческая заметка к столетию со дня смерти поэта. С. 417 – 427.

⁶Г.С. Суровцев неуверенно называет «не менее 20 000 рублей серебром» с процентами (Отчет о сооружении памятника Державину. С. 130). По сведениям, сообщаемым Я.К. Гротом, «в 1842 году <...> пожертвования составляли наличными деньгами 12.048 руб. и билетами Московской сохранный казны 6.705 руб.» (Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам... Т. 1. С. 1018).

⁷ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9257, л. 1 об.

задействованными в сборе средств на сооружение памятника оказались столица и провинция, крупные города и российское захолустье, углы?

Материалом исследования стали документы, хранящиеся в трех российских архивах, разные по объему и информационной насыщенности. Одно дело из собрания Филиала Государственного архива Ярославской области в г. Рыбинске (7 л.) – первая и случайная находка, обусловившая возникновение интереса к теме⁸. Два дела (объемом 3 и 97 л. – соответственно), выявлены в результате сплошного обследования описей тех фондов Государственного архива Вологодской области, где могли бы отложиться документы подобного рода⁹. И, наконец, четыре дела, обнаруженные в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в результате комбинированного поиска¹⁰ (три из них значатся в каталоге¹¹).

Семь дел из разных архивов по характеру содержащегося материала могут быть разделены на три группы. К первой относятся дела, включающие только «входящие» документы, т.е. предписания «сверху» по поводу организации подписки на сооружение памятника Державину. Таких дел три. Во вторую группу входят только отчеты о сборе средств, то есть «Списки приносителей». Такое дело одно. Третью группу составили дела смешанного типа. Их три. Материалы каждой из трех групп обеспечивают реконструкцию строго определенного фрагмента общей картины, разворачивающейся во времени и пространстве.

Документы первой и первой части третьей групп, датированные апрелем – июнем 1832 года, позволяют восстановить во всех подробностях (шаг за шагом) процедуру, теперь почти забытую, а в то время только

⁸ Филиал ГАЯО в Рыбинске. Ф. 38, оп. 1, д. 137.

⁹ ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9257; там же. Д. 9392.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^a.

¹¹ Там же. Ф. 536, оп. 9, д. 1653; 2447, 5117.

осваиваемую¹². (По-видимому, первыми памятниками, сооружение которых осуществлялось по подписке, были памятник Минину и Пожарскому в Москве (работа скульптора И.П.Мартоса, 1818) и князю Дмитрию Ивановичу Донскому (1825)¹³.

Первым в ряду документов, регламентирующих проведение подписки, следует назвать письмо попечителя Казанского учебного округа М.Н.Мусина-Пушкина, датированное 21 мая 1832 года. В нем излагалась суть инициативы Казанского общества любителей отечественной словесности, сообщалось о «высочайшем дозволении» императора Николая I «открыть по всему государству подписку на сооружение памятника Г.Р.Державину», формулировалась просьба «предложить подписку» и содействовать ее проведению, назван адрес, по которому должны быть доставлены подписные листы и собранные суммы: «Казань. Попечителю Казанского учебного округа»¹⁴.

Адресатами письма были лица, обладающие большими властными полномочиями, *начальники* губерний, округов, епархий. В нашем случае – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа К.М.Бороздин¹⁵ и епископ Вологодский и Устюжский Стефан¹⁶.

На следующем этапе кампании по проведению подписки адресаты стали адресантами. Подготовленный от их имени документ направлялся в подведомственные

¹² Судя по описям ф. 31, 18 и др. ГАВО, объявление в Вологде подписки о добровольных пожертвованиях на сооружение памятников (Н.М.Карамзину и И.А.Гончарову – в Симбирске, М.Ю.Лермонтову – в Пятигорске, И.С.Тургеневу – в Орле и др.) стало в XIX веке устойчивой традицией.

¹³ См.: Дело о сборе средств на сооружение памятника князю Д.И.Донскому. 24 июня – 7 июля 1825 г. 7 л. (ГАВО. Ф. 31, оп. 1, д. 46).

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9257.

инстанции: из канцелярии Санкт-Петербургского или Ярославского гражданского губернатора – уездным предводителям дворянства, а от них – в земские суды (исполнение подписки в уездах поручалось земскому исправнику и дворянским заседателям¹⁷). Ту же цепочку звеньев (только в обратном направлении) проходили собранные деньги и подписные листы. Как бы ни назывался этот документ (*отношение, сообщение* или *указ*)¹⁸, письмо попечителя Казанского учебного округа либо включалось в его текст (в пересказе, обширном цитировании), либо копировалось целиком, т.е. помещалось в качестве приложения. Что же касается образца подписного листа, то мы нашли его лишь в одном из шести дел и потому приведем этот текст полностью:

«Подписной лист для внесения по Величайшему разрешению добровольных пожертвований на сооружение памятника действительному тайному советнику Державину, стяжавшему бессмертную славу на поприще поэзии.

Любители отечественной словесности из уважения к памяти и талантам покойного Державина приглашаются принять участие в предполагаемом сооружении памятника, который будет поставлен в публичном саду в городе Казани, в гимназии коего сей знаменитый муж получил первоначальныя образования»¹⁹.

Теперь, когда мы составили достаточно полное представление о самой процедуре подписки на сооружение памятника Г.Р. Державину, перейдем к анализу ее конкретных результатов. Они зафиксированы в делах второй (одно) и третьей групп (три). Все четыре дела датированы

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536, оп. 9, д. 1653, л. 2.

¹⁸ ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9257, л. 1, 3.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 536, оп. 9, д. 1653, л. 2 об.

второй половиной 1832 – августом 1833 года. Характеризуя географию реконструированного нами пространства, отметим его крайние точки: Архангельск на севере, Рыбинск на юге, Псков на западе, Усть-Сысольск (Сыктывкар) и Сольвычегодск на востоке. Неравноценные по объему выявленной информации, они могли быть отмечены на воображаемой карте точкой, «пятнышком» или самостоятельным сегментом. У этого пространства есть свои центры: Петербург и Вологда.

Материал, которым мы располагаем, не позволяет осмыслить его, подчиняясь схеме, отражающей административно-территориальное деление России того времени: столица, губерния (губернский город), уезд (уездный город), а требует другого подхода. Относительная полнота и объективность анализа обеспечиваются, с одной стороны, ограничением предмета исследования до одной из составляющих (Вологда и Вологодская губерния) и привлечением контекста, столичного и провинциального, с другой.

В Вологодской губернии и Вологде подписку на сооружение памятника Державину в Казани проводили церковные и светские власти. Начнем с анализа документов, образовавших «Дело о пожертвовании средств...», из фонда «Вологодская духовная консистория».

Добровольные пожертвования, собранные Вологодской епархией, составили 336 рублей 63 копеек²⁰. В «Списке приносителей на сооружение памятника Г.Р.Державину» значатся две категории «благодетелей». К первой (жертвовавших «от себя» – их девять) относятся архимандриты и игумены монастырей, протоиереи соборов, священники. Самую большую сумму – 15 рублей ассигнациями – внес архимандрит Устюжского

²⁰ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9392, л. 1. Далее ссылки на эту рукопись с обозначением (в скобках) листа даются в тексте.

второклассного Михайло-Архангельского монастыря Вениамин с братиею; 10 рублей ассигнациями пожертвовал игумен третьеклассного Троице-Гледенского монастыря в Великом Устюге – Пахомий (л. 2).

Минимальная для этой категории жертвователей сумма составила 2 рубля – приношение протоиерея кадниковского Николаевского собора Алексея Бальзамина с братиею. По 5 рублей ассигнациями внесли остальные шесть жертвователей (л. 2).

Больше всего «благотворителей» оказалось в уездной Тотме: игумен Спасо-Суморина монастыря Геннадий, ректор тотемских духовных училищ протоиереи Иоанн Савинов и пять учителей духовных училищ (их дар был общим), два – в Усть-Сысольске, как, впрочем, и в Великом Устюге, и только один в губернской Вологде – священник кафедрального собора Александр Воронов (л. 2).

Вторую категорию жертвователей составили священнослужители, о приношениях которых (как о лицах подведомственных) сообщали благочинные. В деле о сборе пожертвований на сооружение памятника Г.Р. Державину представлены рапорты благочинных церквей Вологды и Великого Устюга, а также девяти уездов (Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского, Великоустюгского, Никольского, Сольвычегодского, Яренского, Усть-Сысольского). Не располагая точными данными о количестве храмов, входящих в каждое благочиние, и числе священнослужителей, ограничимся комментарием сведений, содержащихся в сводном списке. Безусловными лидерами по сумме собранных средств являются Вологодское (51 рубль 91 копеек (л. 2)) и Грязовецкое (50 рублей 46 копеек (л. 2 об.)) благочиния. Самый маленький вклад (5 рублей ассигнациями) внесло Яренское благочиние, почти в три раза больше (13 рублей 60 копеек) – Сольвычегодское (л. 2 об.). Суммы, представленные в Вологодскую епархию благочинными других уездов

колеблются от 24 рублей 40 копеек (Усть-Сысольский уезд – л. 4 об.) до 35 рублей (Кадниковский уезд – л. 2 об.). Столь же значителен разброс и в пожертвованиях отдельных лиц, даже в списках «приносителей» одной церкви, например, Спасо-Преображенской Шухтовской Вологодского уезда: священник Александр Селяев пожертвовал 20 копеек серебром, той же церкви дьякон Иосиф Александров Осоргин – 10 копеек, дьячок Александр Михайлов Перебатченский – пять копеек медной монетой, столько же (и тоже медною монетою) внес пономарь Василий Петров Голубев (л. 30).

В списке «благотворителей» города Вологды есть три имени, заслуживающие особого разговора (л. 23): протоиерей церкви Иоанна Предтечи в Рощенье Петр Васильевский (1797 – 1869)²¹, священник церкви Покрова на Козлене Всеволод Писарев²² (1805 – 1888) и священник церкви Параскевы Пятницы Платон Осокин (1806 – 1870)²³. Дети вологодских священнослужителей, выпускники Вологодской духовной семинарии, они были рукоположены в священники в 1820-х годах и, значит, в год проведения подписки на сооружение памятника Г.Р.Державину были в самом начале своего поприща. Образованные и бескорыстные (все трое десятилетиями «безмездно» преподавали Закон Божий в учебных заведениях Вологды), эти «добрые, ревностные и

²¹См. о нем: Некролог [Без подписи] // Прибавления к №1 «Вологодских епархиальных ведомостей». 1870. 1 января. С. 41 – 42; *Нордов В.* Слово при погребении протоиерея <...> Петра Васильев<ича> Васильевского 23 декабря 1869 года // Прибавления к №2 «Вологодских епархиальных ведомостей». 1870. 15 января. С. 52 – 55; *Смирнов В.* Речь при гробе протоиерея <...> Петра Васильев<ича> Васильевского 23 декабря 1869 года // Там же. С. 55 – 57.

²²*С<уворов> Н.* Пятидесятилетний юбилей настоятеля Вологодской градской Дмитрие-Наволоцкой церкви протоиерея Всеволода Андреевича Писарева. Вологда, 1877.

²³Некролог [Без подписи] // Прибавления к №14 «Вологодских епархиальных ведомостей». 1870. 15 июля. С. 516 – 517.

честные пастыри церкви»²⁴ снискали любовь и искреннее уважение не только своих прихожан, но и всего общества. Всем троим судьба подарила возможность оказаться рядом с К.Н.Батюшковым. В доме Петра Васильевича Васильевского душевнобольному поэту сняли «прекрасную квартиру», где он прожил с 1833 по 1844 год²⁵. Протоиерей Дмитриевской Наволокской церкви Всеволод Писарев стал духовником Константина Батюшкова²⁶. Протоиерей Параскевинской церкви Платон Осокин (с притчем) совершил погребение в Спасо-Прилуцком монастыре, где упокоился поэт²⁷.

Ценность анализируемого нами документа в его способности обеспечить то, что называется «чистотой» эксперимента. «Дело о сборе пожертвований на постройку памятника поэту Державину в городе Казани» зафиксировало (количественно и поименно) вклад одного сословия – духовенства (среднего и низшего), словом, тех, чьими усилиями в вологодской глуши поддерживалась духовная жизнь. Случаи участия в проведении подписки представителей других сословий немногочисленны: десять крестьян (есть среди них и крестьянская вдова Марья Афанасьевская) – прихожан церковей отдаленных уездов (Никольского, Тотемского, Усть-Сысольского) и города Устюга (л. 59 об., 61, 73 об., 95, 96); великоустюжский купец Александр Седельников, «приложивший один рубль медью» (л. 65), два чиновника (губернский секретарь Адриан Попов и коллежский секретарь Алексей Шергин (л. 95^а)). Свой вклад (10 копеек серебром) внес «находящийся при

²⁴Пятидесятилетний юбилей <...> протоиерея Всеволода Андреевича Писарева. С. 8.

²⁵См. об этом: *Лазарчук Р.М.* К.Н.Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. Череповец, 2007. С. 309 – 326.

²⁶См. об этом: *Власов А.С.* Заметки о жизни К.Н.Батюшкова в Вологде (Вступит.статья и публ. В.А.Кошелева) // История в лицах: Историко-культурный альманах. Вып. 1. Череповец, 1993. С. 157 – 158.

²⁷См. об этом: *Лазарчук Р.М.* К.Н.Батюшков и Вологодский край: Из архивных разысканий. С. 259.

Нижнетотемской Знаменской церкви Сольвычегодского уезда иконописец Вологодской губернии Вязниковского уезда Андрей Карпенков». (Он был крестьянином князя Ивана Лобанова-Ростовского (л. 89)).

Теперь обратимся к вологодским материалам, отложившимся в центральных архивохранилищах. Местонахождение этих документов (ф. 139 Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) вполне оправданно: в 1830-х годах учебные заведения Вологодской губернии входили в состав Санкт-Петербургского учебного округа. Сумма сделанных ими приношений равнялась 132 рублям 92 копейкам (более 10% от общей суммы пожертвований Санкт-Петербургского учебного округа, составившей 898 рублей 91 ¹/₂ копейки). Заметим для сравнения, что дирекция Олонецких училищ собрала 66 рублей, Архангельских – 54 рубля 60 копеек²⁸.

Безусловным лидером в сборе средств на сооружение памятника Г.Р. Державину стала Вологодская гимназия, основанная в 1804 году по инициативе и при активном участии М.Н.Муравьева²⁹. Ее взнос равнялся 87 рублям 92 копейкам³⁰. По данным «Месяцеслова <...> на 1833 год», в штате этого учебного заведения состояло двенадцать человек³¹, в списке благотворительных особ значатся девять³² (десятый – протоиерей Петр Васильевский, преподававший Закон Божий, – числится среди жертвователей Вологодского благочиния)³³. Восемь учителей внесли по пять

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 7, 16 – 17, 21 – 21 об., 22, 23, 24 – 24 об.

²⁹ Об открытии Вологодской губернской гимназии. – ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 9, 10, 37.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 21 – 21 об.

³¹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. Ч. I. СПб. [1833]. С.464.

³² ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 21.

³³ ГАВО. Ф. 496, оп. 1, д. 9392, л. 23.

рублей, один – четыре, а директор Вологодских училищ надворный советник Николай Андреевич Веденский – десять³⁴.

Скуп и сух подписной лист, только фамилия, инициал (и лишь в некоторых случаях полное имя), иногда должность, занимаемая жертвователем, сумма взноса... Однако увидеть за фамилиями и цифрами живого человека со своей биографией, судьбой, собственной мотивацией поступка оказалось не просто. «Месяцеслов <...> на 1833 год» содержит минимальную информацию: имя и отчество, чин, преподаваемый предмет³⁵. Опубликованный полвека спустя «Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии» (1886) зафиксировал (в сравнении с «Месяцесловом...») еще одну деталь внешней биографии преподавателей – продолжительность службы, т.е. даты зачисления и увольнения. Документ составлялся к празднованию столетнего юбилея этого учебного заведения³⁶ в знак доброго воспоминания о всех «потрудившихся с пользой на педагогическом поприще» Вологодской гимназии³⁷. Однако из двенадцати учителей, состоящих в штате (девять из них были дарителями), в «Списке...» названы только четверо³⁸. Остальных к середине 1880-х годов уже окончательно забыли...

Результаты разысканий, предпринятых нами, определяются (в каждом конкретном случае) характером обнаруженных документов и объемом содержащейся в них

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 21.

³⁵ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. Ч. I. С. 464.

³⁶ Вологодская губернская гимназия возникла в результате преобразования Главного народного училища, открытого в 1786 году.

³⁷ См.: Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии / Сост. директором Л.И.Исполатовым // Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786 – 1886. Вологда, 1886. С. 13.

³⁸ Там же. С. 15, 18, 20, 22, 24.

информации. Из биографии троих жертвователей удалось установить только один, но, без сомнения, значимый факт. Все они окончили Санкт-Петербургский университет: Михаил Беляев и Петр Назарьев в 1830 году со степенью кандидата (по философско-юридическому и физико-математическому факультету – соответственно) и Федор Польнер в 1831 – с званием действительного студента (по историко-филологическому)³⁹. Их «определение на вакантные места старших учителей»⁴⁰, безусловно, связано с преобразованием Вологодской губернской гимназии в семиклассную. В провинциальном городе с населением около 14 000 человек таких людей немного, они на виду, университетское образование их многому обязывает; наконец, они молоды, полны энтузиазма и потому не могут не осознавать своей особой культуртрегерской миссии. Фамилия одного из них, Федора Ивановича Польнера, встречается в списках особ, внесших пожертвования в пользу детского приюта⁴¹.

Четвертый (и последний) из тех дарителей, чьи судьбы нам (в какой-то мере) удалось приоткрыть, – Иоаким Иванович Дозе. Основным источником реконструкции его биографии стал формулярный список учителя⁴². Полнота сведений, сообщаемых в этом документе, позволяет вернуть в образовательное и культурное пространство Вологды 1830 –

³⁹См.: Список студентам и вольным слушателям, окончившим в Санкт-Петербургском университете полный курс наук со степенью кандидата или с званием действительного студента // Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка, составленная <...> В.В.Григорьевым. СПб., 1870. С. LXX, LXXI.

⁴⁰См.: ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 682, л. 2, 3, 5; Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. Ч. I. СПб., [1833]. С. 464.

⁴¹См.: Вологодские губернские ведомости в 1846. 6 апреля. Часть неофициальная. № 14. С. 150; 21 декабря. Часть неофициальная. № 51. С. 533; 1847. 22 марта. Часть неофициальная. № 12. С. 114.

⁴²ГАВО. Ф. 453, оп. 1, д. 1522. 6 л.

1850-х годов еще одно лицо, теперь совершенно забытое. Для российской провинции середины XIX века Иоаким Иванович Дозе⁴³ – фигура обычная и характерная. Время Вральманов давно прошло. Образованный иностранец (он прошел курс обучения в университете города Кия) с «дипломом на звание адвоката» в России, куда Дозе прибыл в 1816 году, занялся «приватно обучением детей». Энергичный и настойчивый, Иоаким Иванович добился в 1828 году «дозволения» Санкт-Петербургского университета «завести в г<ороде> Вологде» Благородный пансион⁴⁴. Через год, в 1829, И. Дозе определен в гимназию учителем французского и немецкого языка.

Россия стала для Дозе второй Родиной. Он принял российское подданство и пустил здесь свои корни: приобрел в Вологде деревянный дом, здесь родились его дети, Федор и Екатерина, крещенные в православие (Иоаким Иванович был «евангелического вероисповедания»)⁴⁵. Не знаем, где Иоаким Иванович встретил «гамбургскую уроженку, девицу Марианну Генриетту Фельш»⁴⁶, свою будущую жену, но Генриетта Корнилиевна была для него не только спутницей жизни. Их объединяло общее дело. Госпожа Дозе стояла у истоков женского образования в Вологде: она была содержательницей первого в этом губернском городе частного женского пансиона, открытого в 1834 году, а после его преобразования (в 1858) стала первой начальницей перворазрядного училища для девиц, на базе которого в 1862 году основана Мариинская женская гимназия. По собственному признанию, свои первые шаги на

⁴³ По данным формулярного списка, в 1848 году И. Дозе – 56 лет. Значит, он родился в 1792. – Там же. Л. 1 об. Иоаким Иванович скончался 3 января 1853 года. – ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 2177, л. 18.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 453, оп. 1, д. 1522, л. 1 об., 2.

⁴⁵ Там же. Л. 1 об. – 2; 2.

⁴⁶ ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 737, л. 11.

педагогическом поприще, Г.К.Дозе совершила «под руководством мужа»⁴⁷.

Иоаким Иванович прожил «деятельную и полезную для заведения гимназии жизнь», он скончался «преждевременно» «от усиленных занятий по службе», оставив свое семейство в «бедности». Эти глубокие и проникновенные слова взяты из официального документа, ходатайства директора Вологодских училищ о назначении вдове учителя Г. Дозе и ее несовершеннолетней дочери полной пенсии, на которую И.И. Дозе, не прослуживший положенного 25-летнего срока, не имел права по закону⁴⁸.

Но вернемся назад, в 1832 – 1833 годы, к событию, определившему сюжет нашей статьи. Думается, вопроса: участвовать в сборе пожертвований на сооружение памятника Державину или не участвовать – у младшего учителя Дозе не возникало.

Пятый из известных нам «благодетелей», Н.П. Титов, был этнографом и краеведом и именно поэтому избежал полного забвения. Основная канва его жизни (по крайней мере, с ее внешней, служебной стороны) известна по двум коротким (в четыре – пять строк) повторяющим и одновременно дополняющим друг друга вариантам текста, опубликованного в справочных изданиях⁴⁹. Прощение Н.П. Титова, его формулярный список и аттестат, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области, позволяют датировать некоторые (известные) факты его жизни и дополнить ее событийный ряд. Однако главное отнюдь не в новых деталях. Привлечение в качестве источника биографической реконструкции творческого наследия Н.

⁴⁷ Там же. Л. 1.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 2177, л. 2.

⁴⁹ Дилакторский П.А. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей-уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1900. С. 129; Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923. С. 136.

Титова – этнографа и краеведа – дает возможность составить представление о личности и внутренней жизни этого человека.

Н.Титов обучался в Вологодском приходском училище (с 7 августа 1813 по 26 августа 1814 года), потом, в течение года (по 26 августа 1815) – в уездном и, наконец, в Вологодской губернской гимназии («с того времени» по 26 августа 1819)⁵⁰. Желание стать учителем юный Титов объяснял своей «склонностью к наукам»⁵¹.

Педагогическая деятельность Н.П. Титова началась в Вологодском приходском училище⁵², куда он был определен 1 апреля 1820 года⁵³ после окончания Вологодской губернской гимназии. Сын вологодского мещанина, Н.П.Титов (1802 – 1862)⁵⁴ добивается «исключения» из «подушного оклада» и утверждения в звании учителя (февраль 1823 года)⁵⁵. С января 1824 года⁵⁶ Николай Петрович занимает должность учителя Вологодского уездного училища, в марте 1832 (уже в чине титулярного советника) он был «перемещен» в губернскую гимназию, где в течение двадцати двух лет преподавал русский язык и всеобщую географию⁵⁷. «Подбор» предметов, кажущийся нашему современнику по меньшей мере странным, для младшего учителя Титова оказался совершенно органичным. Это была натура тонкая, впечатлительная, тянущаяся к

⁵⁰ ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 507, л. 16.

⁵¹ Там же. Л. 16 об.

⁵² Дилакторский П.А. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей-уроженцев Вологодской губернии. С. 129.

⁵³ ГАВО. Ф. 453, оп. 1, д. 1521, л. [Без нумерации] – 1.

⁵⁴ Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы: Источники словаря. С. 136.

⁵⁵ ГАВО. Ф. 453, оп. 1, д. 1521, л. [Без нумерации] – 1.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786 – 1886. С. 18. Последние два года (с 10 ноября 1852 по 28 февраля 1854) – только географию. – Там же. С. 22.

знаниям и красоте и, по-видимому, очень одинокая (семьей Николай Петрович не обзавелся и в 52 года⁵⁸). Отправляясь в дорогу «по своим делам» в Кириллов или «помолиться Угоднику» в Белозерск⁵⁹, водой (от Вологды до Великого Устюга)⁶⁰ или по почтовому тракту (от Сольвычегодска до Тотьмы)⁶¹, Николай Петрович всегда ощущал себя путешественником и вел дневник⁶².

Человек образованный и требовательный к себе, Н. Титов отказывал своим путевым очеркам в «полноте серьезного описания» и видел в них лишь «заметки», сделанные «только по привычке <...> отмечать встречающиеся дорогою предметы»⁶³. Не замеченный потомками и не оцененный ими по достоинству, Н.П. Титов, безусловно, заслуживает отдельного очерка. Любопытный путешественник и хороший писатель, он был, прежде всего, историком своего края, стремящимся зафиксировать (а значит, сохранить для будущего) живое слово простолюдина⁶⁴, местный костюм (и даже тип лица)⁶⁵,

⁵⁸ ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 2265, л. 26.

⁵⁹ Т<итов> Н. Дневник на пути из Новоезерского монастыря в Вологду // Вологодские губернские ведомости. 1848. 7 августа. Часть неофициальная. № 32. С. 360.

⁶⁰ Титов Н. Из путевых заметок по Сухоне // Прибавление к № 2 «Вологодских губернских ведомостей». 1845. 13 января. С. 12 – 16.

⁶¹ Титов Н. Обратное плавание по Сухоне // Прибавление к № 17 «Вологодских губернских ведомостей». 1845. 28 апреля. С. 174 – 176.

⁶² Титов Н. Из путевых заметок по Сухоне. С. 12 и др.

⁶³ Т<итов> Н. Дневник на пути из Новоезерского монастыря в Вологду. С. 360.

⁶⁴ Титов Н.П. Местные слова и выражения, употребляемые простым народом в Вологодской губернии // Прибавление к № 42 «Вологодских губернских ведомостей». 1842. 17 октября. С. 349 – 352; Прибавление к № 43. 24 октября. С. 359 – 362.

⁶⁵ Т<итов> Н. Дневник на пути из Новоезерского монастыря в Вологду. С. 360.

обычай⁶⁶, предание⁶⁷, детали быта людей разных сословий, состояние дорог, внутреннее убранство собора⁶⁸ и устройство сухонской «крытой» лодки⁶⁹. Оставаясь увлекательным путеводителем («... мною сделанная заметка пригодится позднейшему посетителю»⁷⁰), дневники и очерки Н.П. Титова и сегодня не утратили значения ценнейшего исторического источника. Исследовательские возможности Титова наиболее полно реализованы в его «Заметках о бывших в Вологде театрах»⁷¹, позволяющих считать их автора первым историком одного из старейших театров России⁷².

Впрочем, и работа над очерками, и их публикация – все это будет позже, в 1842 – 1853 годах⁷³. Пока же, в 1832 – 1833 годах, когда проходил сбор пожертвований на сооружение памятника Г.Р. Державину, Н.П. Титов – только младший учитель Вологодской губернской гимназии. И, без сомнения, учитель хороший, творческий: иначе не было бы ни

⁶⁶Титов Н. Целовник // Вологодские губернские ведомости. 1852. 9 февраля. Часть неофициальная. № 6. С. 52 – 53.

⁶⁷Титов Н. Обратное плавание по Сухоне. С. 176.

⁶⁸Там же. С. 174 – 178.

⁶⁹Титов Н. Сухонская лодка // Вологодские губернские ведомости. 1853. 19 сентября. Часть неофициальная. № 38. С. 327 – 330.

⁷⁰Титов Н. О посещении Белавинской пустыни, находящейся на Каменном острове (Из письма к редактору) // Вологодские губернские ведомости. 1847. 9 августа. Часть неофициальная. № 32. С. 310.

⁷¹Вологодские губернские ведомости. 1853. 31 октября. Часть неофициальная. № 44. С. 384 – 387.

⁷²См. об этом: Лазарчук Р.М. Литературная и театральная Вологда 1770 – 1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда, 1999. С. 148, 153, 169, 170, 199 – 202.

⁷³См. список печатных трудов Н.П.Титова, включающий 11 названий: *Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы: Источники словаря*. С. 136 – 137. 2-е отделение Императорской Академии наук и Русское императорское географическое общество «изъявили» Н.П. Титову «искреннюю» и «совершенную» признательность за представленные им статьи. См. об этом: ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 2265. Л. 27 об.

«единовременного награждения 300 рублями (ассигнациями), ни изъявления «по окончании осмотра» попечителем Санкт-Петербургского учебного округа «совершенной признательности» за успехи учеников «по преподаваемому» Николаем Петровичем «предмету»⁷⁴. Заметим, что в статьях Титова всегда ощущается педагогическая «установка». Публикуя извлечения из рукописной книги Большого Чертежа, связанные с «тогдашней топографией» Вологды, он обращается к «памяти старожилов»⁷⁵, а от «любопытных читателей» ожидает «доставления в редакцию важных замечаний и <...> любопытных подробностей о нашем крае»⁷⁶.

В списке благотворительных особ Вологодской гимназии – двенадцать учеников, в основном 6-го и 7-го классов. Их взносы копеечные: от гривенника, принесенного Зосимским, до 8 копеек, пожертвованных Николаем Дубравиным. Оба семиклассники. Максимальный дар – по 1 рублю 80 копеек – сделали трое: братья Зубовы, Павел и Петр, ученики 6-го и 3-го классов, и П. Михайлов⁷⁷. Это много. (Воспитанники Санкт-Петербургской гимназии собрали 35 руб. 60 копеек⁷⁸. Участие учащихся гимназий в сборе средств на сооружение памятника Г.Р.Державину в других губерниях не зарегистрировано). Рублевыми, а иногда и копеечными (36; 84) были пожертвования учителей Вологодского и Тотемского уездных училищ⁷⁹.

⁷⁴ГАВО. Ф. 453, оп. 1, д. 1521, л. 2об., 3 об.

⁷⁵Титов Н. Выписка из рукописной книги: «Описание градов, монастырей и рек и озер государства Московского всея России». Список книги Большого Чертежа, писанной при первом разделении России на 8 губерний в 1709 г. // Вологодские губернские ведомости. 1848. 28 августа. Часть неофициальная. № 35. С. 392.

⁷⁶Там же. С. 397.

⁷⁷ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 21, 21 об.

⁷⁸Там же. Л. 9.

⁷⁹Там же. Л. 22, 23.

Копии списков дарителей включены в дело под унифицированным и формальным названием: «Список чиновников Вологодской губернской гимназии» или: «Списки чиновников Тотемских уездном и приходском училищ» (в него попали и ученики). Социальный состав этой категории жертвователей неоднороден: дворянство (почетные смотрители Сольвычегодского, Яренского, Великоустюгского, Тотемского училищ: штабс-капитан Павел Петрович Мельгунов, отставной флота капитан-лейтенант Яков Федорович Ахматов⁸⁰, Петр Борисович Кологривов⁸¹, капитан Павел Платонович Волков⁸² (по 10 рублей)⁸³, духовенство. Есть среди «пожертвователей» и выходец из крестьян – младший учитель рисования и черчения Вологодской гимназии, выпускник Императорской Академии художеств Николай Иванович Катин (1777 – 1865)⁸⁴.

Среди жертвователей на сооружение памятника Державину были лица, не пожелавшие назвать свое имя. Мотивы их поступков неизвестны. Можно предположить, почему один из учителей Санкт-Петербургской гимназии скрыл свое имя: «безымянный» внес 25 рублей, его коллеги –

⁸⁰ Их имена, отчества, чин установлены по документам: ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 861, л. 1 – 11 и д. 824, л. 2, 5.

⁸¹ Вологодский помещик (из дворян Московской губернии), бывший поручик Бородинского пехотного полка, уволенный в марте 1821 года от службы «за болезнью». Кологривов был утвержден в звании почетного смотрителя Великоустюгского уездного училища 5 февраля 1829 года. Он ровесник века. В момент сбора пожертвований на сооружение памятника Г.Р. Державину П.Б. Кологривову 32 – 33 года. См.: ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 635, л. 5 – 10; 20.

⁸² Чин, имя и отчество установлены по документу: ГАВО. Ф. 438, оп. 3, д. 747, л. 2.

⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, д. 4392^а, л. 21, 26.

⁸⁴ См. о нем: Даен М.Е. Николай Иванович Катин – забытый художник окружения В.А.Тропинина // Историческое краеведение и архивы: Сб. статей. Вып. 10. Вологда, 2004. С. 104 – 117.

лишь по пять⁸⁵. Того, кто в списке чиновников Вологодского уездного училища назван «неизвестным», очевидно, смущала мизерность его вклада (36 копеек) на фоне щедрых даров коллег (5, 2, 5 рублей ассигнациями)⁸⁶. В числе благотворителей значатся несколько «некто», дар которых составил десять, сорок копеек (л. 73), один рубль медью (л. 65)... Кто они и что побуждало их остаться неизвестными? Крошечная сумма? Но ведь это обстоятельство нисколько не смутило купца Александра Седельникова, пожертвовавшего ту же сумму: «Прилагаю один рубль медью» (л. 65).

«Бюрократическая» машина работала так слаженно, что, кажется, исключала «сбой». Однако сомнений в добровольности приношений у нас не возникло.

Документы зафиксировали и случаи отказа от пожертвований, заметим, что в разных регионах он происходил в разных формах. Дворянский заседатель штаб-ротмистр [Петр Иванович] фон Берг ограничился «уведомлением», посланным в Рыбинский земский суд: «никто» из здешних «господ дворян желания для пожертвования денег не изъявил»⁸⁷. Об этом же рапортовал в Шлиссельбургский земский суд местный исправник, «препровождая обратно подписные листы»⁸⁸. В Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии оказалось всего два «приносителя», действовавших скорее по должности, чем по желанию: уже упомянутый нами исправник [Карл Андреевич] Розе, пожертвовавший пять рублей, и шлиссельбургский уездный предводитель

⁸⁵ЦГИА СПб. Ф. 139, оп. 1, ед.хр. 4392^а, л. 9.

⁸⁶Там же. Л. 23.

⁸⁷Филиал ГАЯО в Рыбинске. Ф. 38, оп. 1, д. 137, л. 1.

⁸⁸ЦГИА СПб. Ф. 536, оп. 9, д. 1653, л. 4 – 4 об.

дворянства[коллежский ассессор Василий Матвеевич Белозеров]⁸⁹, дар которого составил десять рублей⁹⁰.

Информация об отказе от «добровольных приношений» встречается и в рапортах, поступающих в Вологодскую духовную консисторию от благочинных церквей отдаленных приходов. Но в ней почти всегда слышна извинительная интонация («...по скудости здесь хлебного урожая <...> желающих подписать на сооружение памятника г<осподи>ну Державину никого не оказалось»⁹¹), чувствуется потребность быть понятым: «...имею честь объяснить, что вверенная мне пустынь есть почти самая бедная и требует еще много поправок и в деньгах имеет недостаток, а потому и уделить от доходов своих на сооружение того памятника не может»⁹².

Думается, что предпринятая нами реконструкция интересна не только с исторической точки зрения. Опыт, накопленный российским обществом, не просто поучителен. Востребованный в кризисные для страны времена, он мог бы стать консолидирующим фактором. Вот только воспользуется ли, захочет ли сегодняшнее общество воспользоваться этим опытом?

⁸⁹Имена, отчества и фамилии, взятые в квадратные скобки, установлены нами по «Месяцеслову». См.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1833. Ч. 2. С. 77, 10.

⁹⁰ЦГИА СПб. Ф. 536, оп. 9, д. 1653, л. 6.

⁹¹Из «почтеннейшего репорта» Иоанна Заостровского, священника Воложской Николаевской церкви Вельского уезда. – ГАВО. 496, оп. 1, д. 9392, л. 57.

⁹²Из рапорта управляющего Спасо-Преображенской Белавинской пустыни иеромонаха Ионы. Там же. Л. 19 – 19 об.

**Державинские материалы в собрании
Литературного
музея ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН**

Державинский фонд Пушкинского Дома весьма значителен. Он разделен между Рукописным отделом и Литературным музеем.

В настоящей статье описаны только материалы, входящие сегодня в собрание Литературного музея Пушкинского Дома. Для описания взяты лишь предметы, связанные с Державиным непосредственно. Эпоха и окружение поэта оставлены за скобками.

Фонд сформировался в главной своей части еще в первые десятилетия прошлого века. Самые ценные материалы, происходящие из семьи Державина или его ближайшего окружения, пришли от К.Я. Грота. Это, главным образом, оригинальная графика.

Иконография Г. Р. Державина в Литературном музее очень внушительная.

Оригинальные произведения:

1. Неизвестный художник XVIII в. Портрет Г.Р. Державина. 1780-е. Холст, наклеенный на картон, масло. 69 х 59. Поступил в 1950 году от В.Д. Фролова. ПД-2575/И-64647.

Державин изображен молодым, в расшитом кафтане, с орденами св. Александра Невского, св. Владимира и св. Анны. Согласно заключению технико-технологической экспертизы, проведенной в Академии художеств в 1993 году, ордена, возможно, были приписаны спустя несколько лет после завершения портрета, но до образования общего кракелюра на поверхности красочного слоя картина. См. илл.

2. Е.Я. Державина. Силуэт Г.Р. Державина. 1786 (?). Тушь. 7,7 x 5,5 (в свету). На обороте, на листе, приклеенном к подложке и смонтированном под стекло, рукою Г. Р. Державина (?) надпись карандашом: *«Державина сего Гаврилу полюбила / Чему дивится свет / и мужа доброго дурным изобразила / так вот [тебе мой све]т и Силует / которого Чернее нет / О туши мрачна сила!»*. В верхнем левом углу подложки надпись чернилами: *«От Я.К. Грота»*. Дар К.Я. Грота в 1918 году. ПД-И-639.

3. А.П. Кожевников (1807 – 1875). Портрет Г.Р. Державина. Вторая половина XIX века. С оригинала С. Тончи 1801 года. Бумага, карандаш. 35,5 x 22,5. На полях и под изображением карандашом авторские пояснения. Вверху: *«Портрет этот должен бы быть достоянием Академии»*. На левом поле: *«Портрет безподобно написан. – И мысль гениальная, // представит Северного Барда в снежных // лавинах...// жизнь так и дышит // и когда, смотря на // портрет припомина//ешь стихи Его, // то кажется что// немного оживлены уста // шепчут звучную рифму // и он хочет снять дивную // перчатку написать еще строк»*. Внизу: *«Портрет Гаврилы Романовича// Державина. – Писан масляными красками // знаменитым художником Тончи. – Широта // 3 ½ ар. Высота 4 ½. – Находился при его // жизни в павильоне портрета той же величины его супруги // писанного кажется Боровиковским, в низу в обеденной // зал, после его смерти вверху в обеденном зале, // а по кончине супруги достался по духовному завещанию ее племяннику Алек. Ник. Львову, был перевезен // оба портрета в Москву, где после его Львова // смерти и находятся во владении его супруги // Натальи Николаевны Львовой, урожденной // Мордвиновой. – Это лучший портрет Державина. // Еще есть грудной портрет, писанный Базилевским, достался Семену Васильевичу Капнисту»*. От К.Я. Грота в 1916 году. ПД-10060. См. илл.

Есть все основания предположить, что рисунок выполнен по гравюре Ф. Иордана, появившейся в 1862 году. Рисунок был опубликован Н.Н. Калининным в статье «Некоторые черты званской жизни»¹.

4. П. Афанасьев. Портрет Г.Р.Державина. 1853. С оригинала В.Л. Боровиковского 1811 года. Бумага, акварель. 13,5 x 11,5. Под изображением карандашом: «1853-го Рисовал Петр Афанасьев». Источник поступления не зафиксирован. ПД-И-5426.

5. Неизвестный художник Портрет Г.Р.Державина. Первая половина XIX века. С оригинала А.А. Васильевского 1815 года². Бумага, акварель. 18,8 x 14,5 (в свету). Приобретен у П.А. Зозули в 1945 году. ПД-1710/И-58525. Илл. 6.

6. Л. Булах. Портрет Г.Р. Державина. Первая половина XIX века. С оригинала Васильевского 1815 года. Бумага, итальянский карандаш. 24,2 x 20,7. Под изображением пером: «Рисовала Любовь Булахъ». Поступил в 1920-е годы из собрания А.М. Козловской³. ПД-И-6021.

¹ Памятники Культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 21. Сопроводительная надпись воспроизведена Н.Н. Калининным неточно и в сокращенном виде.

² Когда-то в собрании Литературного музея находился и масляный портрет, предположительно, кисти А.А. Васильевского (ПД-1909/И-60282). В 1953 году он был передан во Всероссийский музей А.С. Пушкина. Об оригинале и копиях этого портрета см.: Морозова Е.В. Один из «казанских» портретов Г.Р. Державина // Державин и культура Казанского края. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина. Казань, 2008. С. 168 – 172.

³ Козловская Александра Михайловна – княгиня, жена князя Михаила Ионовича Козловского, последнего владельца усадьбы Ивановское-Козловское Клинского у. Московской губернии, дочь М.Н. Лонгинова, известного библиофила, библиографа и

Собрание Литературного музея включает несколько скульптурных портретов поэта.

1. М.И. Иванов (1774 – 1848) (?). Портрет Г.Р. Державина. 1822 год. По живописному портрету А.А. Васильевского 1815 года. Бюст. Мрамор. 65,9 x 20. Постамент утрачен. Из правления РАН в 1923 году. ПД-И-2854. См илл.

Михаил Иванович Иванов – имя не слишком известное. «Большая советская энциклопедия» приводит весьма лаконичные данные: воспитанник АХ с 1779, в 1794 получил звание подмастерья «формовочного и отливочного дела»; с 1799 – мастер «формовальных фигур». В 1803 – 1817 работал в формовочной мастерской Академии художеств: «осуществлял контроль за формами и античными фигурами», отливал гипсы и исправлял формы для античных бюстов и фигур⁴. Его работы хранятся в ГРМ и ГТГ. Все они из гипса. В энциклопедической статье ошибочно сказано, что бюст Державина выполнен с портрета С. Тончи. Информация автоматически перенесена автором статьи из заметки, опубликованной еще в 1822 году в журнале «Отечественные записки» П. Свиньина. Привожу ее текст полностью: «Всякий русский, любящий славу своего отечества, а потому уважающий память мужей, ей содействующих, порадует, конечно, узнав, что, наконец, мы имеем скульптурное изображением Гаврила Романовича Державина – и потщится приобрести оное. Модельный мастер Академии Художеств Михайла Ив. Иванов вылепил бюст бессмертного Барда нашего с портрета, писанного г. Тончием, и весьма удачно. Он представлен в колпаке и шлафроке, лицо его, несмотря на старость, озарено вдохновением Поэта. Для отличительности

исследователя русской истории и литературы, собравшего огромную библиотеку. В 1916 году А.М. Козловская передала в Пушкинский дом богатейшую библиотеку и архив отца, из-за начавшейся революции попавшие по назначению только в 1921 году. В том же году их хранительница княгиня А.М. Козловская умерла в нищете.

⁴ БСЭ. Т.4. Кн. 1 (Елева – Кадышев). С. 426.

характера, художник весьма к стати положил на основание бюста две книги. Цена оному изваянию – 50 рублей. Его можно иметь от г. Иванова, живущего в Академии Художеств»⁵.

К сожалению, утрата постамента не позволяет установить, сохранил ли резчик книги на основании бюста. Поздний отлив (ПД/И-173) этой детали лишен.

2. Неизвестный скульптор. Портрет Г.Р. Державина. Вторая половина XIX века. Тип. М.И. Иванова 1822 года, несколько измененный. Бюст. Гипс, крашенный под патинированную бронзу. Высота 73. Поступил из Пушкинского Лицейского музея. ПД/И-173.

3. Неизвестный скульптор. Портрет Г.Р. Державина. Первая половина XIX века. Уменьшенный отлив по оригиналу Ж.-Д. Рашетта 1794 года. Бюст. На круглом постаменте с четырехугольным основанием. Бронза патинированная и золоченая (постамент). 28,3 x 14,1 x 13,3. Из наследия В.В. Семева в 1958 году. ПД-3141/И-79387.

4. Неизвестный скульптор. Портрет Г.Р. Державина. Первая половина XIX века. Уменьшенный отлив по слегка измененному оригиналу Ж.-Д. Рашетта 1794 года. Бюст. Бронза патинированная. 27,5 x 7,4 x 7,4. Привезен Б.Л. Модзалевским в 1927 году из Центрального хранилища ГМФ как бюст И. Бецкого. ПД-249/И-5430.

5. Неизвестный скульптор. Портрет Г.Р. Державина. Середина XIX века. С неизвестного оригинала XIX века. Герма. Гальванопластика. 27 x 17 x 12. На груди: «Державинъ». Дар В.М. Федорова в 1925 году. ПД-93/И-5427.

⁵ Взгляд на новые отличные произведения художеств // Отечественные записки. 1822. Ч.12. № 32. С. 406.

В 1926 году Пушкинским Домом у Людмилы Николаевны Лукиной-Шелгуновой, дочери публициста, литературного критика Николая Васильевича Шелгунова (1824 — 1891 и переводчицы Людмилы Петровны Шелгуновой (1832—1901), урожденной Михаэлис⁶, был приобретен одностворчатый книжный шкаф красного дерева с невысоким прямоугольным аттиком, застекленный в верхней части, декорированный резбой растительного характера, с бумажной наклейкой на внутренней стороне задней стенки: «*Шкап этот куплен в 1837 году Петром Ивановичем Михаэлисом*⁷ *после покойного Державина*» (ПД/И-3205).

Пушкинский Дом располагает еще одной мемориальной вещью Державина — яшмовой печаткой, полученной от Н.А. Миллер в 1958 году (ПД-3140/И-79384). На овальной печатке вырезан щит, увенчанный короной, в обрамлении знамен и других военных трофеев. В центре щита монограмма: «Г.Д».

Самая большая часть фонда — печатная графика. Значительная часть коллекции поступила из собрания В.М. Воинова. Еще одно большое поступление состоялось в 1950 году из ИМЛИ в составе так называемого фонда иллюстраций. Это, прежде всего, — портреты Г.Р. Державина,

⁶ По мнению исследователей, семейный союз Шелгуновых, устроенный на новых основах и подтверждающий злободневность идей Чернышевского, вполне мог послужить одним из живых источников романа «Что делать?».

⁷ Петр Иванович Михаэлис, помещик Шлиссельбургского уезда; начал службу в 1799 году в *Саратовской Конторе Опекунства Иностранцев*, в 1817 выдержал экзамен на звание чиновника в особом комитете при *Казанском Университете*. После этого он служил в Пермской Палате Уголовного Суда, советником Пермского Губернского Правления, а в 1839 был назначен председателем Временного Отделения С-Петербургской Управы Благочиния. С этой должности и вышел в отставку в 1848 году. См.: *Михаэлис Евгений Петрович* (1841 — 1913). К 165-летию со дня рождения. Усть-Каменогорск, 2007.

выполненные в разное время с разных оригиналов и в разной технике. Иконография претендует на полноту, поэтому коллекция включает фотогравюры, фототипии, если в иной технике портрет не представлен. Выделим лишь основные.

Сегодня собрание гравюр Литературного музея насчитывает 18 портретов Г.Р. Державина из 23, описанных Д. Ровинским:

1. Гейзер. Портрет Г.Р.Державина. До 1793 года. С оригинала В.Л. Боровиковского. С непокрытой головой, в парике, в гражданском мундире правителя наместничества, «с двумя петлицами на отложном воротнике и четырьмя петлицами на пуговицах по отложному борту, с орденом св. Владимира 3 ст., полученным в 1787 году». Гравюра резцом на стали. Лист: 21,2 x 12,2. Оттиск: 12 x 8,8. Подписи: «*Borovicovski del - Geyser sc. // Gavril Derschawin // Staatsmann, Dichter, Mensch*». Приложен к книге: *Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschavin. Aus dem Ruusischen übersetzt von A. v. Kotzebue. Leipzig. 1793.* (Ровинский, 1). Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И-71249.

2. И. Розанов Портрет Г.Р. Державина. 1801 год. По рис. Фердинанда де Мейса. Тип В.Л. Боровиковского (до 1793 года). На шее Мальтийский крест, на груди звезда ордена св. Владимира, звезда и лента ордена св. Александра Невского, полученного в 1801 году. Грав. резцом и пунктиром. 19 x 13,7. Овал в четырехугольнике. Подписи: «*Dessiné par Ferd: de Meys – Gravé par J.Rozonov // Гавриил Романович Державин // Действительный тайный советник, Сенатор, // разных орденов кавалер и Императорской // Российской академии член*». (Ровинский, 5). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13552.

3. И. Розанов. Портрет Г.Р. Державина. 1820-е годы. По рис. Фердинанда де Мейса. Тип В.Л. Боровиковского (до 1793 года). Погрудно, $\frac{3}{4}$ вправо, в парике, с Мальтийским

крестом на шее, лентой и орденами. Гравюра резцом. 3,4 x 3,3. Миниатюра. Овал в четырехугольнике. Лист обрезан. Подпись: «Державин». Приложен к книге: Плутарх для юношества. Изд. 3-е. М. 1821 – 1823. Ч. XII. (Ровинский, 7). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13568.

4. И. Розонов. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала, восходящего к оригиналу Боровиковского до 1793 года. С Мальтийским орденом на груди и на шее, с крестом св. Владимира 3-й ст. и звездой св. Анны на груди, в правой руке держит книгу. Фотогравюра Шерер, Набгольц и К° в Москве. С неизданного портрета П.П. Бекетова⁸. 7,8 x 6,3 (в овале). Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1883. Т. IX. С. №4. (Ровинский, 8). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13584.

5. А. Тейхель. Портрет Г.Р. Державина. С миниатюры В.Л. Боровиковского 1794 – 1795 годов. Гравюра резцом на стали. Лист: 28,5 x 20,7. Оттиск: 12 x 11. Подписи: «*Рис. Боровиковский – грав. А. Тейхель. // Г. Р. Державин.*». Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения с объяснит.

⁸ Бекетов Платон Петрович (1761 – 1836) – известный иконограф и издатель. Для задуманного им издания «Портреты знаменитых россиян» было награвировано более 300 досок. В 1801 Бекетов выпустил «Пантеон Российских авторов» (Ч. 1. Тетр. 1 – 4. 20 портр.), с текстом Н.М. Карамзина, в 1821 – «Собрание портретов россиян, знаменитых по своим деяниям <...>, с приложением их кратких жизнеописаний» (вышла только одна из четырех задуманных частей, в 5 отделениях. 50 портр.). После смерти П. Бекетова доски были проданы И.В. и П.В. Киреевским, которыми были использованы в книгах: «Портреты именитых мужей российской церкви» (М., 1843. 40 портретов); «Изображения людей знаменитых или чем-нибудь замечательных, принадлежащих по рождению или заслугам Малороссии» (М., 1844. 42 портрета). В целом из бекетовских досок были отпечатаны 100, остальные 200 бесследно пропали. Только в качестве величайшей библиографической редкости иногда попадаются пробные оттиски с некоторых из них.

примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т.V. Фронтиспис. (Ровинский, 11). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-23625.

6. Ф. Иордан. Портрет Г.Р. Державина. 1861 год. С оригинала С. Тончи 1801 года. Гравюра резцом. 18 x 14. Подписи: «*Пис. Тончи – Грав. Ф. Иордан 1861 // Гавриил Державин*». Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864. Т. I. Фронтиспис. (Ровинский 13). Слева внизу карандашом: «*Нашему искреннему Льву Бернардовичу Бертенсону⁹ от друга Ф. Иордана*». Справа: «*14 Мая 1876*». Дар О.А. Скальковской-Бертенсон. ПД-481/И-46228.

7. И. Колосов. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала С. Тончи 1801 года. Акватинта карандашной манерой. 22,1 x 19,7. Подписи: «*Г.Р. Державин // Justitia in scopulo, rutilo mens delphica in ortu // Finqitar, in alba corque fides que nive // Пис. Тонче. – Гр. И. Колосов*». (Ровинский, 14). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13554.

8. А. Флоров. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала С. Тончи 1801 года. Гравюра резцом. Лист: 21,2 x 12. Оттиск: 8,4 x 6,6. Подписи: «*Грав. А. Флоров // Г.Р. Державин*». Приложен к книге: Собрание русских стихотворений. Изд. Жуковского. М., 1811. Источник поступления не зафиксирован. (Ровинский, 15)

ПД-И-32355, 49165.

9. И. Ческий. Портрет Г.Р. Державина. 1825 год. С рис. Э. Эстеррейха по оригиналу С. Тончи. Гравюра резцом и пунктиром. 10,5 x 8,5 (овал). Подписи: «*Рис. Э. Эстеррейхъ. –*

⁹ Лев Бернардович Бертенсон (1850 – 1929) – лейб-медик, член императорского Медицинского совета. Отец библиографа, историка русской литературы и театра, переводчика Сергея Львовича Бертенсона (1885 – 1962).

Грав. И Ческий // Державин в сих чертах блистает // Потребно ли здесь большие слов // Для тех, которых восхищает // Честь, правда и язык богов?». Приложен к книге: Собрание образцовых сочинений и переводов в стихах. СПб., 1825. (Ровинский, 16). Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И- 73219.

10. Неизвестный гравер. Портрет Г.Р. Державина. По рис. А. Шарлеманя.

Тип С. Тончи 1801года. Гравюра на стали. Лист: 23,1 x 15; и 4,0 x 3,0 (овальный медальон). На одном листе с портретами Румянцева, Суворова, Шелихова, Ломоносова, Дашковой, Кокоринова, Новикова, Радищева, Фонвизина, Дмитревского и Сумарокова. Приложен к книге: Вольф М.О. Русские люди. Жизнеописания соотечественников. С портретами, гравированными на стали по рисункам Шарлеманя. СПб., 1866. Т. II. (Ровинский, 17). Из собрания В. М. Воинова. ПД-217/И-13567.

11. Неизвестный гравер. Портрет Г.Р.Державина. 1843 год. С рис. Р.К. Жуковского. В шубе, шапке, с крестом и звездой св. Владимира. Гравюра на стали резцом и пунктиром. 16,4 x 14,3. Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1845. (Ровинский, 18). Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И- 73218

12. Н.И. Уткин. Портрет Г.Р.Державина. С оригинала В.Л. Боровиковского 1811 года. Поясной, прямолично, торс $\frac{3}{4}$ влево, в сенаторском мундире, с лентой и звездой ордена св. Александра Невского, звездой и крестом ордена св. Владимира на шее, крестом ордена св. Анны на шее, Мальтийским крестом на шее и на груди. Гравюра резцом. Лист: 23,4 x 13,9. Оттиск: 13,5 x 10,2 (в овале). Подписи: *«Грав. Николай Уткин, Профессор И. А. Х. 1 ноября 1831 г. // Г.Р. Державин»*. Приложен к книге: Державин. Сочинения.

СПб., изд. Смирдина. 1831. (Ровинский, 19). Дар П.Е. Рейнбота. ПД-320/И-13560.

13. То же. Под изображением 2 наклейки: 1) с автографом Державина: *«Покорнейший слуга // Гавриил Державин»*; 2) с датой чернилами *«февраля 12-го дня 1773 года. С. Петербург»*. Дата повторена на обороте паспарту карандашом. Лист: 20 x 15, 9 (в свету). Приобретено у Николая Евгеньевича Колковского. ПД-525/И-29115.

14. И. Пожалостин. Портрет Г.Р. Державина. 1866 год. С оригинала В.Л. Боровиковского 1811 года. Гравюра резцом. Лист: 41 x 29,7. Оттиск: 31 x 22,7. Подписи: *«Писал Боровиковский – Гравировал Ив. Пожалостин 1866»*. Под изображением карандашом: *«Державин. – Ив. Пожалостин // 1866»*. Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. Фронтиспис. (Ровинский, 20). Из собрания В. М. Воинова. ПД-217/И-9359.

15. И. Пожалостин. Портрет Г.Р. Державина. 1880 год. С оригинала А. Васильевского 1815 года. В бархатном тулупе, опушенном мехом, фуфайке и колпаке. Гравюра резцом. На нижнем поле поясной портрет Я.К. Грота, исполненный сухой иглой. Лист: 28 x 22. Изображение: 14,8 x 11,3. Подписи: *«Грав. Ив. Пожалостин. 1880»*. На паспарту рукой Пожалостина: *«Грав. Ив. Пожалостин. 1880 г.»*. Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1880. Т. VIII. Фронтиспис. (Ровинский, 21). Из собрания В. М. Воинова. ПД-217/И- 9360.

16. А.Г. Ухтомский (?). Портрет Г.Р. Державина. 1820 год (?). С неизвестного оригинала. Поясной, $\frac{3}{4}$ влево, сидит за столом с закрытыми глазами, в колпаке с кисточкой. Фототипия. 15,7 x 12,1. В изд.: Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных

портретов. Т.2. Из ИМЛИ в 1950 году. (Ровинский, 22). ПД-2555/И-66605/2.

17. А. Осипов. Портрет Г.Р.Державина. По рис. Ф.Ф. Кинеля с бюста работы неизвестного скульптора. В шапке-боярке, отороченной мерлушкой, в шубе из мерлушек. Фотогравюра Шерер, Набгольц и К° в Москве. 8 x 6,4 (в овале, на одном листе с № 13592). Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1883. Т. IX. С. №11. Из собрания В. М. Воинова. (Ровинский, 23). ПД-217/И-13591.

18. Неизвестный гравер. Портрет Г.Р. Державина. По бюсту Ж.-Д. Рашетта 1794 года. В виде камен. Фотогравюра Шерер, Набгольц и К° в Москве. 8,4 x 6,1 (в овале). Приложен к книге: Державин Г.Р. Сочинения. СПб., 1883. Т. IX. С. №12. (Ровинский, 24). Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13592.

Гравюры, не вошедшие в словарь Д. Ровинского:

19. И. Пожалостин. Портрет Г.Р.Державина. 1880 год. С оригинала А. Васильевского 1815 года. Гравюра резцом, печать сангиной. Лист: 47,4 x 35,3. Изображение: 23,5 x 11,4. Подписи: «Грав. Ив. Пожалостин 1880». Под изображением портрет Я.К. Грота. На паспарту автограф Пожалостина: «Грав. Ив. Пожалостин 1880». Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И- 66607.

20. Неизвестный гравер. Портрет Г.Р.Державина. С оригинала В.Л. Боровиковского 1794 – 1795 гг. Покол., ¾ влево, сидя у стола, в парике, жилете, с двумя орденами, на фоне драпировок и полок с книгами. Акватинта раскрашенная. Лист: 24,6 x 19,9. Изображение: 21,5 x 17,9. Подписи: «Пис. Боровиковский – Peint par Boroviko...//

Гавриил Романович Державин, 1743 – 1816 - Gabriel Romanovitch Derjavine, 1743 – 1816». Из собрания В.М. Воинова. ПД-217/И-13566.

21. Неизвестный гравер. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала В.Л. Боровиковского 1794 – 1795 гг. Покол., $\frac{3}{4}$ влево, сидя у стола, в парике, жилете, с двумя орденами, на фоне драпировок и полок с книгами. Меццотинто. Лист: 37,4 x 30,5. Изображение: 29,2 x 23,8. Подписи: «В.Л. Боровиковский – Издание Кнебель // Г.Р. Державин». Из собрания В. М. Воинова. ПД-217/И-51808.

Литографированные изображения Г.Р. Державина:

22. Неизвестный литограф. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала А. Васильевского 1815 года. Литография тоном. 24,9 x 20. Подписи: «Г.Р. Державин – Литог. П.Ф. Гельмерсена // на В.О. въ 5-й линии № 458». Лит. П.Ф. Гельмерсена. 1820-е (?). Внизу чернилами: «С н. находящегося в И. Публ. Библиотеке». (Адарюковъ, 2, II). Из собрания В. М. Воинова. ПД-217/И-13563,

23. Неизвестный литограф. Портрет Г.Р. Державина. С оригинала А.А Васильевского 1815 года. Литография. 10,7 x 10,3. Подписи: «Постиг, изобразил, Екатерину, Бога». (Адарюков, 3). Из собрания Б.Л. Модзалевского. ПД-И-34711.

24. А. Калашников. Портрет Г.Р. Державина. 1836. Тип С. Тончи 1801 года, с изменениями. Литография. 15,5 x 12,8. Подписи: «Гавриил Романович // Державин // Рис. Калашников – лит. Мошарского». Литография Мошарского. 1836. Изд.: Литографированные портреты членов Российской Академии. СПб., 1836 – 1840. (Адарюков, 4). Из наследия Б.Л. Модзалевского. ПД-479/И-10772.

25. Н. Зенгер. Портрет Г.Р. Державина. 1857 (?). Тип Тончи (?). Погрудно, в шубе и шапке. Литография. Лист: 22,9 x 15,5. Изображение: 8 x 7,4. Подписи: «Гаврила Державин / Н. Зенгер». Собрание портретов русских литераторов. 2 тетр. М., изд. Н. Зенгера. 1857. 31 литограф. л. ил. (Адарюков, 7). Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/ И-73217.

26. Р.К. Жуковский. Портрет Г.Р. Державина. 1843 год. Литография. Лист: 17,1 x 12,4. Изображение: 6,3 x 4,7. Гриф на камне: «R. Zukowski». (Адарюков, 9). К листу приклеен билет из С.-Петербургского цензурного комитета, с печатью и датой: «сентября 18 дня 1843 года». Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И- 73220.

27. К. Эргот. Портрет Г.Р. Державина. <1862 год>. С оригинала Р.К. Жуковского. Тип. С. Тончи. Литография. 11 x 10,4. Подпись: «Лит. К. Эргот | Г.Р. Державин». Приложен к книге: Подарок детям. СПб., 1862. (Адарюков, 13). Из ИМЛИ в 1950 году. ПД-2555/И-73211.

28. Бурковский. Портрет Г.Р. Державина. 1862 год. По рис. Р.К. Жуковского. Литография. 13,4 x 12. Подпись: «Державин». Гриф на камне: «Бурковский». (В кн.: Несколько избранных лирических стихотворений русских поэтов. М., 1862). (Адарюков, 16). Источник поступления не зафиксирован. ПД-И-32348.

29. Неизвестный литограф. Портрет Г.Р. Державина. 1860-е годы. С рис. Р.К. Жуковского. Тип С. Тончи. Литография А.Э. Мюнстера. 18,5 x 15. Подписи: «Гавриил Державин // G. Derjavin // С гравирован. рисунка – Impr Lith A Munster (Editor) // Издание Лит. А. Мюнстера, СПб.». В кн.: Портретная галерея русских деятелей. Изд. А. Мюнстера. СПб., 1865 – 1869. (Адарюков, 17). Источник поступления не зафиксирован. ПД-И/9768, 9769.

30. Неизвестный литограф. Портрет Г.Р. Державина. 1860-е годы. С рис. Р.К. Жуковского. Тип С. Тончи. Литография А.Э. Мюнстера. Лист: 43,5 x 30,8. Изображение: 22,3 x 18,3. Подписи: «Гавриил Державин // G. Derjavine // В фотогр. Деньера – Imp. Lith. A. Munster, (Editeur) Издание Лит. А. Мюнстера». (Адарюков, 18). Источник поступления не зафиксирован. ПД-И-47283.

31. П. Борель. Портрет Г.Р. Державина. По оригиналу В.Л. Боровиковского 1811 года. Литография. 8,9 x 6,7. Подписи: «Г.Р. Державин», гриф на камне Бореля: «ПБ». (Адарюков, 21). Источник поступления не зафиксирован. ПД-И-32344.

32. Неизвестный литограф. Портрет Г.Р. Державина. 1843 год. С рис. Р.К. Жуковского. Тип С.Тончи. Литография, подкрашенная белилами. 6 x 4,8. Подписи: «Derjavin». На одном листе с портретом П.А. Клейнмихеля. Чернилами разрешение цензора: «№ 1344. 18 сент. 1843». Из библиотеки Ленинградского университета в 1927 году. ПД-338/И-50561.

Литературный музей располагает двумя видами знаменитой усадьбы Державиных Званка. Это, прежде всего, акварель Евстафия Абрамова (размеры: 28,7 x 45,5; ПД-И-77). В верхнем правом углу: «19»; в левом нижнем углу подпись: «Рис. Евс. Абрамов»; под изображением: «Вид Званки, усадьбы Державина в низ по Волхову от стороны Новогорода». На обороте – стихотворное посвящение, написанное Державиным по случаю посещения Званки 22 июля 1807 года епископом Евгением (Болховитиновым):

*На память твоего, Евгений, посещения
Усадьбы маленькой изображен здесь вид.
Гораций какъ бывалъ Меценомъ в восхощенъе:
Такъ былъ обрадован тобою Мурза Пиит.*

Июля 22-го дня. Г. Державин
NB. Собственноручная подпись Державина.

Ниже четверостишие Евгения:

*Средь сих Болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш Певец Державин.*

- NB. Евгения Митрополита Киевского
собственноручный почерк и сочинение.

Акварель поступила от К.Я. Грота в 1916 году. См. илл. Им же был передан в Пушкинский дом гравированный резцом «Вид Званки» (ПД/И-10058). Под изображением: «Вид Званки усадьбы Г.Р. Державина вниз по Волхову от стороны Нова-города». В правом верхнем углу: «Къ №2 Вестн. Европы 1810».

Один из усадебных интерьеров – диванная или «диванчик» – запечатлен, по всей видимости, А.П. Кожевниковым на акварели, изображающей Д.А. Державину, а также родственников Державиных и их соседей по Званке¹⁰. Над головами изображенных проставлены цифры. Надпись чернилами в левом верхнем углу сделана, вероятнее всего, Д.А. Державиной. Она гласит: «Midi à la Campagne. // 1833. le 30 d'Aout // Zvanka¹¹. // N5». Ниже карандашом: «Диванчик в Званке // видна Спальная». На обороте листа, также пришедшего от К.Я. Грота (ПД-И-10065), перечень изображенных лиц: «1. Дарья Алексеевна Державина. 2. Любовь Антоновна Котомина (сестра М<арии> А<нтоновны> К<ожевниковой>). 3. Александра Павловна

¹⁰ Впервые опубли.: Калинин Н.Н. Некоторые черты званской жизни. С. 21. Надписи воспроизведены с купюрами и некоторыми неточностями.

¹¹ Полдень в деревне. 30 августа 1833 г. Званка.

Кожевникова¹². 4. Любовь Аникитична Ярцева¹³. 5. Марья Антоновна Кожевникова (супруга А<лександра> П<авловича> К<ожевникова>)¹⁴. 6. дочь их Екатерина¹⁵. 7. Александр Павлович Кожевников¹⁶. 8. Анна Николаевна Бутович (ныне жена Г.М. Воронкова). Медузка собачка Дарьи Алексеевны. Через зеркальную дверь вид в Спальню Дар<ьи> А<лексеевны> и Гаври<лы> Р<омановича>». См. илл..

Той же рукой сделана надпись на акварели, также созданной А.П. Кожевниковым и представляющей фрагмент кабинета Г.Р. Державина в доме на Фонтанке с письменным столом у окна и стоящих Д.А. Державину и Н.А. Ярцева (ПД/И-10066)¹⁷. Поясняющая надпись чернилами на изображении внизу слева гласит: «1835. Марта 17 – *Je suis là, comme je veug l'être*»¹⁸. Такое пояснение могло быть сделано только самой Дарьей Алексеевной. Сверху над изображением другим почерком: «Д.А. Державина, || и Николай¹⁹ Аникитич Ярцев. №4. ». Ниже карандашом: «Его вещи: Стол письмен. Чернильница. Кресла. Образа». См. илл.

Огромной мемориальной ценностью обладает рисунок кабинета Державина в доме на Фонтанке, исполненный Павлом Александровичем Кожевниковым карандашом и тушью в 1810-х годах (21,7 x 32,7; ПД-И-5883), поступивший

¹² Сестра Александра Павловича Кожевникова.

¹³ Племянница Николая Александровича Львова.

¹⁴ Кожевникова Мария Антоновна, урожд. Котомина, (? - 1887), жена Александра Павловича Кожевникова.

¹⁵ Екатерина Александровна Кожевникова (?? – 1907).

¹⁶ Кожевников Александр Павлович (1807 – 1875). О нем см.: Степанова И.Е. Кожевниковы: документы и судьбы (По страницам семейного архива) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, 2003. Новгород, 2004. С. 112 – 118.

¹⁷ Впервые опубл.: Калинин Н.Н. Некоторые черты званской жизни. С. 22. Сопроводительные надписи при публикации опущены.

¹⁸ *Я здесь такая, какой хочу быть.*

¹⁹ Правильно: Никита.

в Пушкинский Дом от К.Я. Грота в 1918 году. В интерьере две фигуры: самого Державина за письменным столом и секретаря, за маленьким столом слева от окна. Рисунок заключен в рамку, вокруг которой пояснительные надписи чернилами поверх карандаша. В верхнем левом углу: «Въ Петербурге // №7»; ниже посередине: «Кабинет Г.Р. Державина // находившийся в том же виде, до кончины Супруги Его. // Дом этот продан под Римско-Католическ. Консистирию // весь переделан равно и фасад, но Историческое полуциркульное // окно Кабинета осталось в том же виде». На левом поле: «Дом Державина был // на Фонтанке близ // Измайловского моста // рядом с Гарновским / /домом (казармы Л.Г. Изм. Полка) // Вещи проданы // с А<ук>циона. Кроме: // бюро, // чернильница // и овальное стекло // (служившее вместо / /очков) // Эти вещи отправлены в Казанский // университет, где // и находятся. // А. Кожевниковъ быв // на Аукционе успел // купить: стол за // которым писал всегда / /его Секретарь Евстафий // Михайлович Абрамов, // а нередко и сам Державин, // вдохновение не / /разбирало места. // 2 фарфоровые модели колоннъ, что // поставлены в Царском и // сделанные для Екатерины II – и вероятно // подаренные Державину. // И получил от К.М. Бороздина // в подарок с отбитой головой бюст // Державина сделанный Рашетомъ, // который и поныне у него находится, // и маленький мальтийский крест. // С этого бюста сделана // копия для памятника Державина». На обороте: «Все стены были заняты шкапами красного дерева, // в которых хранились книги и бумаги его. // Впереди стояли стулья, обитые голубым // и оранжевым сукном, равно как и диван, // сукно с его Званской фабрики. // На шкапах стояли гипсовые бюсты мудрецов, // философов и великих людей древности. // Въ левом углу кабинета, стол секретаря, где он работал». См. илл.

Наши представления о наполнении интерьера кабинета дополняет карандашный рисунок фарфоровых моделей 2-х

памятных колонн, находившихся в кабинете Державина в доме на Фонтанке (ПД-И-10064) и запечатленных на рисунке П.А. Кожевникова. Вверху посередине надпись карандашом: *«Модели 2-х колонн, находившихся|| в кабинете Г.Р. Державина. || Бисквит.||. Высота 15 вершк.»*. В верхнем правом углу чернилами: *«N 13»*. Дар К.Я. Грота. См. илл.

Иконография Дарьи Алексеевны Державиной также весьма интересна и представительна. Кроме упомянутых изображений в интерьерах, Пушкинский Дом располагает четырьмя ее оригинальными портретами, исполненными Е.П. Житневым (1842) (ПД/И-676, поступил в дар от К.Я. Грота в 1916 году) (см. илл.), Клиндером (1839) (ПД/И-5931, приобретен у Е.Б. Барсуковой в 1926 году) (см. илл.), а также повторяющими этот тип двумя портретами неизвестных художников (ПД/И-542, дар А. И. Малеина в 1916, и ПД/И-562, дар А.Ф. Аккермана в 1912) (см. илл.). В Музее-усадьбе «Поленово» экспонируется еще один портрет Д.А. Державиной этого типа (бумага, итальянский карандаш, белила. 27,2 x 21. Слева внизу подпись: *"М Воейкова 1841"*, ниже авторская надпись: *«Дарья Алексеевна Державина»*. В инвентарной книге записано: «из собрания М.А. Поленовой, всегда висел в Портретной»²⁰. Илл. 2. Композиция рисунка схожа с акварельным портретом Е. Житнева из Пушкинского Дома: Дарья Алексеевна в домашнем платье и кружевном чепце сидит в покойном, «дедушкином» кресле «с ушами». В то же время лицо изображенной на «поленовском» портрете напоминает портрет Е.П. Житнева только чепцом и, напротив, весьма похоже на три другие портрета из Литературного музея ИРЛИ. Самый ранний из этой сюиты – портрет работы Клиндера (1839), к которому, предположительно, восходит работа М.А. Поленовой 1841

²⁰ Информация, как и изображение, любезно предоставлена главным хранителем музея Е.А. Герасимовой.

года. Е.П. Житнев в 1842 году, в свою очередь, возможно, использовал композицию М.А. Поленовой. Однако лицо исполнено художником без оглядки на какой-либо другой оригинал. То, что связь между всеми пятью портретами существует, – несомненно. Нам уже приходилось писать о портрете, созданном Е.П. Житневым²¹ и отмечать, что в нем очевидно явное сходство с молодым лицом на портрете В.Л. Боровиковского 1813 года. Можно сказать, что Е.П. Житнев был, очевидно, знаком и с работой М.А. Поленовой. Однако обстоятельства создания этого замечательного портрета остаются непроясненными.

Собрание также включает литографированный Н.К. Брезе по оригиналу В.Л. Боровиковского портрет Дарьи Алексеевны (ПД-1344/И-49168, поступил из ИМЛИ в 1950 году). Портрет прилагался к I тому «Сочинений Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», изданному Академией наук в 1864 году.

Облик первой жены поэта Е.Я. Державиной в собрании Литературного музея представлен собственноручным наброском ее силуэта (погрудно, ½ вправо) (ПД/И-23588). Под портретом надпись карандашом: *«Екатерина Яковлева первая супруга Гавріила Романовича Державина»*. Силуэт является парным к силуэту Г.Р. Державина, о котором говорилось выше. Кроме него, коллекция включает литографию с портрета В.Л. Боровиковского (ПД/И-34716), исполненную Е. Фишером в Дрездене. Под изображением: *«E.Fischer»* и *«Gedr. Bei Emil Köhler in Dresden»*.

В собрании Литературного музея ИРЛИ есть несколько видов памятных мест, связанных с жизнью и государственной деятельностью Г.Р. Державина. В составе собрания Я.К. Грота Пушкинский Дом получил три карты местностей, где

²¹ Л.Г. Агамаян. О портрет Дарьи Алексеевны Державиной из собрания Литературного музея Пушкинского Дома // Г.Р. Державин и его время. Сб. научн. статей. Вып. 6. СПб., 2010. С. 87 – 96.

жил и служил Державин. Это выполненные акварелью и тушью «Карта Колонистским землям Саратовской и Самарской губерний» (35,7 х 42,5; ПД/И-10063/а), «Карта Панинского округа приволжских колоний» (36,6 х 31,5; ПД/И-10063/б), а также литографированная карта Олонецкой губернии. Уничтоженный во время войны дом в Петрозаводске, где Державин жил в бытность Олонецким губернатором, и одно из казенных строений, принадлежавших управлению пушечного завода на Английской улице, изображены на фотографии Якова Пекарского (от К.Я. Грота. ПД-И-10059) и ксилографиях, сделанных знаменитыми в конце XIX века граверами В. Зубчаниновым и М.Н. Рашевским (ПД-1344/И-799982, 799983).

Особое место в собрании занимают материалы, связанные с похоронами и захоронениями Державиных. На рисунке тушью неизвестного художника XIX века (П.А. Кожевникова?) изображено «Перевезение тела // Гавриила Романовича Державина // из имения его Званки, – в Хутынъ монастырь // по Волхову» (1816). В Правом верхнем углу чернилами: «Пристань // ныне Змейско // N9». Под изображением чернилами слева: «Июльская ночь была так тиха // что свечи горели // лодка шла бичевой // позади следовала другая лодка с провожавшими». Посередине чернилами: «Погребальное шествие по Волхову. // с телом Г. Р. Д.»; карандашом: «мимо Д<еревни>. пристани Павла А. Кожевникова въ 2 часа ночи 1816-го 13 Июля». (ПД/И-5884; от К.Я. Грота в 1918 году). См. илл.

Пристань (Змейско) изображена также на двух акварелях А.П. Кожевникова (?) (ПД/И-10068, 10069)²². Обе

²² Впервые опубл.: Калинин Н.Н. Некоторые черты званской жизни. С. 25. Надписи воспроизведены с некоторыми неточностями. Атрибуция одной из акварелей Павлу Александровичу Кожевникову, безусловно, ошибочна: в указанное на рисунке время его давно не

поступили от К.Я. Грота. Первая снабжена надписями карандашом. Вверху слева: «*Пристань 1854 Августа 5. // на Волхове. П.А. Кожевников<а>*»; справа: «*Вид Пристани (Змейска)*»; на обороте набросок идущего парохода и надпись карандашом: «*Вид Пристани и берега Села Антоньева// въ желтой блузе Федор Мих<айлович> Депрерадович*». См. илл. На второй акварели вверху чернилами «№11» и карандашом: «*Пристань имения Павла Александров<ича> Кожевникова // в нонеишем виде. 1863*». См. илл. «*Вид села Антоньева Петр<а> Петр<овича> Яхонтова*» (18,7 x 31,5; ПД/И-10067) запечатлен еще на одной акварели А.П. Кожевникова, поступившей одновременно с двумя предыдущими. В правом верхнем углу приведенная выше надпись сопровождается примечанием «*имение Антоньево куплено Яхонтовым от Хвостовой*). В левом верхнем углу приписано «*на Волхове*»²³. См. илл.

В 1916 году от К.Я. Грота поступила акварель неизвестного художника «*Погребальное шествие с телом Д.А. Державиной*» (ПД/И-208), на которой изображена плывущая по Волхову лодка с гробом. На заднем плане, за рекой, барский дом и церковь в Званке, на переднем плане слева деревья, справа – урна, лира и свиток. См. илл.

Вид могилы Г.Р. Державина внутри церкви с памятником в виде урны на высоком пьедестале запечатлен на акварели неизвестного художника. (ПД/И-5885). Поступил от К.Я. Грота в 1918 году. См. илл. В 1925 году В.М. Федоровым был исполнен и подарен музею фотоснимок могилы Державина в Преображенском соборе Хутынского монастыря (ПД/И-5425). Снимок имеет авторскую подпись «*В. Федоров*» и сопроводительную надпись: «*Могила Г.Р. Державина. Преображенский собор Хутынского монастыря (в северном приделе). В семи верстах от Новгорода*». Еще

было в живых. П.А. Кожевникову уже в 1826 году было 60 лет, скончался он в 1830-е годы.

²³ Впервые опубликованы Н.Н. Калинин. Там же. С. 25.

одна фотография могилы в Хутынском монастыре (ПД-И-26640) поступила, предположительно (источник не зафиксирован), от К.Я. Грота. Она также имеет сопроводительные, к сожалению, почти не читаемые карандашные надписи на полях.

Вид могилы Е.Я. Державиной на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, заснятой А. Лебедевым в 1934 году (ПД-2555/И-75765), пришел в музей из ИМЛИ в 1950 году.

От К.Я. Грота в Пушкинский дом поступили два рисунка, изображающие памятник на могиле родителей Державина возле церкви Богоявления в селе Егорьево в Лаишевском уезде. На первом из них (40,9 x 32,7; ПД/И-10061) представлен *«Профиль памятнику с двух сторон»* и *«План памятнику»*. Изображение заключено в рамку, сверху расположена следующая надпись: *«Сей Памятникъ воздвигнут в 1814-м году от сына к родителям, Его Превосходительством // Господином Действительным тайным Советником бывшим Министром // Юстиции и разных Орденов Кавалером Гаврилою Романовичем Державиным, Казанской Губернии Лаишевского уезда Экономическаго Села Егорьева при церкви»*. В нижней части листа рисунок решетки и приписка: *«К сему памятнику недостает ограды // из железной решетки или чугунной»*. Еще ниже – масштаб.

Другой рисунок (ПД/И-10062) сопровождают следующие пояснительные надписи. Вверху: *«Монумент Казанскаго уезда в Селе Егорьеве // над гробом Р.Г. Державина»*; внизу: *«За камень для надгробных следующие деньги // г-ну Лебедеву 100, по желанию Его, предписано отдать в Церковь»*, в правом верхнем углу *«№ 6»*.

Наконец, державинская коллекция музея включает 12 гравированных и фотографических изображений памятника Державину в Казани, исполненных Бирустом (Birouste), Л.А.

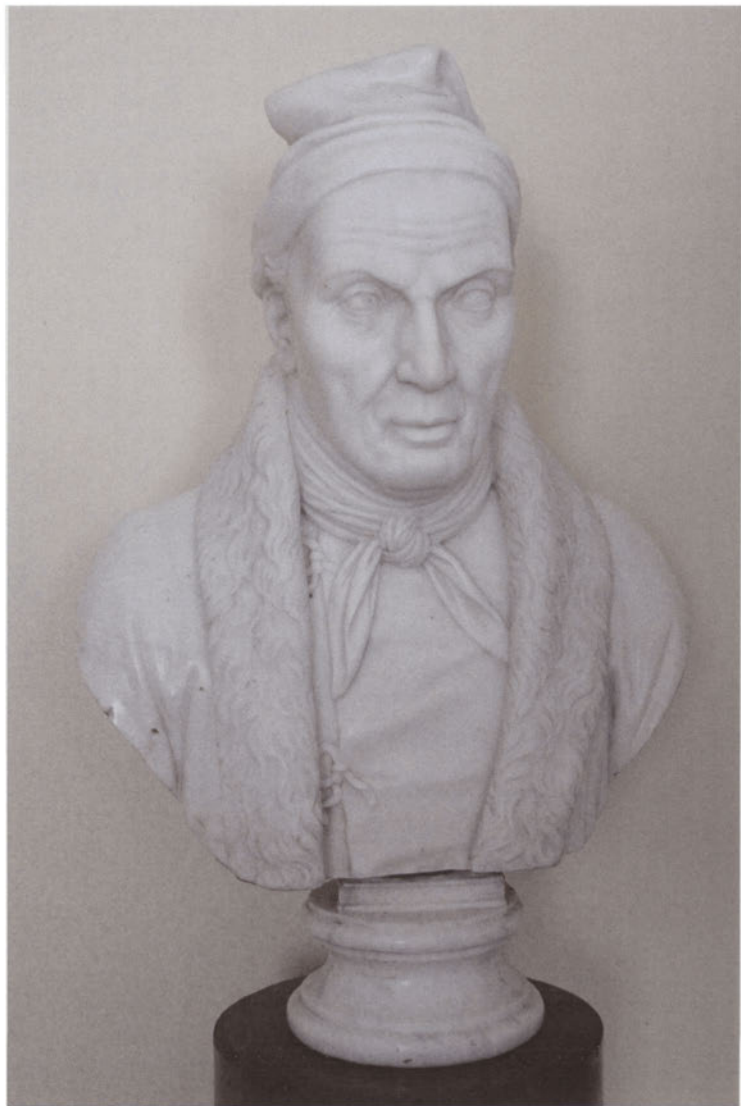
Серяковым, Н.К. Бреже, М.Н. Рашевским по рисункам П.Ф. Бореля, В.М. Васнецова, Р. К. Жуковского в 40-е – 80-е годы XIX века. В составе собрания А.Ф. Онегина в музей поступил рисунок, изображающий проект неосуществленного памятника Державину (ПД-487/И-4347). См. илл. Рисунок исполнен пером на желтой кальке. На нем изображена скала, на вершине которой сидит орел. На спине у орла мужская фигура в тоге и лавровом венке, в правой руке – стило, в левой – свиток со стихами: *«Ты был // Ты есь // Ты будешь // ввек»*. На камне под крылом орла высечено: *«Державину»*. На скале три маскарона, вероятно, представляющие три стихии: воду, воздух и огонь. Часть листа с маскаронами, символизирующим огонь (?), утрачена. Как следует из записи в инвентарной книге к рисунку на отдельном листе прилагалось рукописное «изъяснение проекта», однако в собрании музея этой рукописи нет.

Неизвестный художник.
Портрет Г.Р. Державина. 1780-е годы.
Холст, масло.

Неизвестный художник Портрет Г.Р. Державина.
Первая половина XIX века.
С оригинала А.А. Васильевского 1815 года.
Бумага, акварель.

М.И. Иванов. Портрет Г.Р. Державина. 1822 год.
По живописному портрету А.А.Васильевского 1815 года.
Бюст. Мрамор.

Е.М. Абрамов. Вид Званки, усадьбы Г.Р. Державина. 1807.
Бумага, акварель.

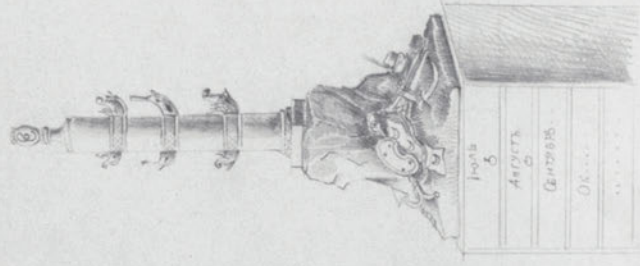
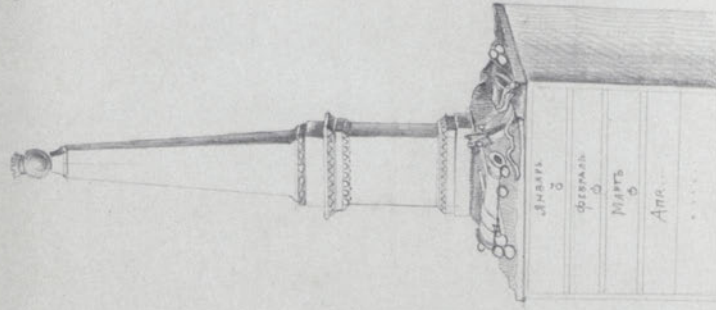
А.П. Кожевников (?). Диванчик в Званке. 1835.
Бумага, акварель.

А.П. Кожевников. Д.А. Державина и Н.А. Ярцов
в бывшем кабинете Г.Р. Державина. 1835.
Бумага, акварель.

Модель Кюммерова, найденная
в Казани на Ул. Бурбова,
| Звездный. | Дима 15. апр. -

Ms. 13.

Е.П. Житнев. Портрет Д.А. Державиной. 1842.
Бумага, акварель.

Клиндер. Портрет Д.А. Державиной. 1839.
Бумага, акварель.

М. Воейкова. Портрет Д.А. Державиной. 1841.
Бумага, итальянский карандаш, белила.

Неизвестный художник. Портрет Д.А. Державиной.
Тип Клиндера.
Бумага, акварель.

Неизвестный художник. Портрет Д.А. Державиной.
Тип Клиндера. Сепия.

3)

Приближе тма?
Получила Рамонина Оуралима
из манастира в Манастире — Амурный манастир?
по Волге в.

Получила Рамонина Оуралима
из манастира в Манастире — Амурный манастир?
по Волге в.

№ 9.

Набережная Волги, тма тма —
в 1816 году, Оуралима Рамонина —
получила Рамонина Оуралима —

Получила Рамонина Оуралима —
получила Рамонина Оуралима —

1816 г.

А.П. Кожевников (?). Погребальное шествие по Волхову с телом Г.Р. Державина. 1816.
Бумага, тушь.

А.П. Кожевников (?). Вид Пристани (Змейско). 1854.
Бумага, акварель.

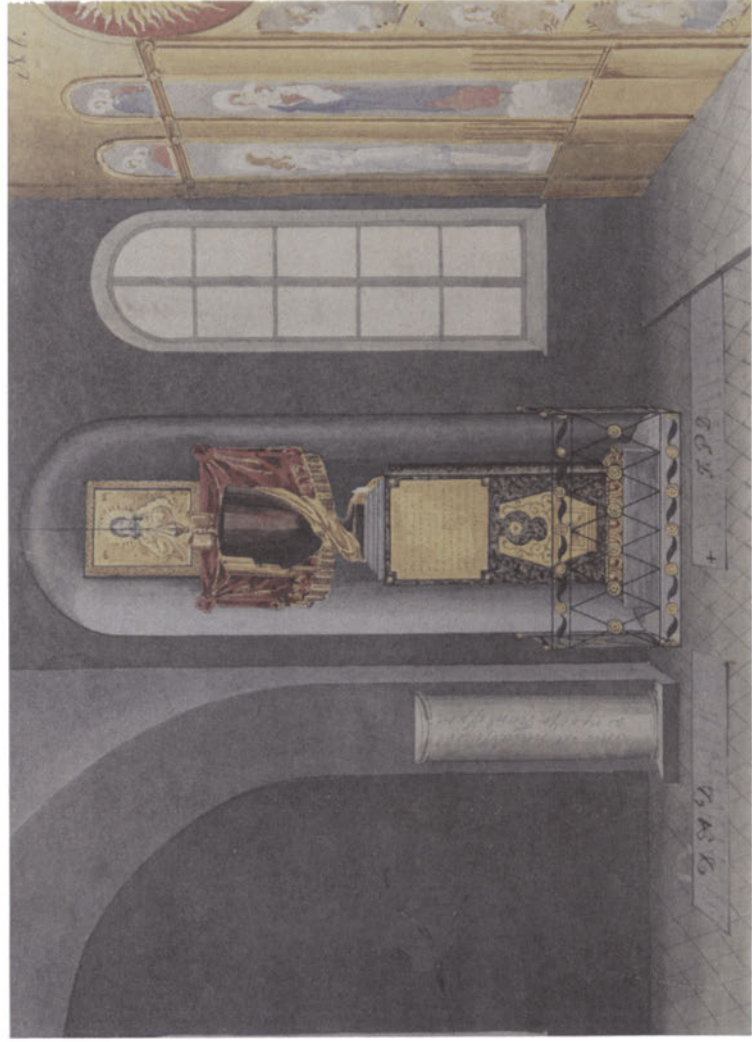
А.П. Кожевников. Пристань имени Павла Александровича Кожевникова. 1863.
Бумага, акварель.

А.П. Кожевников. Вид села Антоњево.
Бумага, акварель.

Неизвестный художник. Погребальное шествие по Волгову с телом Д.А. Державиной. 1842.
Бумага, акварель.

Вид могилы Г.Р. Державина в Преображенском соборе Хутынского монастыря.
Бумага, акварель.

Неизвестный художник.
Проект неосуществленного памятника Г.Р. Державину.
Калька, тушь.

Кресло Г.Р. Державина.

Об одной державинской реликвии из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится реликвия, которая, как выяснилось, имеет непосредственное отношение к заседаниям «Беседы любителей русского слова», проходившим в 1811 – 1816 годах в доме Г.Р. Державина на Фонтанке. Это кресло поэта, которое поступило в музей из Пушкинского Дома в 1953 году. Туда же оно было передано в 1926 году родственниками академика Я.К. Грота, к тому времени уже скончавшегося.

Каким же образом кресло попало к Я.К. Гроту? Готовя академическое издание Сочинений Державина, он вел активную переписку с родственниками, друзьями поэта и «многими посторонними лицами», располагавшими необходимыми для этой работы источниками. Одним из корреспондентов ученого стала писательница Любовь Аникитична Ярцова (1794 – 1876), родная племянница Николая Александровича Львова. Ее отец, Аникита Сергеевич Ярцов (1737 – 1819), внес большой вклад в развитие горнозаводской промышленности. После его смерти Любовь Аникитична несколько лет жила в доме Державиных на Фонтанке, а лето проводила в их новгородском имении Званка. Сохранился акварельный рисунок П.А. Кожевникова «Диванчик в Званке», где мы видим ее в числе изображенных дам¹. Брат Любви Аникитичны Николай Аникитович, посвятивший себя, как и отец, горному делу, вероятно, какое-то время был секретарем Дарьи Алексеевны Державиной. В этом качестве он изображен вместе с нею в «кабинете,

¹ См. статью Л.Г. Агамалян в наст. изд. С. 133.

бывшем ее мужа»² на акварели А.П. Кожевникова, которая была создана в 1835 году, по-видимому, к именинам вдовы поэта, отмечавшимся 19 марта.

О близких родственных отношениях говорит и то, что Дарья Алексеевна не забыла Ярцовых в своем завещании. «Титулярному советнику Николаю Никитичу Ярцову» она оставила десять тысяч рублей, а «Любови Никитичне Ярцовой в подарок пять тысяч рублей»³.

Этим же документом предписывалось дом на Фонтанке «со всем каменным и деревянным строением, со всею землею от набережной реки Фонтанки и до Троицкого проспекта и всю имеющуюся там мебель и движимое украшение, все золотые, серебряные и прочие металлические вещи, фарфоровую, фаянсовую и медную кухонную посуду, экипажи со всеми принадлежностями и лошадьми, словом, всю движимость»⁴ продать. Аукцион состоялся осенью 1842 года. Некоторые из мемориальных предметов были приобретены на нем родственниками и людьми из близкого окружения поэта. Вероятно, именно этим путем у Любови Аникитичны оказалось интересующее нас кресло. Дальнейшая его судьба отражена в ее письме Я.К. Гроту от 5 декабря 1868 года: «Милостивый государь Яков Карлович! Препровождаю Вам кресло Г.Р. Державина, на котором он всегда сидел во время знаменитых литературных бесед, в огромной зале своего дома: утешаюсь тем, что вещь эта, напоминая Вам Великого нашего поэта, напомнит иногда и меня»⁵.

Сегодня кресло представлено в основной литературно-монографической экспозиции Всероссийского музея А.С. Пушкина. Внешний облик и конструктивные детали

² Там же. С. 134.

³ Дзюбанов С.Д. Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г.Р. Державин и его время. Вып. 2. СПб., 2005. С. 207.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Архив РАН. Ф.137, оп. 3, ед. хр.1093.

позволяют датировать его концом 18-го – началом 19-го века. Кресло выполнено из красного дерева, формами спинки и сидения напоминает позднеклассические образцы европейской мебели. Спинка украшена головами сфинксов, а подлокотники головами львов.

Вспоминая заседания «Беседы любителей русского слова» в «великолепной зале прекрасного дома» Державина на Фонтанке, Ф.Ф. Вигель писал, что ее члены «вокруг столов занимали середину, там же расставлены были кресла для почетнейших гостей, а вдоль стен в три уступа хорошо устроены были седалища для прочих посетителей, по билетам впускаемых»⁶.

Благодаря сохранившейся реликвии мы знаем, каким было кресло Державина, а, возможно, и какими были кресла «почетнейших гостей».

⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. В 2-х т. Т. I. М., 1928. С. 360.

**К истории издания собраний сочинений В.А. Озерова
1816 – 1828 годов**

Почетный член «Беседы любителей русского слова» драматург В.А. Озеров (1769 – 1816) – создатель русской сентиментальной трагедии. В его творчестве переплелись классические и сентиментально-романтические начала, а достаточно условный исторический колорит – античный, «оссианический», древнерусский – органично сочетался с сентиментальной чувствительностью¹. Премьеры трагедий Озерова «Эдип в Афинах» и «Фингал», состоявшиеся в 1804 – 1805 годах в Петербурге, были восприняты как события культурной жизни столицы. Музыку для них написал О.А. Козловский, декорации создали П. Гонзаго и Д. Корсини, костюмы и «аксессуарные вещи» А.Н. Оленин и И.А. Иванов, играли лучшие актеры тех лет: Я.Е. Шушерин, Е.С. Семенова. Премьера «Дмитрия Донского» (1807), в постановке которой также участвовали П. Гонзаго, А.Н. Оленин и И.А. Иванов, главную роль играл А.С. Яковлев, переросла в событие общенационального значения². В эпоху наполеоновских войн «сквозь сюжет трагедии на любую

¹ бщую характеристику творчества В.А. Озерова см.: Максимович А.Я. Озеров // История русской литературы. Т. 5, ч. 1: литература первой половины XIX века. М.-Л., 1941. С. 156; Медведева И.Н. Владислав Озеров // В.А. Озеров. Трагедии и стихотворения. / Вступ. статья, подг. текста и примеч. И.Н. Медведевой. Л., 1960. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 65 – 72; Гордин М.А. Владислав Озеров. Л., 1991; Зорин А.М. Озеров Владислав Александрович // Русские писатели 1800 – 1817 : биографический словарь. Т.4 : М – П. М., 1999. С. 405 – 408.

² Зорин А.М. Озеров Владислав Александрович. С. 407; Серман И.З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 153 – 154.

историческую тему стало просвечиваться реальное движение современной истории»³, что в полной мере относится к пьесам Озерова. Его пьесы совпадали с общественными настроениями, приобретая особое звучание на фоне масштабных исторических событий.

Однако триумфальная слава драматурга знала и взлеты и падения. Необыкновенный успех первых трагедий, особенно «Дмитрия Донского» сменился относительной неудачей «Поликсены»⁴ и паузой 1809 – 1815 годов. В годы общественного подъема по завершении Отечественной войны 1812 года начинается новый виток популярности Озерова: в 1816 году возобновляются постановки его пьес, выходят первые собрания сочинений. Популярность драматурга способствовала интересу со стороны книгоиздателей. Тексты пьес Озерова ныне известны только специалистам-филологам, но их издания тех лет до сих пор находятся в поле зрения историков книги. Среди них имеются и признанные библиофильские издания и книги, оставшиеся в тени, хотя и представляющие несомненный интерес с точки зрения истории отечественного книгоиздательства и книжной торговли.

Безвременная кончина драматурга отбросила особый отблеск на первые собрания его сочинений, опубликованные в 1816 – 1819 годах. Весной 1816 года, когда первые тома двух из них проходили цензуру, В.А. Озеров еще был жив (скончался он осенью, в сентябре) – жив, но уже четыре года недееспособен. Фактически издания стали посмертными.

³ Серман И.З. Русский классицизм С. 151.

⁴ О причинах относительного неуспеха «Поликсены» см.: Максимович А.Я. Озеров. С. 157; Серман И.З. Царская немилость (Судьба «Поликсены») // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 12 (эл. ресурс); Тимофеев Л.В. «Приют, любовью муз согретый». СПб., 2007. С. 27 – 28.

Проявляя живой интерес к театральным постановкам своих пьес, Озеров и ранее не скрывал равнодушия к их изданию, что обеспечивало книгоиздателям полную свободу действий. В 1816 году «Сочинения В.А. Озерова» одновременно начали выходить в двух петербургских типографиях, и эта реальная конкуренция, как и стремление оперативно насытить книжный рынок произведениями популярного драматурга, наложила свой отпечаток на оба издания. Первым – 14 марта 1816 года – прошло цензуру издание Ивана Глазунова. Основатель крупнейшей книгоиздательской фирмы подготовил так называемый издательский конволют. Двухтомник включал четыре пьесы В.А. Озерова, изданные в 1816 – 1819 годах в его типографии, объединенные общим титульным листом: «Эдип в Афинах», «Фингал», «Димитрий Донской», «Поликсена». Каждая из пьес имела также свой титульный лист, свое цензурное разрешение, свою пагинацию, каждую можно было приобрести как отдельно, так и в составе «Сочинений». Эта практика достаточно типична для книгоиздательства начала XIX века, особенно для издания театральных сочинений (так были составлены многотомные «Театры Августа фон Коцебу»). Она демонстрирует издательскую гибкость, стремление полнее удовлетворить читательские запросы, но и стремление минимизировать расходы.

Первый том конволюта включал также вступительную статью П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова», которая затем будет сопровождать все издания произведений Озерова. Второй том глазуновского издания вышел в свет в 1819 году и наряду с пьесами, изданными в 1816 году, включал вышедшую в 1819 году «Поликсену», к которой примыкал небольшой раздел «Разные стихотворения». Первый том открывался портретом автора – гравюра пунктиром, без подписи; в целом полиграфическое оформление издания было скромным.

В дальнейшем, видимо, по мере распродажи экземпляров пьес 1816 года, осуществлялась допечатка издания – имеются издательские конволюты с тем же титульным листом «Сочинения В.А. Озерова» и с той же датой – 1816 год, включающие, однако, более поздние издания пьес «Эдип в Афинах» (1823), «Фингал» (1824) и «Димитрий Донской» (1824). «Поликсена», которую сам автор считал лучшей из своих пьес, видимо, расходилась медленнее, поскольку во всех экземплярах она представлена все тем же изданием 1819 года. Фактически, «Сочинения В.А. Озерова» обновлялись по крайней мере дважды, в 1823 и 1824 годах. Своеобразие избранной Глазуновым формы подачи материала привело к тому, что еще в 1915 году П.О. Потапов отмечал: «экземпляры этого издания представляют ныне библиографическую редкость и притом такую, что давно уже возникло сомнение в его существовании»⁵.

Практически одновременно (цензурное разрешение от 10 мая 1816 года) под таким же заглавием и в том же составе «Сочинения В.А. Озерова» выходят в свет в типографии Императорского театра «иждивением» Александра Пахорского. Управляющий конторой Императорских театров А.Ф. Пахорский (Похорский) стал «содержателем типографии» Императорских театров в 1813 году. Он сменил «соучастников» контракта на содержание типографии, заключенного в 1807 году А.Н. Олениным, И.А. Крыловым, А.И. Ермолаевым, а также придворным актером В.Ф. Рыкаловым, который присоединился к ним в 1809 году.⁶ Оленин, во флигеле дома которого на Фонтанке и находилась типография, не утратил интереса к ее делам, помогал Пахорскому: «Он [Пахорский] через Оленина взялся печатать

⁵ Потапов П.О. Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В.А. Озерова. Одесса, 1915. С. 9.

⁶ Бабинцев С.М. И.А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955. С. 35; Тимофеев Л.В. «Приют, любовью муз согретый». С. 32.

все новейшие произведения классической школы: Озерова, Гнедича, Крылова, и доставил им сбыт в Москве и Петербурге, так что вскоре успел нажать себе порядочное состояние. Подружась с этим человеком, я помогал ему, читая корректуры и самые афиши, а тогда это было мудреное дело»⁷.

Издание Пахорского носит следы поспешности, которая проявилась, прежде всего, в порядке издания томов. Сначала – в 1816 году выходит второй том. На его издательской обложке было помещено объявление, в котором Пахорский с гордостью сообщал, что впервые публикует «нигде еще не напечатанную» «Поликсену». Отмечу, что порядок следования пьес Озерова во всех собраниях его сочинений был един и определялся хронологией их создания и постановки («Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской», «Поликсена»). Таким образом, второй том, действительно, вышел раньше первого, «чтоб скорее доставить читателю нигде ненапечатанную трагедию «Поликсена», написанную и поставленную позже остальных пьес»⁸. При покупке второго тома оформлялась подписка на первый, который вышел в свет годом позже, в 1817 году. Предваряла издание та же статья П.А. Вяземского, «неразлучная <... > спутница сочинений Озерова»⁹. К первому тому прилагался список подписчиков, открывавшийся фамилией Н.П. Румянцева.

С другой стороны, издание отличала несомненная «типографическая щеголеватость»¹⁰. На наборном титульном

⁷ *Зотов Р.М.* Записки // Исторический Вестник 1896. Т. 96. № 7. С. 38 – 39.

⁸ Сын Отечества. 1816. № 3. С. 151; см. также: *Лисовский Н.М.* Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием книгоиздательства 1803 – 1903. СПб., 1903. С. 39.

⁹ *Потанов П.О.* Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В.А. Озерова. С. 12

¹⁰ Благонамеренный. Ч. 26. № 8. С. 135 – 140, 138.

листе книги была расположена небольшая изящная гравированная виньетка. Первый том открывался не традиционным портретом автора, а гравюрой И.А. Иванова с изображением бюста Озерова. Удачное решение, определявшееся стилистическим соответствием между стилизованным под античность изображением бюста Озерова и его трагедиями, в дальнейшем было использовано при подготовке изданий 1827 и 1828 годов.

Вопрос об авторе изображенного в собраниях сочинений Озерова бюста непрост. Согласно И.М. Шмидту, изображен бюст Озерова работы В.И. Демут-Малиновского, созданный в 1817 году. Г.А. Принцева считает, что гравюра Н.И. Уткина с изображением бюста Озерова, открывавшая сочинения Озерова, изданные И. Заикиным в 1827 году, восходит к работе Л.-М. Гишара. Французский скульптор Луи-Мари Гишар в 1802 – 1814 годах жил и работал в России; создал бюсты Александра I и членов царской семьи, Константина Павловича, Елизаветы Алексеевны, а также А.В. Суворова, А.С. Строганова¹¹. Отмечу, что дискуссия об авторстве бюста А.В. Суворова привела к выявлению двух бюстов великого полководца – работы В.И. Демут-Малиновского и Л.-М. Гишара. Нельзя исключить и существование двух бюстов Озерова¹².

Пахорский в свою очередь использовал найденные ранее решения при оформлении «Сочинений» Озерова 1816 –

¹¹ Шмидт. И. М. Василий Иванович Демут-Малиновский. М., 1960. С. 70 – 71, 132; Принцева Г.А. Николай Иванович Уткин (1780 – 1863). Л., 1983. С. 217. О Л.-М. Гишаре см.: Художники народов СССР : биобибл. словарь. Т. 3 : (Георгиев - Елгин). М., 1976. С. 45 – 46. В «Северном Вестнике» (1804. Ч. 3, № 8. С. 231) упоминаются четыре бюста работы Гишара, выставленные в Академии Художеств (Константин Павлович, А.В. Суворов, обер-камергер А.А. Нарышкин, французский актер Ла Рош).

¹² Помарнацкий А. О скульптурных портретах Суворова работы В.И. Демут-Малиновского и Л.М. Гишара // Сообщения Государственного Эрмитажа. XVII. Л., 1960. С. 24 – 28.

1817 годов. Две из трех иллюстраций к «Эдипу в Афинах» были изготовлены с досок, в 1805 году созданных для первого издания пьесы, которое также вышло в типографии Императорского театра¹³. Гравюры без подписи, достаточно грубой работы, но общая их композиция, выразительные детали, создающие «доходящий до археологических подробностей» античный колорит¹⁴, выдают руку мастера. В левом верхнем углу одной из них расположен список действующих лиц, внизу имеется подпись «Эдип в Афинах Трагедия 1804 года». Эти детали позволяют предположить, что в основу композиции была положена афиша, сделанная Олениным для премьеры пьесы, состоявшейся в 1804 году.

Отмечу, что Оленин проявлял живой интерес к подготовке театральных афиш. Р.М. Зотов, помогший Пахорскому «взять на себя издание афиш», позднее вспоминал, что в 1809 году («при Рыкалове») за печатание афиш «брали деньги с дирекции. Он [Пахорский. – И.Ф.] первый решился на спекуляцию, чтоб брать деньги с публики за разноску афиш по домам (по 10 рублей ассигнациями). Рыкалов не хотел более продолжать этой работы, в которой, впрочем, с денежной стороны его поддерживал известный государственный человек, Оленин. А потому, когда это дело поступило к Пахорскому, Оленин взялся помогать и ему, выгородив и себе частичку барыша»¹⁵. Ключевые детали и общая композиция иллюстрации к «Эдипу в Афинах», но уже с монограммой Оленина, были в 1828 году повторены в известном библиофильском издании И. Глазунова¹⁶.

В следующий раз сочинения Озерова были изданы в 1824 году в типографии Медицинского департамента

¹³ Верещагин В.А. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720 – 1870): библиогр. опыт. СПб., 1898. С. 164.

¹⁴ Зорин А.М. Озеров Владислав Александрович. С. 406.

¹⁵ Зотов Р.М. Записки. С. 38.

¹⁶ Сидоров А.А. Искусство русской книги XIX – XX веков / Книга в России. Ч. 2: девятнадцатый век. М., 1925. С. 176.

Министерства внутренних дел «иждивением И.И. Заикина». История двухтомника «Сочинения Владислава Александровича Озерова. Новое издание» раскрывает любопытные особенности книгоиздательской практики того времени. Был подготовлен очередной издательский конвюлют, который содержал те же пьесы, что и в предыдущих изданиях, но вышедшие в свет в 1823 – 1824 годах в типографии Медицинского департамента. Книгу подготовил известный журналист А.Е. Измайлов, включив в нее помимо ставшей уже классической статьи П.А. Вяземского, ряд мелких материалов: «Выписки» из сочинений Н.И. Греча об В.А. Озере, собственное «Надгробие Владиславу Александровичу Озерову».

К книге прилагалось факсимильное воспроизведение письма Озерова к И.И. Заикину от 1809 года с отказом от предложения переиздать «Димитрия Донского» и впервые издать «Поликсену». Издатели тех лет, воспринявшие письмо драматурга как своеобразную индульгенцию, дающую им полную свободу распоряжения творческим наследием Озерова, затем неоднократно воспроизводили его и в более поздних изданиях.

Сославшись как на прецедент на издание А. Пахорского, в котором «многие стихи (Озерова. – И.Ф.) исправлены весьма удачно лучшими нашими литераторами», Измайлов «осмеливается исправить некоторые очевидные ошибки в словах», т.е. вносит в тексты пьес В.А. Озерова изменения. Об этом сообщалось в открывающем книгу разделе «Предупреждение». В конце второй части были помещены «Перемены», содержавшие список отредактированных строк.

Формально Измайлов не нарушал авторскую волю; Озеров неоднократно подтверждал право, например, А.Н. Оленина, вносить усовершенствования в его пьесы: «предоставил я в вашу волю переменять, отменять и

заменять»¹⁷. В прилагавшемся к книге письме Озеров также подчеркивал, что его пьесы написаны «без всякого искания автора и стихотворца»¹⁸. Однако смелое, но недостаточно умелое вмешательство редактора («Друг ложный тот совет ему коварный дал» переправлено на «Коварный сей совет ему друг ложный дал») вызвало оживленную полемику в периодике. В «Благонамеренном» о переделках сообщалось с нескрываемым сочувствием, что и неудивительно, поскольку в лице Измайлова объединились редактор сочинений Озерова и издатель «Благонамеренного». Фактически, журнал цитировал предисловие составителя: «В сочинениях В.А. Озерова, изданных г. Пахорским, многие стихи исправлены весьма удачно лучшими нашими литераторами. В новом издании Редактор (издатель Благонамеренного) сделал также, в одних только словах, некоторые переправки и означил при конце книги как прежний текст, так и новые в оном перемены, отдавая то и другое на суд просвещенных любителей отечественной Словесности»¹⁹. Однако возобладаало мнение, что Измайлов зашел слишком далеко в стремлении улучшить авторский текст. Особенно резко возражал Ф.В. Булгарин: «Но по какому праву г. Измайлов переменял и переправил стихи Озерова в самом тексте? – Это событие, неслыханное поныне в истории словесности просвещенных народов. <...> Измайлов в своих поправках, кажется, тщательно старался набирать сочетание гласных букв, неприятное для слуха. <...> Везде где у Озерова стоит *яб был* или *я бы*, г. Измайлов поправил *бы я*. <...> Какая надежда остается для наших первоклассных поэтов, после этого примера? Издатели, книгопродавцы, без сомнения, всегда найдут усердных поправщиков»²⁰. В результате переделки Измайлова снимаются, для чего перепечатываются

¹⁷ Русский архив. 1869. Стб. 137.

¹⁸ Русский архив. 1877. Ч. 3. Стб. 279.

¹⁹ Благонамеренный. 1824. Ч.26. № 8. С. 135 – 140; 138.

²⁰ Литературные листки. 1824. № 8. С. 316 – 317.

уже набранные тома. Соответственно, имеются экземпляры, где «Предупреждение» заменено «Предисловием», в котором сообщается, что в данном издании «совершенно уничтожены предложенные перемены или перестановки слов в стихах» Озерова. Таким образом, фактически имеются два издания с одинаковыми выходными данными, отличающиеся набором. Мало того, в библиотеках Санкт-Петербурга выявлено редкое издание «Перепечатки предполагаемые к новому изданию сочинений Озерова» ([СПб., 1824]), в котором собраны все страницы, подвергшиеся изменениям.

В 1827 – 1828 годах оба книгоиздателя, и И.И. Заикин, и И.П. Глазунов, еще раз возвращаются к изданию произведений Озерова. В 1827 в Петербурге в типографии Медицинского департамента министерства внутренних дел вышел двухтомник, на титульном листе которого значилось: «Сочинения Владислава Александровича Озерова. Четвертое издание. (Издано Иваном Заикиным)». «Сочинения» включали те же четыре пьесы, каждая с самостоятельным титульным листом, но с единой пагинацией томов. Таким образом, хотя в оформлении издания прослеживаются черты ранних издательских конволютов, формально книга издательским конволютом не является. Исправления А.Е. Измайлова были сняты. В конце первого тома было расположено краткое предисловие издателя, а также комплекс материалов об Озерове, составленный Измайловым для изданий 1824 года.

К книге снова прилагалось факсимильное изображение письма Озерова Заикину: «снимок, или почерк руки Озерова, снятый с письма его, писанного им в 1809 году к нынешнему издателю его сочинений» (с. III – IV ч. 1). Издание открывал фронтиспис Н. Уткина с изображением бюста Озерова по рисунку Г. Гиппиуса²¹, на гравированном титульном листе

²¹ *Принцева Г.А.* Николай Иванович Уткин (1780 – 1863). С. 217. № 238.

первой части имелась изящная виньетка работы К. Афанасьева²². В ряде экземпляров издания 1827 года имеется издательская обложка в рамке из наборных элементов с датой «1824 год». Случаи использования тиража удачной издательской обложки для двух – трех изданий не так редки в книгоиздательской практике этого периода и свидетельствуют, что обложка воспринималась как элемент декора книги.

Годом позже, в 1828 году, «как бы для того, чтобы перешеголять конкурентов, Глазунов выпустил роскошное иллюстрированное издание в 3-х частях, дополненное и сверенное по рукописям автора»²³, с рисунками по эскизам А.Н. Оленина и переработанной П.А. Вяземским специально для этого издания статей. «Сочинения Озерова. Пятое издание, дополненное и сверенное по рукописям автора. В типографии Ивана Глазунова и его иждивением», действительно, ставили точку в необъявленном соревновании книгоиздателей. Глазунов издал «великолепную книгу, принадлежащую к числу лучших русских иллюстрированных изданий»²⁴.

«Сочинения» 1828 года также открывались гравюрой Н.И. Уткина с изображением бюста Озерова, но по рисунку А. Нотбека²⁵. На листах иллюстраций стоит монограмма Оленина, подписи И. Иванова, создавшего рисунки по эскизам Оленина, гравера М. Иванова. Кроме того, имеются две иллюстрации без подписи, «гравюра к Дмитрию

²² *Верецагин В.А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720 – 1870): библиогр. опыт. С. 164; *Лисовский Н.М.* Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием книгоиздательства 1803 – 1903. С. 38 – 40.

²³ Там же. С. 39.

²⁴ *Верецагин В.А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720 – 1870): библиогр. опыт. С. 165.

²⁵ *Принцева Г.А.* Николай Иванович Уткин (1780 – 1863). С. 217. № 239.

Донскому, гравированная И. Ческим»²⁶, и еще одна сюжетная иллюстрация к той же пьесе.

При работе над «Сочинениями» 1828 года использованы мотивы иллюстраций Оленина к более ранним изданиям. В иллюстрациях к «Эдипу в Афинах» повторена общая композиция и многие детали из отдельного издания 1805 года и «Сочинений», изданных Пахорским в 1816 – 1817 годах²⁷. А.А. Сидоров рассмотрел эволюцию иллюстраций к «Эдипу в Афинах» как яркий пример развития романтических веяний в иллюстрировании: «Нет более поучительного примера, чем переработка одной и той же композиции нами уже characterized И.А. Ивановым к двум изданиям Озерова, из которых первое – относится к ампиру периоду, другое, – 1828 года, к рубежу романтизма. В издании А. Пахорского, в 1817 году фронтиспис к «Эдипу в Афинах» гравирован, в общем говоря, чисто-линейно-графическими средствами. В поле гравюры введены надписи, перечни действующих лиц, что сразу подчеркивает чисто декорационный характер всей композиции. В 1828 году тот же фронтиспис поразительно изменен. Все главные части остались прежними: налево – три фигуры с факелами, правее – трофей, внизу маска и всяческие театральные атрибуты. Но гравюра вся живописно-контрастна. На небе – облака. Справа – стена, на которой помещенная надпись представляется скульптурной. Даже фигурная сцена на щите в первом случае представлена линейно-пластической, во втором – контрастно-силуэтной, светлой на темном. В первом фронтисписе штрих открыто виден, во втором – слит. И, конечно, второй фронтиспис более соответствует нашей идее о законченности страницы, будь то свободная гравюра или

²⁶ *Верецагин. В.А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720 – 1870): библиогр. опыт. С. 165.

²⁷ Там же; *Сидоров А.А.* Искусство русской книги XIX – XX веков / Книга в России. Ч. 2. Девятнадцатый век. С. 176.

наборный лист»²⁸. Сидоров не упоминает, что первая из описанных им иллюстраций была создана Олениным еще в 1805 году.

Для «Фингала» были использованы иллюстрации Оленина из издания типографии А. Плюшара 1808 года, которое также находилось в поле зрения исследователя, но упомянуто им только в связи с общей характеристикой Иванова-иллюстратора: «В «Фингале» Озерова – он (Иванов. – И.Ф.) определенный классик. Последняя эта его композиция, гравированная А. Ухтомским и снабженная маркою А. Оленина, трактованная в виде стилизованного рельефа, заставляет думать, что в ней Иванов был только исполнителем чужой воли, в частности, именно Оленина»²⁹.

Премьера «Фингала» состоялась 8 декабря 1805 года. Декорации Доменико Корсини, костюмы и «аксессуары» по эскизам Оленина и И. Иванова, музыка О.А. Козловского усиливали классицистический колорит пьесы и способствовали ее шумному успеху³⁰. В 1808 году в Петербурге был издан «Fingal, tragédie en trois actes, traduite du russe, en vers français, par H.J. Dalmas». Книга содержала русский текст пьесы, ее перевод на французский язык и партитуру музыки О.А. Козловского на 168 гравированных листах: «Полная музыка хоров, пантомимов, балетов, и сражений, трагедии Фингала, сочиненная г. Козловским = Partition complete des Choers, Baletes et Combats de la Tragédie de Fingal composée par m. Kozlowsky». На издательском картонном обложке книги значилось: «de L'imprimerie de p.p. Alexandre Pluchart» (в типографии А. Плюшара). А.И. Плюшар, основатель известной книгоиздательской династии, в 1808 году был назначен директором Сенатской типографии, а вскоре основал собственную.

²⁸ Там же. С. 176.

²⁹ Там же. С. 153.

³⁰ Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980. С. 45 – 52.

Открывалась книга стихотворным посвящением Озерова А.Н. Оленину и предисловием французского переводчика Оноре Жозефа Дальмаса (Dalmas, Honoré Joseph, ? – 1829). В 1806 – 1808 годах Дальмас актер французской придворной оперы в Санкт-Петербурге, позже он основал книгоиздательскую фирму «Северный трубадур», занимавшуюся выпуском нотных изданий³¹. Предлагая пьесу вниманию европейской публики, переводчик преследовал цель познакомить ее с достижениями русского искусства на примере «Фингала»: «Я решил познакомить иностранцев с прогрессом в драматическом и лирическом искусстве, которое я им представляю в виде перевода Фингала во французских стихах и партитуры музыки этой трагедии. Публикуя сие, я отдаю должное Нарышкину...»³². Предисловие содержало восторженную оценку деятельности бессменного директора Императорских театров в 1799 – 1819 годах А.Л. Нарышкина (1760 – 1826). Публикация партитуры подчеркивала самостоятельное эстетическое значение музыкального сопровождения спектакля, созданного «директором музыки» Императорских театров О.А. Козловским. «Фингал» занимает особое место в творчестве композитора. Его музыка «усиливала локальный колорит, <...> углубляла общий драматический смысл произведения в целом»³³.

«Фингал» не единственное издание пьес Озерова в переводах на европейские языки, но, безусловно,

³¹ Финдейзен Н.Ф. Боальдьё и придворная французская опера в С. Петербурге в начале XIX в. // Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. 5. С. 21, 30 ; Рыжкова Н.А. Музыкальное издательство Дальмаса «Северный трубадур» // Нотные издания в музыкальной жизни России : сб. источниковед. тр. / Рос. нац. б-ка. Вып. 2. СПб., 2003. С. 15 – 29.

³² Ozerov. Fingal, tragédie en trois actes, traduite du russe, en vers français, par Hré.Jh. Dalmas. SPb. 1808. С. V.

³³ Соколова А.М. Композитор Осип Антонович Козловский. М., 1997. С. 166, 168 – 169.

выдающееся по своему полиграфическому исполнению. Фронтиспис, сюжетные иллюстрации и гравированный титульный лист к нотам выполненные в технике акватинты с монограммой Оленина, подписаны: «рис. И. И[ванов]» «Грав. А. Ухтомский». В оформлении книги, очевидно, нашли свои отражение находки, сделанные Олениным при подготовке премьеры и претворенные в рисунки И. Ивановым. По рисунку И. Иванова были сделаны две иллюстрации – в 1808 году Ухтомским, в 1828 году М. Ивановым. И композиция и детали фронтисписа хорошо передавали настроение спектакля: «Здесь Оленин скомпоновал все атрибуты поэм Оссиана, поставив на первый план героические доспехи на фоне укрытых тенями скал, раскачиваемых ветром елей и арфы. Над ними в темных облаках – сияющий просвет, которому приданы очертания «легкой и нежной» Моины. Монограмма Оленина как бы удостоверяла академическую верность виньеты, рисованной и гравированной братьями Ивановыми»³⁴.

Современные исследователи творчества В.А. Озерова и издатели его текстов издания 1816 – 1828 годов справедливо рассматривают как ненаучные, помещенные в них тексты считают недостоверными и упоминают бегло, а зачастую и неточно³⁵. Однако в их подготовке участвовали лучшие издатели, художники, граверы своего времени. Плоды их трудов проявились как в составе, содержании изданий, подготовке текстов, так и во внешнем виде, оформлении этих удивительных книг, которые и поныне представляют интерес для книговедов, историков книги, библиофилов. Полная картина подготовки и иллюстрирования первых изданий

³⁴ Медведева И. Н. Владислав Озеров. С. 32.

³⁵ См. подробнее: Фоменко И.Ю. К истории издания первых собраний сочинений В.А. Озерова (1816 – 1824) // Наука о книге. Традиции и инновации. Материалы двенадцатой Международной конференции по проблемам книговедения. Москва, 28 – 30 апреля 2009 г. Ч. 1. М., 2009. С. 202 – 203.

сочинений Озерова проявилась в ходе подготовки третьего тома «Сводного каталога русской книги 1801 – 1825». Каталог позволил по-новому взглянуть на более поздние и более известные издания 1827 и 1828 годов, формально выходящие за его хронологические рамки.

Обращает на себя внимание активное использование достижений других видов искусства при иллюстрировании сочинений Озерова. В их полиграфическом оформлении просматриваются результаты работы скульпторов, театральных художников, декораторов и костюмеров. Театральная афиша преобразуется в аллегорический фронтиспис; общая композиция и отдельные удачные детали иллюстраций воспроизводятся неоднократно, получая каждый раз новое воплощение за счет расстановки акцентов, использования разной техники. Изображения бюста драматурга, в трех изданиях заменившие традиционный портрет, также выглядят каждый раз по-новому, в зависимости от фона, на котором расположен бюст (наличие или отсутствие драпировки, надписей), соотношения величины его изображения с пространством страницы.

Таким образом, составляется более полное и точное представление о ярком эпизоде русского книгоиздательства первой трети XIX века, благодаря которому вышли в свет книги, и поныне составляющие гордость отечественного книгопечатания.

Список иллюстраций

Изображение бюста автора из книги «Сочинения В.А. Озерова» (СПб., 1816 – 1817).

Изображение бюста автора по рисунку Г. Гиппиуса из книги «Сочинения Владислав Александровича Озерова. Четвертое издание. (Издано Иваном Заикиным)» (СПб., 1827).

Изображение бюста автора по рисунку А. Нотбека из книги «Сочинения Озерова. Пятое издание, дополненное и сверенное по рукописям автора. В типографии Ивана Глазунова и его иждивением» (СПб., 1828).

Иллюстрация к пьесе В.А. Озерова «Эдип в Афинах» (СПб., 1805).

Иллюстрация из книги «Fingal, tragédie en trois actes, traduite du russe, en vers français, par H.J. Dalmas» (СПб., 1808).

Титульный лист партитуры из книги «Fingal, tragédie en trois actes, traduite du russe, en vers français, par H.J. Dalmas» (СПб., 1808).

Иллюстрации к пьесам «Фингал» и «Эдип в Афинах» из книги «Сочинения Озерова. Пятое издание, дополненное и сверенное по рукописям автора. В типографии Ивана Глазунова и его иждивением» (СПб., 1828).

СОЧИНЕНІЯ

В. А. ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Императорскаго вѣдѣнія, 1861 года.

СОЧИНЕНІЯ

ВЛАДИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ОЗЕРОВА.

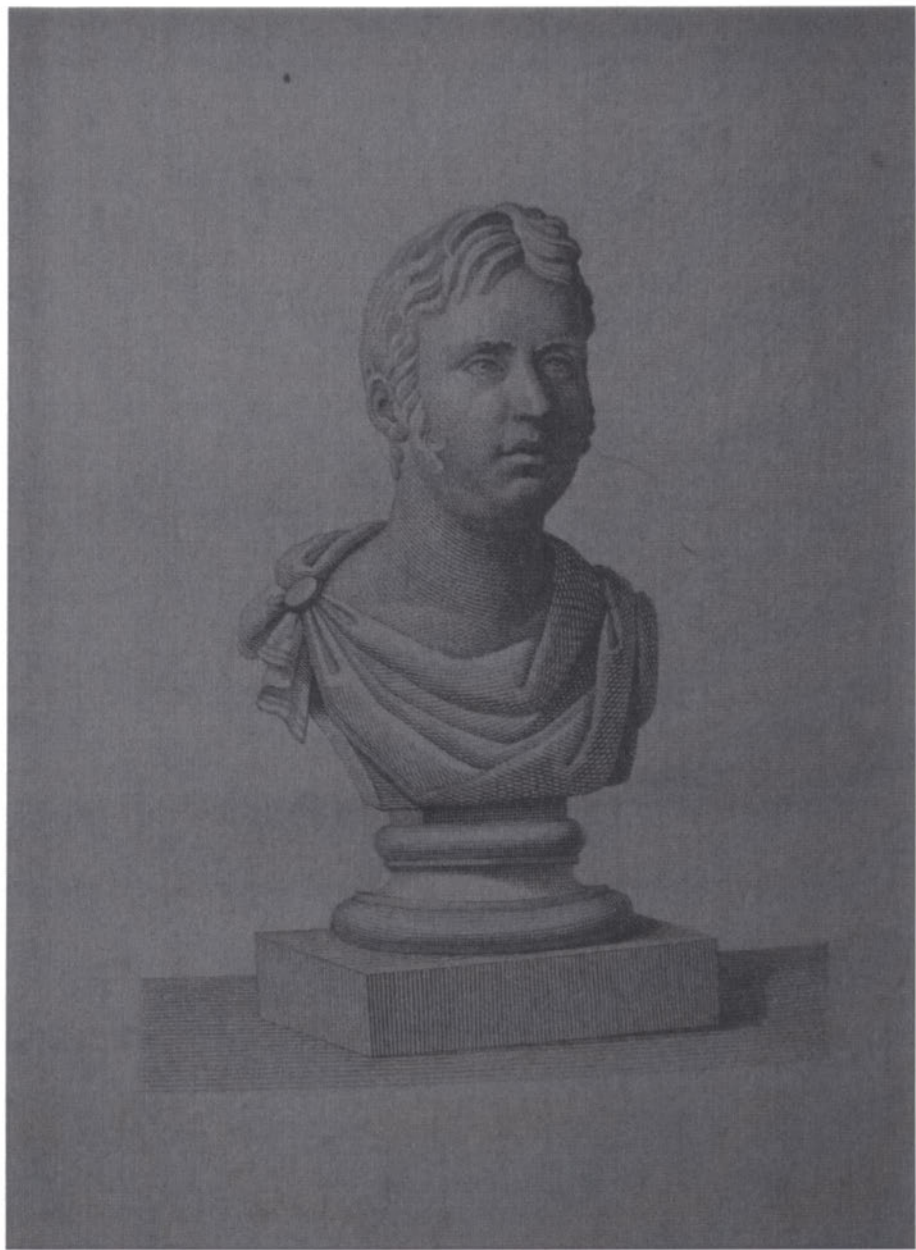
Минусинскъ. Мемуа. 1897.

САВЕТНИКОВЪ

1897.

В. А. ОЗЕРОВЪ.

ЭДИПЪ ВЪ АӨИНАХЪ

Трагедіа въ 5 дѣйствіяхъ.
въ стихахъ съ хорам.

Предоставлена в первый раз на С. Петербургском театре придворными ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ак-
терами в 23й день Ноября 1804 года.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

Печатана въ Морской Типографіи 1865 года.

FINGAL,

TRAGÉDIE EN TROIS ACTES.

TRADUITE DE SUÉDOIS, DE VERNER FALSGRÉN.

PAR H^{OC} J^E DALMAS.

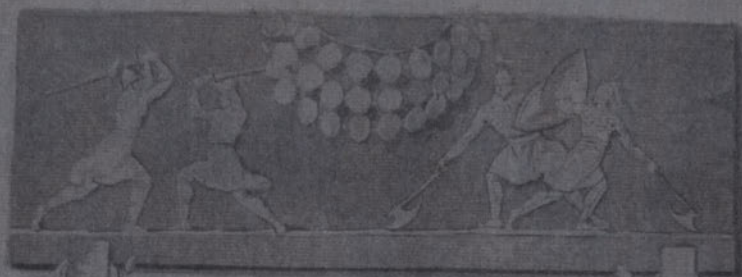
B

ST. PÉTERSBOURG,

AU MAGASIN DE MUSQUES ET DE PIÈCES DE THÉÂTRE.
Rue de Saint-Jacques, N° 10.

1816.

Полная Мерзетина
 Хоровъ, Пantomимическ., Трагическ.,
 и Сраженій, Трагедій, Фундаментъ,
 Сопутенная Т. Ноздоловненько.

Partition Complete
 des Chœurs, Ballets et Combats
 de la Tragedie de Fingal,
 composee par M. Nozlovsky.

С. М. Гипер
 1808.

J. P. Pichon
 1808.

R

Русская переписка графа де Шуазель-Гуффье

Граф де Шуазель-Гуффье в конце XVIII столетия был заметной персоной в Петербурге¹. Мы встречаем его имя и в переписке Державина. 7 июля 1797 года, сообщая В.В. Капнисту о столичных новостях, Г.Р. Державин пишет: «Шуазель пожалован в президенты Академии художеств»².

Яков Карлович Грот поясняет: «Шуазель - Гуффье (Choiseul-Gouffier) род. 1752, ум. 1817, был французским посланником в Константинополе до революции, после которой переехал в Россию и оставался там до 1802 г.; знаток древностей, член франц. академии и автор ученых сочинений»³.

Стоит добавить несколько слов к этой краткой справке.

Мари-Габриель-Флорент-Огюст, граф де Шуазель-Гуффье не случайно был «пожалован» в президенты Академии художеств. Аристократ, близкий ко двору Марии-Антуанетты, был хорошо известен в европейских просвещенных кругах благодаря своему труду «Живописное путешествие в Грецию»⁴. Издание в 1782 году первого тома этой богато иллюстрированной книги стало большим

¹ Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire des Français, Suisse, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier, sous la direction de Anne Mezin & Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. P. 180 – 182.

² Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. VI. С. 71.

³ Там же.

⁴ Choiseul-Gouffier, M.-G.-F.-O. de. Voyage pittoresque de la Grece. T. I – II. Paris, 1782 – 1809.

событием⁵. Вскоре Шуазель получил назначение на пост посланника в Османской империи. В Константинополе он окружил себя учеными и художниками, завел свою типографию и обсерваторию, пополнял свои коллекции антиков. В 1792 году он был отозван со своего поста и обвинен новыми властями в измене Франции, его имущество было подвергнуто секвестру. Как и многие его соотечественники, он нашел убежище в России, где жил с 1793 по 1802 год. За этот краткий период, менее 10 лет, он застал правление трех монархов. Шуазель, один из первых видных эмигрантов, был хорошо принят в Петербурге, Екатерина II пожаловала ему пенсию в 2000 рублей, затем к нему потеряли интерес. Вновь он возвысился при Павле I. В течение трех лет, с 1797 по 1800, он занимал должности президента Императорской Академии художеств⁶ и директора Императорских библиотек. Интересы Шуазеля вполне соответствовали этим должностям, а его знания были полезны этим русским учреждениям.

Волею судеб, Шуазель стал первым директором Императорской Публичной библиотеки. Его роль в создании будущей РНБ недавно была обстоятельно рассмотрена в серии статей Людмилы Борисовны Вольфцун⁷.

⁵ *Barbier Frédéric Le rêve grec de monsieur de Choiseul: les voyages d'un Européen des Lumières.* Paris, 2010.

⁶ О деятельности графа Шуазель – Гуффье в Академии художеств см.: *Кириченко Е. И. Президенты Императорской Академии художеств.* М., 2008. С. 103 – 110; *Коротков С. Н. И. И. Шувалов и граф Шуазель – Гуффье // Иван Иванович Шувалов (1727 – 1797): Просвещенная личность в российской истории. К 275-летию Академии наук (Философский вк. Альманах. вып. 8).* СПб., 1998. С. 74 – 90.

⁷ См. напр.: *Вольфцун Л.Б. Граф Шуазель-Гуффье, первый директор Императорской Публичной библиотеки // Век Просвещения: Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / Отв. ред. С. Я. Карп. М., 2006. С. 127 – 140; Она же 1797 – 1800 Мари-Габриель-Флоран-Огюст де Шуазель-Гуффье // Российская национальная библиотека: История библиотеки в биографиях ее директоров 1795 – 2005.* СПб., 2006. С. 11 – 29. *Она же. Шуазель-*

Однако вскоре Шуазель впал в немилость, был отправлен в отставку и выслан из Петербурга в ранее пожалованные ему земли, находящиеся в Литве. В 1802 году он вернулся во Францию, где благодаря поддержке Александра I был восстановлен в правах. Однако и тогда Шуазель не порывал связей с Россией. У него оставались здесь земельные владения, имущество, деньги, интересы коллекционера и многочисленные знакомства среди русской аристократии, французских эмигрантов и других иностранцев. С Российской империи его соединяли и родственные узы: здесь долго жил его старший сын Антуан-Луи-Октав, здесь остались его потомки. Среди них был великий русский философ Николай Александрович Бердяев.

История пребывания графа де Шуазель-Гуффье в России, его русских контактов еще не изучена в достаточной мере, и в какой-то степени этот пробел помогает восполнить его переписка. Говоря о русской переписке, я имею в виду письма, написанные и полученные Шуазелем в России, отправленные ему из России, письма, посвященные русским делам. Судя по всему, эта переписка была обширна, хотя и прерывалась во время ухудшения политических отношений между двумя странами, в годы военного противостояния.

Я остановлюсь на двух известных мне комплексах документов: во- первых, это письма Шуазеля к шевалье д'Огару (d'Augard), французскому эмигранту, его помощнику по библиотеке, известному католическому миссионеру⁸,

Гуффье // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795 – 1917. Спб., 1995. С. 592 – 595.

⁸ Jean-Joseph Dominique de Bassinet, chevalier d'Augard (1739 / 1740 – 1808). См.: Вольфцун Л. Б. Французский иезуит шевалье д'Огар и начало Императорской публичной библиотеки. // Санкт-Петербург — Франция наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 101 – 116; Les Français en Russie au siècle des Lumières : Dictionnaire des Français, Suisse, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul

хранящиеся в ОР РНБ, в фонде шевалье д'Огара⁹ и, во-вторых, переписка, находящаяся в фонде самого Шуазеля в Национальном архиве Франции¹⁰.

Письма к д'Огару (примерно два десятка) не подписаны, не датированы. Поэтому они были ошибочно атрибутированы в РНБ как письма А.С. Строганова, что не удивительно, так как граф Строганов был преемником Шуазеля на постах президента Академии художеств и директора Императорской библиотеки. Однако, и содержание документов, и почерк свидетельствуют, что перед нами письма именно Шуазеля.

Иногда это пространные письма, иногда краткие записки, отправленные в спешке – распоряжения по библиотеке, договоренности о месте и времени встречи, приглашения на обед, сообщения о карете, которую Шуазель неизменно предоставлял своему помощнику. В основном все письма выдержаны в приятельском, доверительном тоне. Обычное обращение: «mon cher chevalier».

Например, «Найдите мне, пожалуйста, что-нибудь почитать, либо я сам приду и залезу во французские книги, которые нужно, наконец, открыть»¹¹.

После одной из побед русского оружия:

«Вы знаете, без сомнения, о новых чудесах, совершенных Святым Суворовым, которого я прошу Вас признать первым среди всех святых Рая. Вот Герой, рука

Ier, sous la direction de Anne Mezin & Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. P. 49 – 50.

⁹ ОР РНБ. Ф. 537. № 23. Л. 1-2. Об этом фонде см.: Somov V. A. Piotr Doubrovski et la communauté d'émigrés français de Saint-Pétersbourg (1797-1812) // La France et les français en Russie : Nouvelles sources, nouvelles approches (1815-1917). Études réunies par Annie Charon, Bruno Delmas et Armelle Le Goff. Paris, 2011. P. 285 – 296.

¹⁰ Archives Nationales de France (далее AN) T. 153. Papiers de Marie Gabriel Florent Auguste comte de Choiseul-Gouffier.

¹¹ ОР РНБ Ф. 537. № 23. Л. 1.

господня, <...> не хотите ли придти выпить с нами за здоровье императора и его генерала»¹².

В письмах упоминаются придворные, высшие должностные лица, генерал-прокурор князь Алексей Борисович Куракин, президент Академии наук барон Николай, Федор Васильевич Ростопчин, статс-секретарь Дмитрий Николаевич Неплюев, и те, кто непосредственно отвечал за библиотеку: камергер Лев Александрович Нарышкин, обер-секретарь Михаил Иванович Данауров, сотрудники библиотеки Карл Юлий Шуберт, Максим Афанасьевич Семигиновский, Михаил Иванович Антоновский, французские эмигранты.

Библиотека, директором которой назначили Шуазеля, была основана двумя годами раньше, в 1795 году, после того, как в Петербург была привезена в качестве военного трофея библиотека Залусских или, как ее тогда называли, «Варшавская» библиотека. Книги, находившееся в ведение Кабинета его императорского величества, были сложены в одном из павильонов Аничкова дворца. Их нужно было просушить, пересчитать, распределить по отраслям знаний. Всей этой работой занимался небольшой штат, десяток человек, среди которых были и французские эмигранты. Само существование библиотеки еще ставилось под сомнение, некоторые книги передавали в другие учреждения, например, в Медицинскую академию, а один из проектов императора состоял в том, чтобы передать все книги в Академию наук.

Шуазель, насколько это было возможно для иностранца, находящегося в положении эмигранта, боролся за сохранение нового учреждения, пытался получить достойное помещение для него. О своих действиях он регулярно сообщает д'Огару, пишет о том, что Нарышкин, осмотрев книги вместе с архитекторами, кажется, хочет начать работы только весной, но и это уже много; о том, что Данауров не хочет отвечать на

¹² Там же. Л. 5.

письмо Шуазеля, нужно все время настаивать¹³. Договорившись с Нарышкиным о том, чтобы сохранить («старое») здание, и перенести туда книги, советует д'Огару воспользоваться своими связями, «если г-н Ростопчин мог бы замолвить слово Нарышкину, дело было бы сделано»¹⁴. Он считает: «Основное для спасения библиотеки, это добиться нового здания»¹⁵.

Известен конфликт Шуазеля с Михаилом Ивановичем Антоновским, обвинившим его в небрежении делами библиотеки и даже в потворстве краже книг¹⁶. Антоновский был временно отстранен от дел, затем добился восстановления. Шуазель пишет д'Огару: «Я не считаю должным, мой дорогой шевадьё, оставить Антоновскому малейший предлог сказать, что я мешаю или устраниюсь от исполнения приказов генерал – прокурора, <...>. Я предложу ему заняться либо книгами по теологии, либо рукописями. <...> Что это за жизнь в постоянной войне. Я предпочту этому все что угодно»¹⁷.

В другом письме идет речь о возможной передаче павильона в Аничковом дворце, где хранились книги, в ведение Дирекции императорских театров: приглашая д'Огара к обеду, поговорить о делах и «наших 200 тысячах книг», сообщает, что хотят «отдать наш зал танцорам, которые там будут репетировать». С досадой пишет: «Мое мнение: дать Вам тысячу рублей пенсии и послать всю библиотеку к дьяволу или в Академию наук, что почти одно и то же»¹⁸.

¹³ Там же. Л. 4, 6.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 13.

¹⁶ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека 1795 – 1917. Спб., 1995. С. 54 – 58.

¹⁷ ОР РНБ Ф. 537. № 23. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 9.

Регулярно посещая императорский двор (Гатчину, Эрмитаж), Шуазель пользуется своими связями, чтобы изыскать милостей для своих соотечественников, в том числе для д'Огара. Он добивается для него чина статского советника. Рассказывая о плане своих действий, пишет, что сам составит доклад по этому поводу, д'Огар поправит его, Ростопчин перешлет его Неплюеву со своей рекомендацией. Тогда сам Шуазель поговорит «со своим другом Неплюевым»¹⁹. Рассказывает о трудностях, стоящих на пути этой сложной интриги, о недоброжелателях д'Огара: «Данауров не может Вам простить двух грозных писем, написанных, чтобы получить дрова в то время, когда их не дают никакому департаменту»²⁰.

Благодаря ежедневному общению двух руководителей библиотеки в архив шевалье д'Огара попали некоторые материалы самого Шуазеля. В письмах третьих лиц к д'Огару, имя Шуазеля также упоминается довольно часто. Г-жа Брейткопф, видимо, родственница издателя, интересуется рисунком канвы для ткани, выполненным самим Шуазелем²¹. Петр Петрович Чекалевский возвращает Огару через Шуазеля книги, взятые в библиотеке²². Барон Николаи, узнав новость о назначении Шуазеля в Академию художеств, выражает свою радость именно через д'Огара²³. В письмах французов содержатся сведения о жизни эмиграции, идет речь о сборе пожертвований в пользу беженцев, о поисках для них должностей в России. И в этих делах д'Огар был посредником между собратями по несчастью и Шуазелем.

Тема помощи эмигрантам прослеживается и в письмах из личного фонда самого Шуазеля, хранящихся в Национальном архиве Франции. Так, в 1798 году Ж.-Ф.

¹⁹ Там же. Л. 6, 8 об.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ РНБ. Ф. 537. № 23. № 32.

²² РНБ. Ф. 537. № 25.

²³ РНБ. Ф. 537. № 18.

Мармонтель рекомендует молодого человека Лабори (Laborie) в качестве литературного корреспондента для Павла I²⁴.

Но в основном материалы Национального архива относятся ко времени после возвращения Шуазеля во Францию в 1802 году. Эта часть переписки свидетельствуют о прочных и многообразных связях бывшего эмигранта с Россией.

Он знает новости из жизни двора. После пожара в Павловске, резиденции Марии Федоровны, Шуазель, который ранее на посту президента Академии художеств участвовал в украшении царских резиденций, предлагает предметы убранства и редкие растения для парка. С другой стороны, он сам продолжает пополнять свои коллекции в России. Его агент Бовар д'Акментье (Bovard d'Acmentier) в августе 1802 пишет: «Я все время нахожусь в поисках бюстов»²⁵. Иезуит аббат Николь (Nicolle), известный педагог, занимается коллекцией фарфора. Сотрудник библиотеки Пьер де Торси (de Torsy) обеспечивает по поручению Чекалевского доставку малахита.

Шуазеля, по старой памяти, просят о покровительстве. В 1803 году из Вильны, т. е. мест, где располагались его земли, пишет бывший офицер артиллерии шевалье де ла Жюмельер (de la Jumellière). Он пытается получить кафедру латинской и французской литературы в Виленском университете и просит ходатайствовать перед князем Адамом Чарторыйским, куратором университета, и П.В. Завадовским, министром народного просвещения²⁶. Некий Горн (Horn) занимается устройством книжного дела при Виленском

²⁴ AN T 153 (159 – 160). Письмо от 6.01.1798 года.

²⁵ AN T 153 (159 – 160). Письмо от 6 августа 1802 года.

²⁶ AN T 153 (159-160) Письмо от 27/15 сентября 1803 года.

университете²⁷. Он просит поддержать его обращение о сотрудничестве к парижскому издателю Шарлю Пужану.

Делами Шуазеля в Петербурге в то время непосредственно занимались два человека: Ипполит де Руминьи (de Rumigny) и негоциант Жан Граби (Grabit)²⁸. По прибытии в Петербург Руминьи распространяет второй том знаменитого «Живописного путешествия», вышедший в 1809 году. Он сообщает, что граф Кочубей и княгиня Долгорукая уже получили от него новое сочинение. Для Хвостовой он даже сам привез книгу из Парижа. Руминьи обнадеживает Шуазеля: «Ваша книга здесь хорошо известна, благодаря выдержкам из французских газет, особенно благодаря тому, что некоторые персоны говорили о ней с похвалой». Но она стоит очень дорого, поэтому некоторые обратились прямо к парижским книгопродавцам²⁹. Он советует также послать экземпляр графу Строганову. Сообщает, что Строганов уже много раз писал Шуазелю, чтобы просить его портрет, предназначенный для украшения одного из залов академии. Из письма Руминьи известно, что и сам Шуазель имел намерения поддерживать со Строгановым своего рода литературную корреспонденцию, но не получая писем из России во время военных действий, вынужден был отказаться от этого.

Среди русских корреспондентов Шуазеля в это время были посланник в Вене Андрей Кириллович Разумовский, князя Куракины, Карл Васильевич Нессельроде, Михаил Никитич Муравьев, Александр Сергеевич Строганов, Петр

²⁷ AN T 153 (159-160) Письмо от 24 октября / 5 ноября 1803 года.

²⁸ Возможно, Jean – Gabriel – Maximillien Grabit, петербургский купец. См.: *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisse, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier*, sous la direction de Anne Mezin & Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. P. 388.

²⁹ AN T 153 (159-160) Письмо от 8 мая 1810 года.

Петрович Чекалевский. Из других писем известно, что Шуазель поддерживал переписку с Александрой Петровной Хвостовой (Руминьи пересылает в Париж ее письмо).

Несколько писем касаются выпускника Академии художеств гравера Николая Ивановича Уткина, отправленного для продолжения учебы в Париж. М.Н. Муравьев в 1803 году просит оказать протекцию «молодому русскому, г-ну Уткину, подателю моего письма, который связан со мной во многих отношениях»³⁰.

Сам президент Академии художеств граф Строганов отправляет в марте 1808 почтительное письмо своему предшественнику. Он сетует, что «в течение долгого времени, переписка с Францией была затруднена» и, в конце концов, абсолютно прервана, надеется впредь ее продолжать. Благодарит Шуазеля за «учтивые предложения» во благо Академии. Признателен за готовность оказать покровительство «молодым русским художникам, приезжающим во Францию». Снова рекомендует Уткина, которому было разрешено задержаться в Париже. Снова просит выслать в Академию портрет³¹.

Тогда же Строганов поручает Чекалевскому подробно рассказать о состоянии Академии художеств, что тот и делает в своем письме³².

Во многих письмах обсуждаются имущественные, финансовые дела.

Именно в одном из таких документов, в прошении Шуазеля французскому посланнику графу А.-О.-Л де Коленкуру (de Caulaincourt), относящемуся к 1807 году, мы встречаем имя Державина.

³⁰ AN T. 153 (159 – 160). Письмо от 1 ноября 1803 года. Н.И. Уткин был незаконнорожденным сыном М.Н. Муравьева.

³¹ AN T 153 (159 – 160) Письмо от марта 1808 года. (Число не указано).

³² AN T 153 (159 – 160) Письмо от 10 (22) марта 1808 года.

Шуазель подает жалобу на некоего «Лотынина» («Lautinin»), русского дипломатического чиновника, которого он знал с 1793 года, когда тот сопровождал его в Петербург. Вероятно, речь идет о Николае Денисьевиче Латынине, служившем в Коллегии иностранных дел в качестве одного из секретарей³³. Латынин хорошо зарекомендовал себя во время совместного путешествия, после чего Шуазель доверил ему ведение своих дел в Петербурге. Однако тот злоупотребил доверием. Он «смог осуществить взыскание долгов» – пишет Шуазель: не доводя до моего сведения жалобы должников, людей с положением, которым я ни в чем не хотел отказать». Деньги эти Латынин будто бы пытался присвоить себе в качестве оплаты за труды. Одним из этих должников был князь Гагарин, по словам Шуазеля, очень достойный человек, дела которого были в беспорядке и который находился под опекой. Далее в прошении излагается сложная финансовая ситуация, в результате которой Шуазель, по уверениям Латынина, должен был вернуть значительную сумму, 20.000 рублей, князю Гагарину или, «скорее, г-ну сенатору Державину, его опекуну, который пользовался тогда на самом деле большим доверием и имел славу ненавистника иностранцев» («plutôt à Mr le sénateur Derjavin son tuteur lequel jouissait alors en effet d'un grand crédit, et passoit pour détester les étrangers»)³⁴.

Что касается первой части этой фразы, объяснить ее достаточно просто, известно, что Державин был опекуном Павла Гавриловича Гагарина (1777 – 1850), женатого на Анне Петровне Лопухиной (1777 – 1805).

С другой стороны, отзыв о Державине как «ненавистнике иностранцев» требует отдельного комментария, ограничимся сейчас предположением, что поэт

³³ См., напр.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1793. СПб., [1793]. С. 36.

³⁴ AN T 153 (159 – 160). Не ранее 20 ноября 1807 года.

мог иметь подобную репутацию в глазах француза, видимо, благодаря близости к А.С. Шишкову.

Русская переписка графа де Шуазель-Гуффье, свидетельствуя о его прочных и длительных связях со страной давшей ему приют в изгнании, позволяет, прежде всего, определить круг общения видного ученого в России, она содержит новые факты из истории французской эмиграции, и, что не менее важно, сведения из истории русской культуры.

Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века¹

Содержательная сторона столь частых в последнее время высказываний аналитиков относительно языковой ситуации на русском культурном пространстве, эмоциональный накал этих дискуссий, востребованность экспертов-лингвистов обществом приводят к мысли о том, что языковой вопрос является одним из самых злободневных вопросов современности. Характер споров относительно того, какое слово «правильнее» или «лучше» употребить – *представление* или *презентация*; *ассамблея*, *конгресс*, *фестиваль*, *форум* или *съезд*, *собор*, *собрание*; *консенсус* или *соглашение* и т. п., – позволяет рассматривать проблему выбора не только в плоскости языковой компетенции говорящего.

В контексте непрекращающихся дискуссий о дальнейшей судьбе русского языка вполне уместным будет провести историческую аналогию и вспомнить об истоках идеологической и эстетической парадигмы, задавшей вектор развития русской культуры на протяжении всего XIX века, к которому все чаще обращаются наши взоры в связи с поисками национальной идеи, и проявившейся частично в XX веке. Роль «Беседы любителей русского слова», юбилей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а.

которой отмечается в мартовские дни 2011 года, в данном процессе трудно переоценить.

Известный историк русской литературы Александр Николаевич Пыпин, живший в XIX веке, рассуждая о роли языка и литературы в жизни общества, писал: «Литературный язык есть верное отражение умственного и поэтического содержания общества в данную эпоху, отражение тех путей, которыми это содержание развивалось, и отношений, в каких оно находилось к народной старине и настоящему»². Создание «Беседы», активная деятельность этого общества пришлось на десятилетие, предшествовавшее началу пушкинского периода в истории русского литературного языка, с которого начинается постепенная его нормализация. Можно сказать, что «беседчики», как их называли современники, своими публицистическими выступлениями и литературно-критической деятельностью обострили и ускорили решение вопроса о путях развития литературного языка.

Сложившуюся к тому моменту ситуацию можно охарактеризовать следующими чертами: с одной стороны, еще сохраняла свою актуальность ломоносовская теория трех стилей, с другой – продолжалась начавшаяся в Петровскую эпоху иноязычная экспансия, с третьей стороны – нарастал процесс дальнейшей демократизации языка (но уже не с позиций критерия «вкуса», а с позиций «народности» и «историзма»). С особенной силой эти тенденции проявлялись на лексическом уровне, что обусловлено в первую очередь экстралингвистическими причинами.

² Пыпин А.Н. XVIII век. Наука и народность: язык народный и литературный // История русской этнографии: В 4 т. СПб., 1890 – 1892. Цит. по изд.: Толстой Н. Взгляды А.Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики) // Russian Philology and History /In Honor of Professor Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 161.

Наиболее остро встала проблема заимствований: к лингвистическим причинам следует отнести развитие лексико-семантической системы языка (количество заимствований неизбежно должно было перерасти в качество, то есть они должны были занять свое место в системе русского языка или быть отброшенными за ненадобностью), к экстралингвистическим — рост патриотических настроений как следствие Французской революции и последовавших за ней событий в российской жизни.

Замечено, что в условиях инокультурной экспансии, или, как это происходит в наши дни, глобализации мира (экономической, идеологической, культурной), проблема национальной самоидентичности является одной из самых насущных. В различные исторические периоды попытки решения данной проблемы были связаны, в частности, с определением отношения к иностранным заимствованиям и носили либо эмоциональный, «креативно-провокационный», либо «охранительный» характер³. Отношение членов «Беседы любителей русского слова», в особенности ее главного идеолога Александра Семеновича Шишкова, к заимствованиям известно, в целом его можно охарактеризовать как пуристическое. В этом он и его соратники не были одиноки: можно упомянуть концепцию П.Ф. Калайдовича, отраженную в Предисловии к «Словарю синонимов», состоящую в том, что употребление иностранных слов — всего лишь дань моде, и на этом основании не включавшего иноязычные эквиваленты в свой словарь⁴.

В попытках Шишкова и его сторонников заменить почти любое иностранное слово на русское, в обращении к церковнославянской книжной стихии исследователи видят

³ Елистратов В.С. Язык как зеркало эпохи // Дружба народов. № 9. 2009. С. 179 – 180.

⁴ Калайдович П.Ф. Опыт словаря русских синонимов. Ч. I. М., 1818.

проявление «романтического взгляда на язык как на культурно-исторический организм», представления о языке как воплощении духа народа⁵. Тезис А.С. Шишкова: «Вера, воспитание и язык суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию»⁶, сформулированный им в известном очерке 1812 года, его рассуждения о языке «как коллективной памяти народа, отпечатавшейся в историческом прошлом языка» и «пагубности разрыва с этим прошлым для национального самосознания» шли в русле разрабатывавшихся примерно в это же время идей В. Гумбольдта, были связаны с формировавшимся у лингвистов интересом к «внутренней форме слова» и, по сути, предвосхищали современные лингвистические концепции, посвященные изучению «языковой картины мира». В области гуманитарных наук зарождалось антропологическое направление, также обусловленное поворотом в сторону личности, ее самооценности – субъективное начало четко обозначилось в словопроизводстве и словоупотреблении.

Занимаясь составлением «Словаря русского языка XIX века», толкового исторического словаря принципиально нового типа – дифференциального, мы имеем возможность собрать и обобщить факты, позволяющие объективно представить динамику лексико-семантической системы литературного языка, характер и направление его развития. В настоящей статье представлены лишь некоторые результаты анализа лексической динамики в подтверждение тех тенденций, которые были заданы «Беседой» в первые десятилетия XIX века.

⁵ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 30.

⁶ Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству // Чтения в Беседе любителей русского слова. Кн. 5. СПб., 1812. С. 54 и др.

I. Продуктивность определенных словообразовательных моделей.

Нарастание в сравнении с XVIII веком конфиксальных образований с префиксом *без-/бес-*, в ряду которых наблюдается большое число имен прилагательных и связанных с ними абстрактных имен качества, свойства: *бескачественный*, *бесклассный*, *бесколичественный*, *бескрайный* (*бескрайность*), *бескolorитный*, *бескрасочный*, *бесталантный* – *бесталантливый*, *беспаспортный* (*беспаспортность*), *бесперспективный*, *бесплатный* (*бесплатность*), *бессвязный*, *бессодержательный*, *бессознательный*, *бесцельный*, — можно интерпретировать как отражение в сознании общества тех изменений, которые характеризовали XIX век (настроения критицизма, отрицания). Оно также было связано с дальнейшей эволюцией научного типа мышления: систематизация накопленных фактов продвигалась от создания номенклатуры к сложению стройной структурированной системы в различных областях знаний. Формирование «метафизических» терминов касалось разных сфер жизни: научной, социальной, духовной. На базе отдельных лексем формировалась новая образность: *бескрылый кузечник* → *бескрылый слог*.

Среди неологизмов данной группы интерес представляет лексика, которую можно охарактеризовать как термины, обозначающие понятия этической сферы. Выделяется несколько подгрупп: 1) семантическое ядро образуют традиционные для русской христианской культуры слова/понятия «совесть» и «стыд» (*бессовестность*, *бессовестница*, *бестыжество*, *бесстыжество*, *бесстыжий*); 2) слова, образованные на базе заимствований, привнесших в русскую культуру представления о светском этикете (*бесцеремонный* → *бесцеремонность*, *беспардонный* → *беспардонность*, *бестактный*) и 3) лексика с русской и иноязычной производящей основами, относящаяся к сфере

социальных отношений (бесконтрольный — бесконтрольность, бессудие, бессудность, бессемейный — бессемейность, бессловный, беспартийный — беспартийность, бесцензурный, бесхозяйственный).

II. Освоение лексики в определенных грамматических категориях языка для русского языка — в силу свойств системы — является важной особенностью проявления национальной идентичности.

В русском языке признаковость проявляется в: 1) образовании прилагательных: *аквариумный, акварный, аквамариновый, акварельный, акватинтный, акватинтовый, аквафортный, аквилонный, аккомодативный, аккомодационный, аккомпанементный, аксессуарный, акропольский (акрополисский)* и мн. др.; 2) образовании наречий: *акварельно, аккордно, аккуратненько, актёрски, аксиоматически, водянисто, европейски* и мн. др.

Неология, как и прежние элементы языковой системы, вступает в определенные системные отношения. Так, вариантные формы, возникшие в силу различных обстоятельств (источник заимствования, тип основы, характер словообразовательного элемента и т. д.): *аквариумный — аквариумовый — акварный, акефалический — акефальный — акефальский, аккредитация — аккредитовка, аккомпанемент — аккомпанировка, акклиматация — акклиматизация — акклиматизирование, акклиматизировать — акклиматизовать — акклиматировать, аккумуляция — аккумулярование, аккуратист — аккуратник, аккуратненько — аккуратнёхонько, бесноватый — бесный — бесовый — безоудный, водяный — водянистый, водяность — водянистость, образуют последовательности, организованные в соответствии с разными принципами — системности (напр., градуальность признака) и действия*

антропологического фактора (напр., сфера употребления, авторское словотворчество и т. п.).

Любопытной иллюстрацией сложного процесса заимствование → осмысление → переосмысление может послужить функционирование новообразований *акклиматация — акклиматизация — акклиматизирование*. Первый элемент ряда употребляется довольно редко и к 60-м гг. XIX в. выходит из употребления. Лексема *акклиматизирование*, более «русская» по словообразовательному аффиксу, все же употребляется реже, чем *акклиматизация*, кроме того, ее иногда еще более ассимилируют, используя написание *оклиматизирование*, которое выглядит неслучайным и с точки зрения внутренней формы (о- - охват действием'), и с точки зрения системности явления (ср. синонимический ряд *акклиматизировать — отуземить — окультурить*). В отдельных случаях появляются любопытные контекстуальные синонимы, которые объясняют еще, возможно, не всем понятное слово *акклиматизация* = *осибирачение*.

Наращение употребления лексем с оценочными суффиксами, в том числе от заимствованных основ, в письменной речи: *акварелька, аккордик, аккуратненький, аккуратнёхонько, актёррик, актриска, актрисочка, актёрничание, актец, байроничать, бесенок, европейничанье* и т. п. – с несомненностью указывает не только на усиление субъективного начала в языке, но и на постоянно протекающий процесс адаптации заимствованной лексики, прошедшей этап ментализации, смену культурных парадигм.

Особенности национального бытия и сознания оказывают непосредственное влияние на формирование русской научно-технической номенклатуры. Эта лексическая сфера является одной из наиболее проницаемых для вторжения заимствований, однако в ряде случаев иноязычная лексика уступает свои позиции перед терминологией, создаваемой на русской основе. Например, в области

действия концепта «вода» как чрезвычайно значимого для русского человека («Где люди без земли от холода-голода издыхают, а мы без воды погибаем. Где аграрный (у нас выговаривают «аграрный»), а у нас акварный вопрос»⁷) – вода как источник жизни, и как основа межнациональных связей (вспомним о значении рек и морей в русской истории), и как движущая сила, элемент различного рода производств – количество иноязычных вхождений в XIX веке минимально по сравнению с собственно русскими композитами. Заимствования как с начальным компонентом *аква-*, так и с компонентом *гидро-* встраиваются в особую нишу, нехарактерную для традиционного уклада русской жизни: *акваатоффа*, *акваманил*, *аквамариновый*, *аквапунктура*, *аквариане*, *акварида*, *аквариий* (*аквария*), *аквариум*, *акварция*, *акватинта*, *аквафорта*, *акваторы*, *акватория*, *акветта*, *аквилегии*, *гидросфера*, *гидромедузы*, *гидрогеология*. Некоторые из них активно встраиваются в систему языка на всем протяжении века, постепенно обрастая производными: *аквариум* → *аквариумный*, *аквариумист* → *аквариумистика* (XX в.); *акварель* → *акварельный* → *акварельно*; *акварель* → *акварелист* → *акварелистка*.

К концу XIX века в языке фиксируется значительный массив новой лексики с первым компонентом *водо-*, причем в ряде случаев заимствования XVIII века вытесняются соответствующими русскими кальками (например, слово *водобоязнь* как медицинский термин вытесняет вошедший в XVIII веке интернационализм *гидрофобия*). В данной лексической группе наблюдается и несколько прямых семантических калек (например, существительное *водолечение* – фр. *hydriatrics*, англ. *hydropathy*, обозначающее ставший столь популярным в это время вид терапии, или название химического элемента *водород*), однако подавляющее большинство лексики данного разряда –

⁷ Рыболов. О «вольных ловцах» // Наш путь. 1907.

русские новации: *водогнёт, водогрейка - водогрейня, водоёмкий - водоёмкость, водоизмеритель - водоизмерительный, водокачка - водокачальный, водомерка (насекомое), водоналивной, водонапорный, водоочистительный, водоподъемный - водоподъемник, водопроводчик, водосборный - водосбор (для обозначения действия), водослив - водосливный и т. д.*

III. Категоризация средствами языка лингво-психологических моделей, отражающих специфику национального самосознания.

В связи с формированием новой культурной парадигмы в языке происходит категоризация словообразовательных моделей. Например, типичной моделью является образование при помощи суффикса *-ист* имени существительного – наименования лица, которым обозначаются сторонники, последователи или апологеты: *Все в природе есть целость – не так ли ... как тебя, шеллингист, или гегелист? (В.Ф. Одоевский «Саламандра» (1841)); Что же мне начальство? Я не каткист, или не аксаковец: я всем доволен и рад стараться... (Н.С. Лесков «Божедомы» (1868)).* Отступление от заданной схемы, ее творческое переосмысление и создание новых единиц: *байронист / байрониак / байрон"чик* – ведет к тому, что на привычном языковом фоне слова морфологически и содержательно выделяются и, таким образом, актуализируются. Они привлекают внимание, возбуждают интерес, приобщают носителя к постоянно изменяющемуся языковому и культурному миру и позволяют выразить собственное отношение, позицию, убеждения: *Он <Пушкин> не был фанатическим Байронистом: скорее назовем его Байрониаком (П.А. Вяземский «Мицкевич о Пушкине» (1873)); Как много развилось у нас в то время байрончиков, которые как Трилунный считали (по крайней мере в стихах) за муку и кару быть в толпе бессмысленных людей, как мы*

верили и в разочарование наших байрончиков... и как мы мало способны были понимать своего великого поэта, своего Пушкина (А.А. Григорьев «Знаменитые европейские писатели перед судом русской критики» (1861)).

Подобная «словесная инструментовка» является средством и одновременно причиной развития чрезвычайно важной для русского литературного языка функционально-коммуникативной модели. В русской культурно-языковой среде XIX века все более совершенствуется возникший ранее компактный способ хранения информации – иерархия стилей и жанров способствует тому, что вместо бесконечного накопления одномерных единиц языка каждая единица языка (например, слово) как знак текста стала проявляться в связи с ее смыслом в системе.

Исследованные трехчленные оппозиции *байронизм* – *байронство* – *байроновщина*, *вольтерьянизм* – *вольтерьянство* – *вольтеровщина*: *европеизм* – *европейство* – *европейничанье* и мн. др. подтверждают вывод о стилистическом расслоении вариантов, которые в то же самое время могут выступать как идеологемы. У представителей русской общественной мысли середины XIX в. резкое осуждение вызывало не критичное отношение к различным, в первую очередь заимствованным, явлениям, которое выражалось, например, в ключевых словосочетаниях *рабское подражание* (В.Г. Белинский, И.С. Тургенев), *рабское копирование* (Ф.М. Достоевский). На этой почве каждое явление может и должно быть охарактеризовано чисто субъективно, отсюда наличие лексем типа *байроновщина*, *вольтеровщина*, *европейничанье*, выражающих негативную оценку говорящего.

Антропоцентричность языка XIX века ярко проявляется в организации семантического пространства «человек». В русской языковой картине мира оно представлено лексико-семантическим макрополем, которое характеризуется разнообразными парадигматическими отношениями, что

доказывает подчиненность внутренних характеристик поля общим системным закономерностям организации словарного состава языка: ядерные и периферийные группы лексем, синонимические, антонимические, деривационные, тематические связи элементов, прямые и переносные значения у целого ряда лексем, имеющих общую грамматическую сочетаемость.

Новые номинации создают образ человека с самых разных точек зрения:

1) внешность: *мраморный, фарфоровый* (о цвете лица, кожи) и др.;

2) внутренние качества, свойства и характеристики: *аккуратист, брезгливец, брезгливица, буквоед, бунтарь, бунтарка, бяка, веротерпимый, взрывной, влиятельный, восприимчивый, всезнайка, высокообразованный, дендизм* и др.;

3) характер бытия, существования: *безуметь, обезуметь* (растворение в состоянии), *обезумить, обезлошадеть, обезличить, обезлесе/ить, обезземеле/ить, обезножить* (ср. в «Словаре Академии Российской»: *обезножить*) и др.

В литературном языке XIX века, как в зеркале, отражается общая направленность развития русского общества в конкретный период его истории, его заинтересованность в определенных сторонах жизни. Значимость культурной составляющей по отношению к материальной стороне бытия можно проиллюстрировать на примере имеющей давние исторические корни группы сложных слов с начальным компонентом *высоко-* в значении 'в высшей степени, очень, весьма'. Так, в 1830 – 40-е годы, продолжая традицию предшествующей эпохи с ее просвещенческой инерцией XVIII в., эта лексическая группа пополняется прилагательными, положительно оценивающими человека как личность: *высокообразованный, высокоталантливый*. К концу века общественные акценты смещаются в сторону материальной сферы и на передний

план выходят новации с оценкой уже не человека (из них на рубеже XIX – XX веков зафиксировано только слово *высокоинтеллигентный*), а предметов, связанных со сферой производства: *высококачественный, высокосортный, высокопитательный, высокопроизводительный, высокоурожайный* и т. п.

Изменения в социальной жизни привели к возникновению, во-первых, новых профессий и названий человека по роду деятельности: *акварелист, аквафортист, аквариумист, аккомпаниатор* и др., а во-вторых, появление соотносительных вариантов женского рода как к новообразованиям, так и к уже существовавшим наименованиям мужского рода: *акварелистка, аккомпаниаторша, аккуратистка, берлинка* (жительница Берлина) и др.

Новые номинации не только создают образ человека, но и оценивают его. Будучи использованными в качестве средств экспрессивной характеристики, такие лексемы демонстрируют преобладание в них оценочного компонента (мейоративной или пейоративной окраски): *актеришко(а), актрисуля, буквоед, взяточник, воротила, всезнайка, втируша*. Установленный факт полярности весьма важен, так как подтверждает одно из положений антропологической лингвистики об определенной иерархии структуры образа человека в русской языковой картине мира, устанавливаемой через оценочные коннотации.

Целенаправленное выявление лексических и семантических новаций XIX века (на базе «Словаря современного русского литературного языка» (Т. 1 – 17. М.-Л., 1948 – 1965) при сравнении его с материалами «Словаря русского языка XVIII века» (1984 – ...), а также данными текстовых баз BOOKS.GOOGLE.COM и RUSCORPORA.RU) по первым трем буквам алфавита дало около 2500 лексических новаций, вошедших в дальнейшем в русский литературный язык. Учитывая особенности составляющей

эти массивы лексики (А – преимущественно заимствования, Б – смешанная по генезису лексика, В – преимущественно русская лексика), можно попробовать сделать предварительные оценки **реальной картины** новационных лексических процессов, протекавших в русском языке на протяжении XIX века. Полученные результаты распределились следующим образом:

А: чистые (безаффиксные) заимствования (I тип) – 160 ед., заимствования, испытавшие воздействие русской словообразовательной системы и получившие в ходе адаптации русские аффиксы (II тип), – 336 ед., собственно русские образования – 14 ед.;

Б: заимствования I типа – 154 ед., заимствования II типа – 165 ед., русские новации – 398 ед.;

В: заимствования I типа – 75 ед. (в т.ч. 6 ед. из восточных языков), заимствования II типа – 143 ед., русские новации – 1056 ед.

Суммируя данные, получаем такие результаты: заимствований – 1033 ед. (в т.ч. безаффиксных чуть больше трети – 389 ед.), неологизмов на русской основе – 1468 ед.

Итак, лексико-динамическая картина XIX века на фоне таких экстралингвистических обстоятельств, как обширное территориально-географическое положение России, дальнейшая экономическая, научная и культурная интеграция страны в мировое сообщество и открытость русского общества XIX века для влияния извне, **объективно** выглядит следующим образом: лексическая система русского литературного языка активно пополняется за счет разных источников новаций достаточно **сбалансированно**, тем самым примиряя между собой «пуристов»-«славянофилов» и «западников». Заимствования за небольшим исключением претерпевали полную фонетическую и грамматическую адаптацию, русифицировались (группа несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных составляет менее 1% от общего числа заимствований),

активно включались в процесс формирования словообразовательных гнезд с использованием русских аффиксов и тем самым становились органичной частью лексического фонда русского литературного языка.

**Индивидуально-авторская лексика в поэзии
старших архаистов (Г.Р. Державин, А.Х. Востоков)¹**

В своей вступительной речи при открытии «Беседы» А.С. Шишков отмечал: «Самое главнейшее достоинство человека, причина всех его превосходств и величий, есть слово, сей дар небесный, вдохновенный в него, вместе с душою, устами Самого Создателя»², и через данное почти философское утверждение подводил к тому, что именно «язык и словесность отличили человека от человека»³.

Как само возникновение названия общества, так и такой гимн Слову в начале XIX века закономерны. Так, И. Киреевский отмечал: «Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. Кажется, кто-то разбудил полусонную Россию. Из ленивого равнодушия она вдруг переходит к жажде образования, ищет учения, книг, стыдится своего прежнего невежества»⁴. «Если вкус к литературе может быть назван модою, то она теперь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а

² Шишков А.С. Речь при открытии Беседы // Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн 1. СПб., 1811. С. 1.

³ Там же. С. 6.

⁴ Киреевский И. Обзор русской словесности 1829 года // Киреевский И. Критика и эстетика. М., 1998. С. 57.

общая и главная в Европе», — писал Н.М. Карамзин⁵. С. Уваров в своих воспоминаниях о начале XIX века писал: «Невзирая на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора — она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным занятиям...»⁶. Эту тенденцию убедительно объясняет Э.Афанасьев: «Падение в обществе престижа и роли Церкви сопровождается выдвижение литературы на ведущее положение в духовной жизни нации»⁷.

В период развития русской словесности, особенно после выхода первого Академического словаря, Слово на какое-то время встало в центр всей художественной культуры. Внимание к нему стало беспрецедентным. Важнейшим следствием данной тенденции стал новый формирующийся лингвистический объект, который условно можно назвать *языковой эстетикой*. Интересен и показателен в подтверждении этого эпизод из воспоминаний С. Жихарева. «Ф<едор> П<етрович> Львов прочитал стишки свои к «пеночке», написанные хореем, довольно легко, с чувством:

Пеночка моя драгая,
Что тебя сюда влекло?
Легкое твое крыло,
Чистый воздух рассекая... и пр.

⁵ Карамзин Н.М. Письмо к издателю // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 76.

⁶ Уваров С. Литературные воспоминания // Современник. 1851. Июнь. С. 40.

⁷ Афанасьев Э. На пути к XIX веку. Русская литература 70-х гг. XVIII – 10-х гг. XIX века. М., 2002. С. 8.

Но эти стихи возбудили спор: П.А. Кикин ни за что не хотел допустить, чтоб в легком стихотворении к птичке можно было употребить выражение: *драгая*, вместо *дорогая*, и сказать *крыло*, когда надобно было сказать *крылья*. За Львова вступился Карабанов и другие. Но Захаров порешил дело тем, что слово *драгая*, вместо *дорогая*, и в легком слоге может быть допущено так же, как и слова *возлюбленный* и *драгоценный*. Но что касается до выражения *крыло* вместо *крылья*, то, по совести, надлежало бы изменить его, потому что птица может рассекаать воздух только двумя крыльями...»⁸.

Вся русская словесность становится эпохой творческого осмысления *Слова*. Слово через Теорию трех штилей, а затем шишковскую теорию «трех родов словесности» постепенно становится категорией не только филологической, сколько идеологической и даже социальной.

Такое философско-религиозное обоснование Слова стало основой общей концепции «Беседы» и, как принято отождествлять, «архаистов». За каждой установкой на использование или неиспользование тех или иных языковых средств стояла, социальная подоплека. Закономерным для славянофильской мировоззренческой базы «беседчиков» оказывалось приоритетное употребление церковно-славянской и общенародной лексики. Принципиальным становится вопрос об использовании иноязычных слов. И эти идейно-филологические принципы достаточно последовательно воплощались в творчестве представителей «Беседы».

В этой связи вопрос об авторских «новообразованиях» определенным образом вписывается в филологическую программную установку Общества. На первый взгляд, кажется, что если развивать логику «вступительной речи»

⁸ Жихарев С. Литературный вечер у Державина // Литературные салоны и кружки. М., 2001. С. 36 – 37.

А.С. Шишкова, то достижение совершенства в использовании «дара слова», безусловно, оправдывает словотворчество, так как именно через слово проявляются высоты человеческого таланта. Однако это не так. Развивая свою мысль о поэзии как вершине владения словом, А.С. Шишков пишет: «Остается только приложить нам еще больший труд к исследованию всей обширности языка нашего, к *извлечению наружу тех блистающих в нем красот*, которые от устремления очей наших на чужие несродные нам красоты лежат в прахе и забвении»⁹. Ту же мысль находим и в его книге «Рассуждение о Красноречии Священного писания..»: «Главнейшая сила и богатство языка нашего в том состоит, что мы имеем великое изобилие высоких и простых слов, так, что всякую важную мысль можем изображать избранными, а всякую простую обыкновенными словами»¹⁰. В самом конце своего трактата автор призывает «черпать богатства» из своего языка, не «переводить из слова в слово с чужих языков речи», не «гоняться за их словами» и не «забывать свои»¹¹.

Также важно и еще одно положение А.С. Шишкова, заметившего в своей программной статье «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря»: «Но как всякий писатель почитает себя вправе творить нововведения, иногда с свойством языка не соображенные, иногда с чужого языка взятые, для того надлежит таковые слова или изречения с немалою осторожностью вносить в Словарь. Здесь не правилами языка

⁹Шишков А.С. Речь при открытии Беседы // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1811. Чтение 1. С. 40.

¹⁰Шишков А.С. Рассуждение о Красноречии священного писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. СПб., 1825. С. 51.

¹¹ Там же. С. 79 – 80.

должны мы руководствоваться, но свойством онаго и хорошими примерами»¹².

Таким образом, конечной мыслью развития той вступительной речи является не необходимость творчества в работе со словом, а совершенное владение имеющимся в языке словарным запасом. Теоретические установки А.С. Шишкова в отношении использования авторских неологизмов, индивидуально-авторской лексики в целом сдержанны и неположительны.

Индивидуально-авторская лексика является неотъемлемой частью лексической системы почти каждого поэта или писателя. Начиная со второй половины XVIII в., наблюдается некоторая мода на «словотворение». Связано это, в первую очередь, с переводческой деятельностью. Ср. ниже примеры из статьи «Переводной роман в круге масонского чтения» Л.И. Сазоновой. В.А. Левшин в переводе романа «Пансалвина» (1809) употребляет окказиональные новации *высрчие* (sic!), *шумство* и т.д. И.П. Тургенев в переводе трактата XVI в. И. Арндта «Об истинном христианстве» слово *эгоизм* переводит как *ячество, самственность, собственнлюбие, собственничество*. Исследовательница анализирует лексику двух различных переводов А.С. Волкова (1765) и С.С. Боброва (1785) романа Рамзея «Путешествия Кира», особенно читаемого в масонском кругу, свидетельствующую о языковой свободе переводчиков. Ср. варианты перевода: *универсум* – *всемироздание* (Бобров), *мир* (Волков); *микрокосмос* и *макрокосмос* – *мало-мир, веле-мир* (Бобров); *малой мир, макро-козм* (Волков); *натура* – *натура* (Бобров), *естество*

¹² Известия Российской Академии. Кн.1. СПб., 1815. С. 28. Через многочисленные примеры «сообразных» и «несообразных» нововведений автор останавливается на фиксации в Словаре слов, образованных только по системным, регулярным для русского языка моделям.

(Волков); кормчий (рулевой) – *кормилодержец* (Бобров); слог, выражение – *словоперевероты* (Бобров), слова (Волков); сделать телесным (Божество) – *отелесить* (Бобров), *телообразно представить* (Волков); гуманность – *людскость* (Бобров), *человеколюбие* (Волков); архетип – *первообразе, началообразе* (Бобров).¹³

На эту тенденцию обратил внимание В.В. Виноградов, приводя пример рассуждения И. Болотова в рукописи «Пастырское послание к истинным и справедливым свободным каменщикам древняя системы» о латинском слове *unnennbares* (букв. *неудобоименуемое*): «сие неизглаголанное нечто назовем мы *бездонность, вечносамостоящею* единицею...». Ученый также называет ряд слов, которые вошли в русский язык под влиянием языка переводов масонской литературы: *самоотвержение, самоотречение, мироздание* (= мироздание), *интеллигенция* (высшее состояние человека как умного существа, в этом значении встречается еще у В. Ф. Одоевского), *сочеловек, событствующие, соустроение*; у Карамзина – *засмертие, предсмертие*.¹⁴

Именно против этой тенденции лексического и семантического калькирования выступает А.С. Шишков в своих трудах. И, повторимся, согласно «высоко нормативной» программе использования языковых средств А.С.Шишкова, закономерным, казалось бы, должно являться отсутствие или умеренное употребление «авторских новообразований». Однако в поэзии «архаистов» мы наблюдаем значительное количество неологизмов, использование которых стало носить характер моды.

¹³ Сазонова Л.И. Переводной роман в круге масонского чтения // Масонство и русская литература XVIII–начала XIX в. М., 2000. С. 30 – 53.

¹⁴ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 297 – 298.

Ориентация на греческую поэзию – одна из целевых установок «архаистов»; следствием ее оказалась и другая тенденция – влияние греческих словообразовательных моделей при создании новых слов, которые не всегда соотносились с системными русскими моделями. Обе эти тенденции были противоположны главному тезису А. Шишкова: «изучать глубины родного языка, в нем находить красоту и богатство...»

Самым ярким представителем «архаистов» в поэзии был, несомненно, Гавриил Романович Державин.

В рукописи 1790-х годов он писал: «Я выдумываю нарочно новые и никому непонятные слова; а особливо ежели захочу простую мысль представить пышною, или правого сделать виноватым, то пишу вместо *умедлить* – *упослеживать* и пр.»¹⁵.

Заметим, что кроме «нарочно выдуманных» слов поэту не чужда и словесная игра, каламбуры:

О, как велик **На-поле-он!**

Он хитр и быстр и тверд во брани;

Но дрогнул, как простер лишь длани

К нему с штыком **Бог-рати-он** (1806).

Ср. в черновике:

Пришел русак Бог-рати-он

И показал, каков **На-поле-он** (1805).

Поэт использует и графические игровые поэтические формы («Пирамида»), и такую форму перифрастического иносказания, как «отверница». Ср. «*Гудок гудит на тон скритицы И вьется локоном хохол*» («На счастье»): В сих двух стихах заключается насмешливая *отверница* или обиняк (équivoque), под коим разумеется: под гудком Гудович,

¹⁵ Цит. по: Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1868. Т. I. С. 181.

тамбовский военный губернатор, человек ума посредственного, но по благоприятству счастья имеющий важные должности; а под хохлом гр. Безбородко и прочие Малороссияне, знатные роли счастливо игравшие, ибо всех малороссиян в простонародьи называют хохлами»¹⁶.

Индивидуально-авторская лексика Державина многочисленна: без учета семантических окказионализмов, собственно лексических, которые более не встречаются ни у одного поэта, в первых двух томах поэтических сочинений насчитывается около 70 слов.

Заметим, что наиболее продуктивным способом авторского словотворчества является сложение. Практически все собственно «державинские» слова образованы этим способом. Примерами других традиционных способов (приставочного, суффиксального, приставочно-суффиксального) являются глаголы *чешутся* океан (блестит, как чешуя), *попрохладиться*, *совосплескать* и существительные *людскость*, *совосклицанье*.

Несколько слов, по мнению Я.К. Грота, Державин употребил вместо иноязычных: *прямовидность* (vs. горизонт), *тихогром* (vs. пианофорте / фортепиано), собств. русск. *плетеница*, *пленица* вм. *гирлянда*. Дублетом *рудокопства* стало известное ироническое державинское *горорытство*. Путем сложения образовано несколько существительных: *каменосечец*, *живописец-философ*.

Сложные прилагательные как наиболее частотный тип среди авторских поэтических неологизмов широко представлены и у Державина. После первого и второго южнославянского влияния, то есть после периодов, когда греческий язык уже становился образцом для калькирования или аналогового словосложения в русском языке, новый период подражания греческому языку возникает с середины

¹⁶ Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб. 1872. Т. III. С. 626.

XVIII века в поэзии классицистов. Образцом для такого подражания становятся греческие поэты, среди которых наиболее популярным был Пиндар. Однако именно в поэзии Г.Р. Державина увлеченность таким способом словотворчества приобретает характер тенденции.

Впервые, по мнению лингвистов, в истории русского языка в поэзии Державина начинают активно использоваться и цветové сложные прилагательные¹⁷.

Традиционными следует считать две модели образования сложных прилагательных: сочинительная (на базе сложения двух однородных существительных или прилагательных) и подчинительная (на базе словосочетаний типа согласования, управления и примыкания).

Некоторое количество державинских прилагательных попадает под эти продуктивные модели. Приведем несколько прилагательных, образованных типичным сложением: *двухолмистая* гора, *двурогатый* зверь; *разноогненные* венцы, *храмоподобный* дом, *ветхострунная* арфа, *светодарные* души. Среди них особо выделим цветové прилагательные: *сафировсветлые* очи, *златордяная* броня, *лазурно-сизобирюзовые* круги (пера павлина), *сизоянтарная* глыба, *златобагряная* заря, *румяно-желтый* пирог, *синетемная* роща. Показательно, что некоторые из них созданы по модели французского языка (оттенок после цвета, ср., напр., франц. *bleu foncé* – тёмно-синий): *сафировсветлые*, *синетемная*.

Нетипичной для русского языка оказывается модель использования цветového компонента по отношению к относительному признаку: *сребробокие* голубки, *щетиночерный* вепрь.

¹⁷Сидорова Е.Г. Правописание сложных прилагательных. Волгоград, 1996.; Каунова Е.В. Сложные прилагательные в истории развития русского языка // Электронный научно-образовательный журнал Волгоградского государственного педагогического университета «Грани познания». № 1(6). Май 2010. /www.grani.vspu.ru

Продуктивной для авторского словообразования, традиционно свойственной художественной речи, оказывается модель, состоящая из сочетания прилагательных, называющих неоднородные качественные или качественные и относительные признаки, обозначающие «качество с дополнительным оттенком»¹⁸: *серебряно-огнистые* капли, *златопрозрачные* померанцы, лимоны, апельсины, *желтосмуглое* лицо; *цветнопрозрачные* камни, *сочножелтые* плоды.

Ряд прилагательных является образованным от образных сравнительных оборотов: *среброчешуйный* океан (океан, как серебряная, серебристая чешуя), *златоструйчатые* власы (волосы, как золотые струи); *солнцеокий* осетр (осетр с глазами, как солнце), *стально-чешуйный*, *серпокогтисный* зверь (зверь, с чешуей как сталь, с когтями, как серп).

Значительное же количество сложных прилагательных основаны на связи слов, представляющих в совокупности ассоциативный образ, который может быть описан только через развёрнутые контексты: *черно-тинтово* (от итал. *vinò tinto*) вино, *злато-кипрское* вино, *слезы-ангельски* (от названия итальянского вина «Слезы ангела») вино; *златобисерное* небо, *сребролунное* государство; *славношколярное* перо; *огнезвездный* океан, *краезлаты* небеса, *правовластный* блеск богатства, *огнескачущие* волны, *огнеконный* снаряд, *огнепернатый* шлем, *листомрачный* верх, *кораблегибельный* позор, *черепокочно* чудо.

Особенностью идиостиля поэта можно считать употребление таких прилагательных группами, или «блоками», то есть одновременно по несколько окказионализмов в одном тексте (см. стихотворения «Разные

¹⁸Как отмечает Д.Э. Розенталь, «Особенно часто прилагательные этого типа встречаются в языке художественной литературы» (Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 10-е изд. М., 2005. С. 50).

вина», «На счастье», «Изображение Фелицы», «На коварство французского возмущения» и мн. др.).

Широкое использование индивидуально-авторской лексики не было элементом поэтической системы одного Г.Р. Державина. Оно было свойственно и поэзии других «архаистов».

В поэзии А.Х. Востокова, члена «Беседы любителей русского слова», также наблюдается тенденция к активному словотворчеству.

А.Х. Востокова, несмотря на то, что он только начинал свою творческую деятельность как поэт и в поэзии проявил себя в большей степени как ученый и экспериментатор, многое связывает с именем Г.Р. Державина. Несмотря на существенную разницу в возрасте, Ю.Н. Тынянов отнес его также к «страшим архаистам»¹⁹, хоть и «особого толка». С 1813 г. А.Х. Востоков стал членом-сотрудником «Беседы любителей русского слова», в то время как Г.Р. Державин и А.С. Шишков были почетными членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» с 1805 г. (общество просуществовало до 1826 г.), одним из ярких представителей которого был А.Х. Востоков. (Заметим, что почетным членом обоих обществ был Н.М. Карамзин. Почетным членом «Вольного общества» и попечителем «Беседы» был И.И. Дмитриев). В 1802 г. имена Державина, Востокова наряду с Ломоносовым оказались в одной хрестоматии («Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса», изд. П.С. Железниковым); для Востокова это была первая публикация его стихов.

Первые поэтические сборники А.Х. Востокова публикуются в 1805 – 1806 годах («Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах». Ч. 1 – 2). В 1812 году

¹⁹ Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.

выходит его теоретическая работа, внесшая определенный вклад в развитие русского стиховедения – «Опыт о русском стихосложении».

Оценки его поэзии, в большей степени со стороны мысли и ритма, были достаточно высоки. Так, И.И. Дмитриев в письме молодому поэту писал: «Милостивый государь мой, Александр Христофорович <...> Вторая часть ваших произведений <поэтических> доставила мне такое же удовольствие, как и первая. Это едва ли не новый род в нашей литературе, по крайней мере я доселе не читал на нашем языке стихотворных героических сказок <...> С вашим талантом, по которому я, кажется, отгадываю ваше сердце, вы верно счастливее многих светских счастливых: их блага в мечтах, а ваши в сердце. <...> пребывая навсегда с отличным почтением моим Вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев (2 июня 1806 г.)»²⁰.

В.К. Кюхельбекер в статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (1817) высоко оценил роль А. Востокова для поэзии своего времени: «Несмотря на усилия Радищева, Нарезного и некоторых других, в нашей поэзии даже до начала XIX столетия господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы <...> Тиранство мнения простиралось так далеко, что не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической. В 1802 (1805) г. г. Востоков изданием своих «Опытов лирической поэзии» изумил, можно даже сказать привел в смущение публику; в сей книге многие увидели оды Горациевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы Сафического, Алцейского, Егегического и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных или неуважаемых. Далее продолжателями Востокова в этом

²⁰Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснит. примеч. И. Срезневского // Сборник ОРЯС. 1873. Т. V. Вып. II. С. XXIII.

направлении явились Н.И. Гнедич с его переводом «Илиады», выполненными героическими стихами древних и В.А. Жуковский, придавший “германический дух русскому языку”»²¹.

«Он был нередко поэтом мысли и чувства. Если ухо не могло заслушиваться музыкальностью стиха, то стих его часто поражал читателя внутренним достоинством <...>. В ней <поэзии Востокова> преобладает германская стихия, хотя почти везде выражающая себя правильною русскою речью»²² – писал в воспоминаниях П.А. Вяземский. Положительные отклики на его поэзию встречаются и в письмах К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского.

В своей поэзии А.Х. Востоков достаточно широко занимался словотворчеством. В трех томиках его стихотворений обнаружено 18 индивидуально-авторских слов: *благоотрадные* музы, *благосквернитель*, *дивномысленные* беседы, *златонизанный* ковер, *с небовысот*, *непристанищный* утес, *огневместилище* чувств, *песноучитель*, *пламенордяный* дракон, *скудобрюхий*, *среброгортанный* соловей, *среброногое* утро, *тучемерчна* ночь, *тьмулетняя* пирамида, *черноогнисты* зоны. Окказиональными являются такие субстантиваты, как *быстропроходящее*, *медлительногрядущее* и *вечноостающее*. По оригинальным (или не исконным) моделям образованы *благоотрадный*, *дивномысленный*, *тучемерчный*.

Несмотря на меньшее количество новообразований у молодого поэта, и у Державина, и у Востокова соотносимы как сами модели словотворчества, так и семантика словообразовательных моделей. Ср.:

²¹ Цит. по кн.: Орлов В. Востоков // А.Х.Востоков. Стихотворения. М., 1936. С. 14.

²² Цит. по кн.: Орлов В. Востоков // А.Х. Востоков. Стихотворения. М., 1936. С.15.

**Слова, образованные приставочным,
суффиксальным, приставочно-суффиксальным
способами**

*чешуится океан,
людскость;
попрохладиться,
совосплескаться;
совосклицанье*

непристанищный утес

Существительные, образованные путем сложения

*каменосечец,
животисец-философ,
горорытство*

*песноучитель,
благодсквернитель,
огневместилище чувств, с
небовысот*

**Прилагательные, образованные путем сложения
(подчинительная и сочинительная основы)**

*двухолмистая гора,
двурогатый зверь;
разноогненные венцы,
златобисерное небо,
храмоподобный дом,
ветхострунная арфа,
светодарные души,
тьмозвездные дебри
(тьмозвездный свод),
алмазовидная пирамида*

*благоотрадные музы,
скудобрюхий
тьмулетние пирамиды*

- цветковые сложения

сафиросветлые очи,
златордяная броня, *лазурно-*
сизо-бирюзовые круги (пера
павлина), *сизоянтарная*
глыба, *златобагряная* заря,
румяно-желтый пирог,
синетемная роща
серебряно-огнистые капли,
златопрозрачные
померанцы, лимоны,
апельсины, *желтосмуглое*
лицо; *цветнопрозрачные*
каменья, *сочножелтые*
плоды
сребробокие голубки
щетиночерный вепрь

пламенно-рдяный дракон

черноогнисты зоны
златонизанный ковер

Прилагательные, образованные на основе сравнительных сочетаний

среброчешуйный океан,
златоструйчатый волосы;
солнцеокий осетр, *стально-*
чешуйный, *серпокогистый*
зверь

среброное утро
среброгортанный соловей

Слова, образованные сложением наречия и прилагательного, причастия (со значением оценки признака)

веселорезвая эрата,
звонкоприятная лира,
милосизая птичка,
далекозвонкий удар

дивномысленная беседа
быстропроходящее,
медлительногрядущее,
вечноостающееся

Прилагательные, образованные по окказиональным моделям:

черно-тинтово вино, злато-
кипрское вино, слезы-
ангельски вино;
сребролунное государство;
славно-школярное перо;
огнезвездный океан,
краезлаты небеса,
правовластный блеск
богатства, огнескачущие
волны, огнеконный снаряд,
огнепернатый шлем,
листомрачный верх,
кораблегибельный позор,
лучезнойною тяготою,
черепокочно чудо

тучемрачна ночь

Редкие сложные прилагательные разных семантических и структурных типов, встречающиеся в поэтических текстах XIX века.

сладокопевные словьи
сребророзовых светлиц,
на *сребророзовых* конях,²³
из *черноогненна* виссона²³,
чернобагрова буря,
разноперистые птицы
белорумяные персты
чернокудрявый лес
златорунну кохиду
тихострунный глас лиры,

богоглаголивая роща
водоточивых мышц
дальнепривозные товары
златовенчанна глава
златострунная арфа
медотворные пчелы
междустолтия
на Латмосе *многолесистом*
сладокопевная лютня
сладокопенье соловьино

²³ Греческая ткань.

*т. согласьем
вседробящий огонь
сладкострунная лира
под арфой тихогласной
чернопенна пива*

Таким образом, несмотря на отличие поэтических систем и разный уровень поэтического таланта Державина и Востокова, можно говорить об общности принципов словоупотребления у поэтов как в целом, так и в вопросе использования индивидуально-авторской лексики.

После Г.Р. Державина началось активное использование сложных прилагательных, особенно цветowych, в поэзии. В переводе «Илиады» Н.И. Гнедича сложных эпитетов настолько много (напр., *багряно-золотистый, багряноогненный, безумноречивый, белоклыкий, белорусный, беспояснодоспешный, блистательноокий, блистательноубранный, браздодержец, благозванный* и мн. др.), что Б.В. Томашевский назвал такие эпитеты «гомеровскими»²⁴, и это вполне объяснимо, учитывая то, что перед нами перевод древнегреческой поэмы. Сложные индивидуально-авторские прилагательные довольно часты в поэзии В.А. Жуковского (*зеркально-светлый щит, златопурпурное вино, огненно-темные взоры, пестропурпурные ткани, дождливожелтый, ветренорыжий* и др.). Окаzionaliальные сложные слова встречаются и у А.С. Пушкина (*тяжелозвонкое скаканье, звонкоскачущий конь* и др.).

Использование сложных слов (на греческой основе) как старшими, так и младшими «архаистами» стало носить характер моды, так же, как перифрастичность и широкое

²⁴ Томашевский Б.В. Стилистика. Л., 1988.

использование лексических и семантических калек с французского языка сентименталистами.

Тенденция к словотворчеству, особенно по способу неоднородного сложения, в поэзии Г.Р. Державина и других «архаистов» стали настолько широко использоваться, что в сатире Панкратия Сумарокова «Ода в громко-нежно-нелеповом вкусе» (1802) «пиндаровское» словосложение «архаистов» стало главным сатирическим козырем автора:

*Сафиро-храбро-мудро-ногий,
Лазурно-бурный конь Пегас!
С парнасской свороти дороги
И прискочи ко мне тотчас...
Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря;
Из кубка пламенно-янтарна
Брусничный морс льет на моря..
Ветр юго-западно-восточный
Иль северо-студено-мочный
Ерошит гладкий вод хребет.*

Критика этой увлеченности сложными прилагательными тонко обыграна в «Оде его сиятельств. гр. Дм.Ив. Хвостову» А.С. Пушкина (1825):

Султан ярится.
Кровь Эллады
И резво скачет, и кипит.
Открылись грекам древни клады,
Трепещет в Стиксе лютый Пит.
И се — летит продерзко судно
И мечет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг *быстропарный*,
Строптивый и неблагодарный

В этой «Оде» прецедентными являются многие слова и фразы. Напр., первые строки «Султан ярится» и ритмика стиха соотносятся с текстом оды В.П. Петрова «На войну с турками» (1769). Прецедентным и пародийным в «Оде» (для примера взята только первая строфа) оказывается и употребление сложных окказиональных слов *резвоскачет* и *быстропарный*. *Кровь.. резвоскачет* является пародийным откликом на употребление В. Кюхельбекером выражения «И резвоскачущая кровь» в стихотворении «Грибоедову»²⁵. *Быстропарный недуг*²⁶ следует соотнести с единственными на тот момент фиксациями этого слова у Г.Р. Державина: «в *тенях лазурных быстропарных*» («На бракосочетание великого князя Павла Петровича С Наталиєю Алексеевною» (1773)), «*орлы быстропарны*» («Лето» (1805)), «*луч молнии быстропарной*» («На выступлении гвардии в поход» (1807)). Это слово позднее встретится и в «Илиаде» Н.И. Гнедича («*быстропарный орел*»).

Подчеркнем, что новые слова, особенно сложные прилагательные, из произведений известных поэтов филологическим сообществом все-таки принимались. Так, И. Калайдович, рассматривая разные типы сложных слов, в качестве рядовых примеров приводит индивидуально-авторские слова Г.Р. Державина. Характеризуя сложные слова «пятого типа», «сложенные из одних прилагательных», он отмечает: «Сие означает соединение или существование двух качеств в одно и то же время, напр. *сребророзовый* (Держ.) значит: и серебряный и розовый, *звонкоприятный* (Держ.) и звонкий, и приятный, или: и приятный, и звонкий»²⁷. В «Словарь церковно-славянского и русского

²⁵ Впервые: Московский телеграф. 1825. № 1.

²⁶ Прилагательное традиционно рассматривается как окказионализм А.С. Пушкина.

²⁷ Труды ОРЯС М., 1824. Т.5. С. 349 – 350.

языка» (1847) г., куда включалась только общеупотребительная лексика, попадают такие неологизмы (vs. гомеровские эпитеты) Н.И. Гнедича, как *грязноутесый, длиннохитонный, лепокудрый, пространно-властительный*.

Таким образом, можно утверждать, что «архаисты», несмотря на строгие нормативные рамки словоупотребления, сформулированные в программных работах А.С. Шишкова, все же не избежали увлеченности словотворчеством, основанном, как правило, на популярной греческой модели словообразования – словосложения. Для сравнения заметим, что в поэзии Н.М. Карамзина не обнаружено ни одного окказионального слова, в поэзии И.И. Дмитриева из небольшого количества образных сложных слов авторскими являются лишь два: *молниецветные ризы* и сложное существительное *эгоисты-рифмачи*²⁸. Сентименталисты, активно используя иноязычную лексику или кальки, именно таким способом компенсировали потребность в авторском словотворчестве.

«Архаисты» же, стремясь к соблюдению канонов славянского и русского языков, потребность в словотворчестве компенсировали через модели, «одобренные» поэтикой классицизма, то есть создавали их по типичной для церковнославянского и греческого языков модели словосложения. В этом положении теоретические установки «архаистов» вступали в некоторое противоречие друг с другом: активное использование греческих словообразовательных моделей в целом ряде случаев было «не сообразно со свойством русского языка».

²⁸ Словоуказатели поэтических произведений И.И. Дмитриева и Н.М. Карамзина размещены на сайте www.rvb.ru.

Терминологические прилагательные в заключительной части «Рассуждения о лирической поэзии»

Г.Р. Державина

«Рассуждение о лирической поэзии» – завершающий и самый масштабный по замыслу литературоведческий труд Г.Р. Державина, который автор завершил в рукописи, но не успел целиком издать при жизни. Композиционно «Рассуждение...» делится на четыре части. В 1811 – 1815 годах в журнале «Чтения в Беседе любителей русского слова» увидели свет первая часть и отрывок из второй части (о лирических жанрах оперы и песни)¹. Позднее они были воспроизведены и прокомментированы в «Сочинениях Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота»². Третья и четвертая части увидели свет лишь в конце XX столетия благодаря усилиям В.А. Западова³.

Первые три части «Рассуждения» посвящены рассмотрению многочисленных лирических жанров, заключительная часть – содержательной (тематической) стороне оды в трактовках различных авторов и ее метрическим особенностям у разных народов (от скандинавских до восточных).

Объектом нашего рассмотрения станет последняя (четвертая) часть державинского труда.

¹ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 2. Ч. 1. СПб., 1811; Чтение в Беседе. Кн 6. СПб., 1812. С. 3 – 27.

² См.: Сочинения Державина с объяснит примеч. Я. Грота. СПб., 1878. Т. VII.

³ Опубл.: XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 246 – 280; XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 289 – 318.

Делая исторический обзор возможного содержания оды, ее композиции, строфики, рифмы и размера, Державин использует большое количество прилагательных характеризующего типа. В основной массе они относятся к разряду качественных, однако встречаются группы относительных (например, образованные от имен известных авторов: *тиндарическая*, *гораццианская*, *анакреонтическая ода* и под.). Прилагательные в заключительной части «Рассуждения...» Державина интересны, прежде всего, с точки зрения их терминологического статуса.

Труд Державина, во многом обобщающий теоретико-литературные работы М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.Д. Байбакова и содержащий собственное осмысление различных переводных (в основном немецких и французских) поэтических теорий, делает попытку заложить основы отечественной терминологической системы в области литературоведения. Узко специальное использование отдельных прилагательных Державиным носило характер их семантической неологизации. Представляется интересным рассмотреть семантические сдвиги прилагательных в державинском тексте и отметить случаи их закрепления в русском языке и укоренения в терминологическом словаре российского литературоведения.

Вслед за французскими и немецкими эстетиками Державин выделяет следующие тематические разновидности жанра оды (нас интересуют исключительно их словесные определения, а не стройность классификации): *духовная*, *героическая*, *философическая*, *общежительная*, *размыслительная*, *фантазическая*, *чувственная*, *смешанная*, *перекличная*. Применительно к каждому определению Державин приводит синонимы, выделяет поджанры, дает толкования и уточнения, – таким образом, возникает целый авторский терминологический куст. В такой системе мы и будем их рассматривать.

Прилагательное *духовный* применительно к литературному сочинению не фиксируется толковыми словарями вплоть до XX века (само слово отмечено у Срезневского⁴, в трех «Словарях Академии Российской» и др.). «Большой Академический словарь», отмечая значение «связанный с религией, церковью (противоп. светский)», указывает оттенок – «написанный, сочиненный на религиозную тему, библейский сюжет»⁵. Разумеется, дифференциация семантики, связанная с реальным употреблением прилагательного *духовный*, включала на протяжении XIX века значение, реализуемое в сочетаниях *духовные песнопения*, *духовные стихи* и под., но самостоятельного характера не носила и входила в более общие значения. Терминологический статус этим словом получен лишь в XX веке.

Применительно к данному типу оды Державин использует в основном прилагательные в традиционных для его времени значениях, без неологизации: «Все же таковые понятия изъявляет [поэт] *простым, чистым, сокрушенным* (Курсив здесь и далее наш. – Д.Р.) сердцем или *пламенным* восторгом, даже иногда как бы во исступлении, из *бренной* плоти исторгаясь, воскрыляется душой в лик ангелов»⁶. «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского в основном фиксируют подобную семантику: *простой* – «свободный; простой, понятный»⁷, *чистый* –

⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В: 4-х т. М., 1989. (Репринт 1893 – 1912). Т. 1. С. 747.

⁵ Большой академический словарь русского языка. М.-СПб., 2004 – ... Издание продолжается. Т. 5. С. 450. Далее БАС III.

⁶ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. Публикация В.А. Западова // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 291.

⁷ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. С. 1582.

«ясный; прямой, откровенный; неоскверненный»⁸, *сокрушенный* – «опечаленный (сокрушенное сердце, мысль)»⁹, *бренный* – «бренный, смертный»¹⁰. Прилагательное *пламенный*, по «Материалам...» Срезневского, имеет значение «огненный»¹¹, однако «Словарь русского языка XI-XVII вв.» дает и переносное значение, известное к XVIII веку – «пылкий, страстный»¹².

Духовную оду Державин называет также *богочтимельной*¹³. Прилагательное не приобрело терминологического характера и употреблено с обычной для XVIII века семантикой «чтущий бога» (у Срезневского в этом значении зафиксированы 3 слова: *богочтимый*, *богочтец* и *богочтица*¹⁴).

«В *героической* оде, – пишет Державин, – восхищенный лирик удивляется или сорадуется душевным или телесным качествам прославляемого им героя или героини; одобряет и хвалит их заслуги, поощряя и впредь к добродетелям; превозносит великодушие, мужество и благость в действиях, смелость и благоразумие в предприятиях»¹⁵. Прилагательное *героический* (русское соответствие французскому *héroïque* или немецкому *heroisch*), по данным «Словаря русского языка XVIII века», присутствует в письменных текстах с 1694 года в формах *ироический*, *ероический*, *героический*. На протяжении XVIII века у него сложилось терминологическое

⁸ Там же. Т. 3. С. 1532.

⁹ Там же. Т. 3. С. 726.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 185.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 185.

¹² Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – ... М., 1975 – ... (Издание продолжается). Вып. 15. С. 72.

¹³ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 292.

¹⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. С. 137.

¹⁵ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 292.

литературоведческое значение «повествующий о героях и их подвигах»¹⁶. Державин использовал уже сформировавшееся значение и своей работой поддержал терминологический статус данной семантики. В современном русском языке такая семантика сохраняется: «Связанный с изображением героя, героев, их подвигов в произведениях литературы и искусства. // Повествующий о подвигах героев древности»¹⁷. Терминологическая сочетаемость, представленная в «Литературной энциклопедии», такова: *героический эпос, героические сказания, героическое стихотворение, героическая ода, героический характер, героический портрет*¹⁸.

«В *философической* оде плененный стихотворец красотою добродетели или пораженный гнусностью порока изъявляет благорасположение свое к первой и отвращение от другой»¹⁹. Согласно Срезневскому, *философствовать* – «размышлять», *философский* – «1. Разумный, мудрый. 2. Богословский. 3. Свойственный философу. 4. Ораторский»²⁰. Державин использует как терминологическое одно из общезыковых значений прилагательного. Аналогичное его использование наблюдается и в наши дни: терминологического литературоведческого (или эстетического) характера ни одно значение не приобрело. Форма *философический* существовала в течение всего XIX века наряду с *философский*; в конце века устарела (МАС отмечает ее в произведениях Горького, Словарь под ред. Д.Н. Ушакова приводит как архаическую).

¹⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1 – ... Л.-СПб., 1984 – ... (Издание продолжается). Вып. 5. С. 108.

¹⁷ БАС III. Т. 4. С. 94.

¹⁸ Литературная энциклопедия. В: 9-ти т. М., 1964 – 1978. Т. 1. С. 144 – 145.

¹⁹ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 294.

²⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 1355.

«Общежительные оды могут быть различного содержания: *веселые, роскошные, задумчивые и печальные*. – В них стихотворец, роскошствуя в лоне удовольствий, воспекает младость, радость, пиры, игры и смехи, как Анакреон; или, утопая в пучине горести, оплакивает, как Юнг, потерю своих родных и прочее»²¹. Прилагательное *общежительный* с терминологическим значением «отражающий разные стороны повседневной жизни, быта, обихода» является семантическим неологизмом Державина. У Срезневского зафиксировано только церковное значение «общежительный монастырь»²². Первый и второй Академические словари этого слова не приводят, в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года прилагательное *общежительный* дано с отсылкой к *общежитию* («относящийся к общежитию»), которое в свою очередь трактуется как «общественная жизнь»²³. Являясь калькой с французского, *общежительный* у Державина акцентирует не сему «совместности жизни», а сему «повседневности жизни», т.е. включения в произведение событий обычной жизни любого человека. С актуализацией этой семы слово *общежитие*, по данным БАСа III, использовал В.А. Жуковский²⁴. Очевидно, что терминологическое значение за прилагательным не закрепилось, к XX веку оно устарело во всех значениях.

В качестве характеристик общежительной оды Державин использует прилагательные с традиционными значениями, отмеченными позднее И.И. Срезневским в

²¹ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 295.

²² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. С. 579.

²³ Словарь церковнославянского и русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук: В 4-х т. Т. 3. СПб., 1847. С. 38.

²⁴ БАС III. Т. 13. С. 395.

памятниках русской письменности: *веселый, роскошный* (у Срезневского отмечено существительное *роскошница* – любительница роскоши)²⁵, *печальный* (Срезневский отмечает 5 значений этого прилагательного²⁶). Исключение составляет только прилагательное *задумчивый* – неологизм XVIII века. По замечанию В.В. Виноградова, это слово «возникло в русском литературном языке в XVIII веке и было связано с его простым и средним стилями. <...> Прилагательное *задумчивый* стало в 10–30-х годах XIX столетия излюбленным словом так называемой романтической литературы. Экспрессия этого слова сгустилась, его смысловой вес увеличился. В нем выступили новые оттенки: мечтательный, отличающийся глубокой сосредоточенностью, молчаливо-замкнутый в себе (и несколько загадочный). Слово *задумчивый* стало применяться как эпитет к очам, глазам, голове, лицу и т.д.»²⁷.

Первоначальное значение – «предающийся думам, погруженный в себя, в собственные переживания», которое мы и встречаем у Державина, сохранилось в языке как первично номинативное, но терминологического статуса не приобрело.

Немецкий эквивалент определения *общежительный* применительно к оде дал Державину возможность использовать кальку *смешанный*: «Ода *смешанная* – та же самая и общежительная, о коей говорилось выше. ... в ней одной стихотворец может говорить обо всем. Похваляя героя, прославлять бога; описывая природу, проповедовать нравоучение и проч.»²⁸. Прилагательное *смешанный* образовано от глагола *смешать*, который задолго до XVIII

²⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 166.

²⁶ Там же. Т. 2. С. 924.

²⁷ Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 186 – 187.

²⁸ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 302.

века обозначал не только «процесс смешивания», т.е. некий физический акт, но и вообще «соединение разнородных элементов»²⁹. Литературоведческая терминологизация в языке не прижилась, однако применительно к творчеству самого Державина определение *смешанная ода* является весьма частотным в современной филологической науке. Как оригинальное и едва ли не единичное явление в истории нашей литературы ода Державина, построенная на смешении лексики всех «штилей» и нарушающая каноны классицизма, получила собственное именование, данное самим автором.

Прилагательное *размыслительный* Державин переводит с немецкого оригинала Зюльцера и Гецеля, поясняя, что «она есть та же самая, что и философическая, или *моральная*; но поелику сии эстетики ничего не говорят о духовной, всеми филологами принимаемой, то и нужно кажется допустить в нее не токмо философические, но и *богословские* мысли»³⁰. У Срезневского прилагательное *размыслительный* не отмечено (имеется слово *размысливый* – «способный размышлять»), но производящий глагол с соответствующим значением зафиксирован: *размыслити* – «обдумать, рассудить»³¹. Форма *размыслительный* приводится «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в единственном контексте конца XVII века (также переводного характера) со значением «мыслительный, относящийся к размышлению»³². У Даля отмечено слово *размысливый* в сочетании *размысливая голова* – «умный, смекалистый человек»³³. Прилагательное языком не

²⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 768.

³⁰ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 296 – 297.

³¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 47.

³² Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 - ... М., 1975 – ... (Издание продолжается). Вып. 21. С. 222.

³³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994. (Репринт 1903 – 1909). Т. 3. С. 1533.

сохранено, существует как потенциальное слово, терминологических свойств не реализовало.

Прилагательное *моральный* – французское заимствование XVIII века, против которого активно выступал А.С. Шишков. У Державина оно используется со значением «проповедующий правила нравственности, наставительный, нравоучительный». Слово *моральный* в теории литературы не стало термином, зато в последующую эпоху от исходного корня образовались прилагательные, занявшие терминологическую нишу в литературоведении и эстетике – *моралистический* и *морализаторский*. Прилагательное *моралистический* впервые зафиксировано в БАС I и воспроизведено в БАС III с семантикой «относящийся к морализму, моралистам, связанный с ними; нравоучительный, назидательный»³⁴. *Морализаторский*, как указывает БАС III, впервые отмечено в «Новых словах и значениях 1984» и имеет семантику «содержащий проповедь строгой морали; поучающий»³⁵. Оба прилагательных активно сочетаются со словами *литература*, *произведение*, *критика* и под. (см. контексты названного выше словаря). Кроме них, XX век дал от того же корня слово *моралистика*, активно развивающее второе значение – «совокупность нравоучительной литературы», словарями пока не зафиксированное, но активно употребляющееся в специальных текстах литературоведческого и литературно-критического характера.

Слово *богословский*, представляющее собой древнюю церковнославянскую кальку с греческого оригинала, бытовало в языке, по данным Срезневского, начиная с Изборника 1076 года как сложное слово со значением объединенных корней – «говорящий слова о Боге»³⁶.

³⁴ БАС III. Т. 10. С. 395.

³⁵ Там же. С. 394.

³⁶ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. С. 136.

«Словарь русского языка XI-XVII вв.» отмечает семантику «относящийся к богословию» в контекстах 1670 года³⁷. Державин использует прилагательное в традиционном для его времени значении, которое сохраняется в русском языке и ныне: «связанный с церковным учением о Боге и догматах религий»³⁸. Прилагательное развило терминологические потенции: *богословские книги*, *богословская литература*, *богословская проблематика*.

«*Фантастическая* ода, – по мысли Державина, – описывает природу»³⁹. В другом месте своего трактата поэт графически видоизменяет прилагательное – *фантастическая* и поясняет, что эта ода именуется также *вообразительной* или *описательной*⁴⁰. Прилагательное *фантастический* (*фантастический*) – заимствование из немецкого (из упоминавшихся работ по эстетике Зюльцера и Гецеля), прилагательное *вообразительный* – перевод этого немецкого слова, имеющего греческий по происхождению корень *phantas-*.

Слово *фантастический* с течением времени расширило свою семантику, включив не только значение «отражающий игру воображения, причудливый, удивительный», но и «не существующий в действительности», «несбыточный, неосуществимый»⁴¹. В терминологическом поле литературоведения употребляются жанровые определения *фантастический роман*, *фантастический сюжет* и под.; из греческого (возможно, с учетом названного прилагательного) позднее переведено слово *фантастика* с терминологическим

³⁷ См.: Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1. С. 267.

³⁸ БАС III. Т. 2. С. 88.

³⁹ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 298.

⁴⁰ Там же. С. 290.

⁴¹ Словарь русского языка. В: 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М., 1999. Т. 4. С. 552. Далее МАС.

значением «литературное произведение, описывающее вымышленные, сверхъестественные события, явления»⁴².

Прилагательное *вообразительный* – неологизм XVIII века, отмеченный «Словарем русского языка XVIII века» в текстах Карамзина, Радищева, публикациях «Московского журнала» 1790-х годов. Мотивирующий глагол *вообразить* («придать образ, изобразить») зафиксирован Срезневским⁴³. В XVIII веке прилагательное имело два значения: «1. Могущий быть представлен в мысли. 2. Основанный на воображении, фантазии; воображаемый, не существующий в действительности»⁴⁴. Кроме того, отмечается устойчивое сочетание *вообразительная сила*, употреблявшееся в контекстах эстетического характера со значением «творческое воображение, сила творчества»⁴⁵. Слово в языке не прижилось. Академическим словарем 1847 года оно еще зафиксировано со значением «способствующий к воображению»⁴⁶, но в более поздних толковых словарях отсутствует.

«*Чувственная* ода изливает нежные, трогательные чувства»⁴⁷. Прилагательное *чувственный* фиксируется Срезневским в трех значениях, одно из которых соответствует контексту – «удовлетворяющий чувства»⁴⁸. Слово функционирует в языке до настоящего времени, терминологического значения не имеет. Для объяснения содержания этого типа оды Державин соединяет два новообразования XVIII века: исконно русское *нежный* (от

⁴² Там же.

⁴³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. С. 393.

⁴⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. С. 61.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1. С. 137.

⁴⁷ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 299.

⁴⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. С. 1546.

церковнославянского *нега*), известное с 1730-х годов, и семантическую кальку с французского второй половины столетия – *трогательный*.

Последний тематический тип оды Державин называет *перекличной*, или *амбеической*: «... поэт, представляя два лица, заставляет их перекликаться, спорить или говорить между собою...»⁴⁹. Прилагательное *перекличный* зафиксировано в Академическом словаре 1847 года с семантикой «1. Относящийся к перекличке. 2. Попеременно возглашаемый. *Перекличное пение двух хоров*»⁵⁰. Даль приводит в статье *перекличка* словосочетание *перекличная пора* без уточнения значения⁵¹. Литературоведческое значение «написанный в форме диалога, разговора и под.» за словом не закрепилось. К концу XIX века прилагательное вышло из употребления: толковые словари XX столетия его уже не фиксируют (Ушаков, МАС, БАС).

Прилагательное *амбеический*, заимствованное Державиным из трудов немецких авторов, представляет собой образование от латинского корня *ambo-*, восходящего к греческому *amphi-*, означающему «вокруг, с обеих сторон» (отсюда же – *амбивалентный*), т.е. это прилагательное буквально подчеркивает двоичный характер, двойственность формы, выражающей содержание оды. Это заимствование не сохранено русским языком. Вероятнее всего, оно изначально носило авторский, окказиональный характер («Словарем русского языка XVIII в.» данное слово не зафиксировано). В литературоведческой терминологии функционирует другое заимствованное прилагательное – *диалогичный* и существительное *диалог* как обозначение жанра (*диалоги Платона* и под.).

⁴⁹ Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 299.

⁵⁰ Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 3. С. 184.

⁵¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994. (Репринт 1903 – 1909). Т. 3. С. 141.

Значительное количество прилагательных Державин использует при характеристике «школярского разделения» од (под таким делением Державин понимает «преподаваемые господами учеными» студентам различных учебных заведений классификации видов лирической поэзии). В этом разделе трактата присутствуют только грецизмы: *генетлиатический* (точнее – *генетлиаческий*) – на день рождения, *эпиталамический* – на бракосочетание, *апобатерический* – на отъезд, *эпобатерический* – на возвращение, *сотерический* – на выздоровление и под. Державин отвергает подобную типологию из-за ее безграничности. В основном тексте трактата он эмоционально восклицает: «Вот нелепица!»⁵². В замечаниях на полях остались такие его слова: «...удивительны мне кажутся те господа ученые, которые каждому случаю, или происшествию, чают особые оды <...> ...греки имели на многие случаи оды или песни, но это не то, чтоб в них заводить правила... на всякие происшествия, которые суть бесчисленны...»⁵³. Все приведенные в «школярском разделении» заимствованные прилагательные остались исключительно в ученых трудах XVIII в. (см., например, «Правила пиитические...» (М., 1774) А.Д. Байбакова, «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) В.К. Тредиаковского).

Сам Державин предлагает классификацию лирических произведений по именам создателей новых жанров и литературных традиций: «Таким образом распознаются зодчие и ваятели по их характерам, привычкам и вкусам, – то для чего бы, кажется, не различить и не распределить и лирических поэм по именам их славных мастеров, не говоря о их содержаниях... Например, оставя духовные неприкосновенными, для чего бы не назвать героической, или

⁵² Державин Г.Р. Продолжение о лирической поэзии. Часть 4-я. С. 304..

⁵³ Там же. С. 315 – 316.

похвальной оды – *тиндарической*? философической, или размыслительной – *гораццианской*? страстной, или пламенно-любовной – *сафической*? роскошной, или веселошутливой – *анакреонтической*? меланхолической, или военноунылой – *оссиянской*? – применяясь к почерку, или вкусу их...»⁵⁴.

Из данной группы прилагательных определенная часть вошла в русский язык и терминологию литературоведения:

анакреонтический – «воспевающий земные радости»⁵⁵; неологизм XVIII века, впервые лексикографически зафиксирован в 1-ой части «Нового словотолкователя...» Н. Яновского 1803 года. По данным «Словаря русского языка XVIII века», первые переводы французского *anacreontique* встречаются у Державина и Востокова в специальных литературоведческих контекстах⁵⁶. Прилагательное получило широкое распространение после издания в 1804 году сборника стихотворений Г.Р. Державина «Анакреонтические песни»; сочетаемость – *песни, оды, стихи, лирика*;

сафический (сапфический) – в сочетании *сапфическая строфа* – «в античной лирике и ее имитациях строфа из трех 11-сложных и 5-сложного стихов логаздического строения»⁵⁷; неологизм XVIII века, является узкоупотребительным литературоведческим термином, толкуется в специальных и энциклопедических словарях.

Прочие прилагательные лексикографически не зафиксированы, – следовательно, не имеют устоявшегося узусуального статуса, представляя собой частные отантропонимные производные с элементарным значением «относящийся к ...». Исключение составляет прилагательное *гораццианский*, которому свойствен терминологический потенциал в двух семантических направлениях:

⁵⁴ Там же. С. 305.

⁵⁵ БАС III. Т. 1. С. 188.

⁵⁶ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. С. 64.

⁵⁷ Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1997. С. 1061.

1) «переведенный из Горация, написанный в подражание Горацию» (это значительная и представительная литературная традиция России), 2) «элегический, исполненный размышлений, рефлексирующий» (отсюда существительное *горацианство*, активно используемое в литературоведении с 1980-х годов). Видимо, это слово целесообразно включать в массовые и специальные лексикографические издания.

В «Словаре русского языка XVIII века» (это единственная фиксация) прилагательное *горацианский* приведено как специальное литературное в устойчивом сочетании *горацианская строфа* (разновидность стихотворной строфы, имеющей четыре дактилические рифмы) с иллюстрациями из Тредиаковского и Байбакова⁵⁸.

Трактат Державина «Рассуждение о лирической поэзии» в языковом отношении является весьма показательным документом 1810-х годов. Делая попытку обобщить опыт XVIII века (в области заимствования, перевода и создания собственных литературных терминов и характеристик), он стоит у самого начала современного метаязыка литературоведения и эстетики. В Предисловии к Академическому Словарю 1847 года о Державине сказано: «... он не мог, подобно Карамзину, <...> действовать успешно на стихотворный слог и привести в единство разобщенный способ изложения других поэтов»⁵⁹. Это справедливо и для его теоретических работ. Тем не менее, они представляют интерес как важнейшее звено связи эпохи накопления научного опыта (XVIII век) с периодом его разумного приумножения (вторая половина XIX века).

⁵⁸ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. С. 166.

⁵⁹ Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1. СПб., 1847. С. VI.

**Иностранное слово как интертекстуальный элемент
в «Рассуждении о старом и новом слоге российского
языка» А. С. Шишкова**

1. Постановка вопроса. Проблема интертекстуальности – одна из наиболее активно изучаемых в современной стилистике (см. работы И.В. Арнольд, А.И. Горшкова, Ю.М. Лотмана, В.А. Лукина и мн. др.). Условимся понимать под интертекстуальностью, вслед за И.В. Арнольд, «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций»¹. А.И. Горшков предпочитает использовать терминологическое сочетание «межтекстовые связи»². Проблема эта возникла под влиянием идей М.М. Бахтина о диалогической природе любого текста: текст – диалог автора со всей предшествующей и современной ему культурой³. Сам же термин «интертекстуальность» был введен в научный обиход в 1966 – 1967 годах Ю. Кристевой в ее работе о Бахтине; идя за Бахтиным, она понимает явление интертекстуальности весьма широко: «<...> любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста»⁴.

¹ Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. С. 346.

² Горшков А. И. Русская стилистика. М., 2001. С. 76 – 77.

³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 87.

⁴ Кристева Ю. Избр. труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 167.

В задачу настоящей статьи не входит анализ различных современных подходов к изучению интертекстуальности, оценка их продуктивности. Наша цель – показать некоторые возможности и пути изучения интертекстуальности в аспекте истории языка, в частности, в аспекте исторической стилистики. Что дает изучение межтекстовых связей для понимания эволюции стилистической системы? В этом мы видим собственно лингвистический, или историко-стилистический, аспект изучения межтекстовых связей.

Очевидно, что наиболее наглядные и яркие проявления интертекстуальности можно обнаружить в научном тексте, особенно в научно-полемическом, хотя бы потому, что научный текст дает примеры явного цитирования. Рассматриваемая нами эпоха – начало XIX века – это время формирования научного и других функциональных стилей современного русского литературного языка. Вот почему привлечение материалов известной полемики о слоге между шишковистами и карамзинистами представляет большой интерес для изучения феномена интертекстуальности. Эти сочинения стоят на стыке науки и публицистики, стоят у истоков стилей современного русского литературного языка, изобилуют явными и скрытыми цитатами и содержат в себе практически все виды интертекстуальных вкраплений, выделяемых современными классификаторами – от отдельных слов и выражений до пародий (текст в тексте); в этих текстах сочетаются и современные принципы научного цитирования (вплоть до сносок и постраничных примечаний) с приемами интертекстуальности, характерными в большей степени для художественной речи.

Филологический текст представляет в этом отношении особый интерес еще и потому, что он ориентирован на анализ и интерпретацию других текстов – художественных и нехудожественных; чужой текст является непосредственным **объектом филологического изучения**. Способы и формы интертекстуальных вкраплений в

филологический текст весьма разнообразны и заслуживают пристального внимания. Метаязык филологической науки может то сближаться со своим объектом – художественным текстом, – то удаляться от него, и это напрямую связано с характером межтекстовых связей.

2. Лексико-фразеологическое цитирование. Особенно интересно проявление интертекстуальности на лексико-фразеологическом уровне, в виде отдельных лексических и фразеологических вкраплений в текст элементов других, чужих текстов. Материалом для наших наблюдений стал трактат А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка»⁵. Для интертекстуальных лексико-фразеологических элементов в анализируемом тексте условно можно принять наименование «лексико-фразеологические карамзинизмы». Прежде всего, необходимо выделить в произведениях Карамзина и карамзинистов лексико-фразеологические пласты, которые не маркированы в их сочинениях как чужеродные, но в то же время составляют наиболее характерную стилиобразующую особенность этих текстов. Такими стилиобразующими лексическими элементами являются европеизмы и кальки (*дамы, элганс, вкус, тонкий, трогательный, влияние, предмет* и т. п.), на фразеологическом уровне – генитивные конструкции (*кандидат авторства, потребность души, орган души, гроб дарования, цветы слога, друг словесности* и проч.) и определительные сочетания существительного с эпитетом (*тонкий вкус, тонкие идеи, пылкое воображение, чувствительное сердце* и т. п.). Рассмотрим интертекстуальные функции этих лексико-фразеологических единиц в сочинении А.С. Шишкова.

⁵ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803. В дальнейшем при цитировании этого издания в скобках указывается страница. Текст передается в современной орфографии.

Карамзинизмы в «Рассуждении» Шишкова достаточно многочисленны, что объясняется вообще большим количеством цитат из Карамзина и др. авторов-карамзинистов. Все лексико-фразеологические карамзинизмы могут быть условно разделены на две группы: карамзинизмы, включенные в текст в неизменном виде, и карамзинизмы, подвергшиеся формально-семантической трансформации. Начнем рассмотрение с нетрансформированных карамзинизмов, постепенно переходя к более сложным случаям интертекстуального оформления.

1) Нетрансформированное включение: *Кандидат авторства*. У А.П. Сумарокова было «Наставление хотящим быти писателями». Карамзин, создавая статью на ту же тему, вероятно, подыскивал этой громоздкой «славенской» формуле (*хотящим быти писателями*) эквивалент, и нашел полностью соответствующий духу своей стилистики генитивный оборот: *кандидат авторства*. Шишков даже не комментирует эту формулу, он ее просто воспроизводит, снабжая скобочным восклицанием: «(... Из великого множества приведенных в сем сочинении выше и ниже сего примеров, ясно видеть можно, какую приятность и какое приращение получил язык наш!). *Русский кандидат авторства* (вот и доказательство тому!) *недовольный книгами должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры*» (151 – 152).

2) Формальная трансформация: *Элеганс*. Неоднократно встречаются в «Рассуждении» карамзинские *варваризмы* (европеизмы, оставленные без перевода и нередко нетранслитерированные). Излюбленным стало в сочинении Шишкова словечко *élégance*. Впервые оно появляется в прямой цитате из Карамзина, в пассаже о том, что «в наше время <...> образуется приятность слога, называемая французами *élégance*» (3). И далее комментарий Шишкова: «Правда, ежели французское слово *élégance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы

действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование этого слова» (4).

Второе появление слова все еще в нетранслитерированном виде и в составе той же карамзинской цитаты, только теперь раскавыченной. Прочитировав отрывок из «Петра Великого», Шишков восклицает: «Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после этого *несомненной истине* писателей наших, что ныне токмо образуется приятность слога, называемая французами *élégance*! (здесь и далее подчеркивания в цитатах наши, а курсив авторский — П.С.) (17). Здесь карамзинские «приятность» и «*élégance*» противопоставлены «сладкогласию и чистоте» ломоносовского слога, и на уровне формальной подачи интекста — варваризм *élégance* стилистически противопоставлен «славянской» двучленной формуле «сладкогласие и чистота».

Шишков постепенно приучает читателя к «элегансу», и вот варваризм появляется уже в транслитерированном виде, да еще и с разговорным окончанием –у (Р. ед.): «Вот беда для них, когда кто в писаниях своих употребит слова: *брашно, требище, рясна, зодчество, доблесть, прозябать, наитствовать* и т. п., которых они сроду не слыхивали, и потому о таком писателе с гордым презрением говорят: *он педант, провонял славениною и не знает французского в штиле элегансу*» (28 – 29). Заметим, что присоединение разговорной флексии –у к иноязычным основам было весьма типично для сатирических текстов, высмеивающих щегольской жаргон, для пародийных произведений. Ср. в шутотрагедии И.А. Крылова «Трумф»: «Чернавка, милая, петиту нет совсем; / Ну что за прибыль есть, коль я без вкуса ем? / Сегодня поутру и то совсем без смаку / Насилу съесть

смогла я с сигом кулебяку»⁶. Слово *смак* – тоже европеизм, но уже вполне адаптированный к началу XIX века. «Русифицированный» варваризм оказался в окружении других разговорных форм (*вкусу, смаку*), разговорных наречий (*поутру, насилу*), разговорного фразеологизма (*что за прибыль*). То же контекстуальное окружение и у Шишкова (ср. разговорные слова и формы: *сроду, не слыхивали, провонял*).

В другом месте карамзинизм является в составе антитезы и риторического восклицания: «Итак, с одной стороны, в язык наш вводятся нелепые новости, а с другой – истребляются и забываются издревле принятые и многими веками утвержденные понятия: таким-то образом процветает словесность наша и образуется приятность слога, называемая французами *élégance!*» (47).

Антитеза — основной стилистический маркер, с помощью которого Шишков оформляет интекст *элеганс*. Ср., например, следующий риторический блок. Цитата из Карамзина, оформленная курсивом: «*Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге, переправляли, так сказать, школьную свою риторику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему*» (166). Шишков не соглашается: «Французские писатели познавали и исправляли погрешности свои от суждения об них других писателей; Волтер судил Корнелия и Расина, Лагарп рассматривал Волтера и т. д. Всякий из них один на другого делал свои замечания, доказывал, что в нем худо и что хорошо, разбирал каждый стих его, каждую речь, каждое слово. Сверх сего многие и самые лучшие писатели поправляли сами себя, и в новых изданиях их все сии перемены напечатаны, так что читатель, с великою для себя пользою, может сличить старую и новую мысль сочинителя.

⁶ Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль XVIII – начала XIX века: В 2 т. / Вступ. статья, подгот. текста, примеч. А.А. Гозенпуда. Т. 1. Л., 1990. С. 636.

Отсюда рождался общий свет для всех, язык получал определение и чистоту, словесность процветала. Но мы где рассуждали о сочинениях своих? <...> Кто вподлинну захочет двадцать лет рыться в книгах, писать и бросать в огонь свои сочинения, доколе не почувствует их достойными издания в свет, когда ясно видит, что попечение его будет тщетно; что и читателей таких мало, которые бы двадцатилетний труд его могли распознать с однолетним; и что к совершенному упадку прекрасного языка нашего отчасу более распространяется зараза называть некую чуждую и несвойственную нам нескладницу приятностию слога и элегансом? (167 – 170).

В этом риторическом блоке *элеганс* появляется у Шишкова как реминисценция. Он цитирует фрагмент из Карамзина («*Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге* <...>»), где слово-стимул *приятность* немедленно воскрешает в сознании Шишкова *элеганс*. К тому же, включенный здесь Карамзиным в бинарную формулу компонент *тонкость* может рассматриваться как калькирование французского *élégance*, и Шишков откликается на карамзинский пассаж своими двучленными формулами, выстраиваемыми как антитеза: *определение и чистота* слога (как положительное качество) — *приятность и элеганс* (как отрицательное или, по крайней мере, сомнительное). Так карамзинизм *элеганс* достигает высшей степени стилистической адаптации в сочинении Шишкова, оказавшись включенным в его фразеологические серии (двучленные формулы) и выйдя за пределы цитаты.

Интересно в этом контексте и столкновение разных значений слова *свет*: у Карамзина *свет* – ‘общество’ (*переправляли, так сказать, школьную свою риторику в свете*), у Шишкова *свет* – ‘просвещение’ (*Отсюда рождался общий свет для всех, язык получал определение и чистоту*).

3) Синонимизация. На то, как Шишков переводит на «нормальный» язык некоторые «кудрявые» фразы

карамзинистов, внимание обращали неоднократно; писали исследователи и об аналогичных (уже пародийных) переводах «карамзинизмов» «шишковизмами» (*Франт в калошах идет по бульвару из цирка в театр – Хорошилице в мокроступах грядет по гульбищу из ристалища на позорище* и т. п.). Но гораздо интереснее то, что подобные синонимические замены встречаются не только в пародийных контекстах, но и в метатексте «Рассуждения» А.С. Шишкова, т. е. в собственно аналитической части его сочинения. Ср. у Карамзина: «Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование. – То есть какую-то особенную деятельность душевных способностей. – Но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света» (143). – У Шишкова: «Писателю необходимо надлежит соединить в себе природное дарование и глубокое знание языка своего; первое снабждает его изобилием и выбором мыслей, второе – изобилием и выбором слов» (145 – 146). У Карамзина – *ум, образованный логикою и тонкий вкус*, у Шишкова – *острый ум и познание в краткости, красоте и силе слога* (там же); или далее: «Кто при остроте ума и природных дарованиях в языке и красноречии силен будет, тот по всякому пути, какой только изберет себе, пойдет достолепно» (147). Шишков, таким образом, игнорирует *тонкий вкус*, заменяя его *знанием языка, силой в языке и красноречии*. Показателен и ритмико-синтаксический контраст: у Карамзина фактически открытый однородный ряд (*не только дарование = но и исторические сведения, ум, тонкий вкус, знание света*) – у Шишкова замкнутая двучленная структура, придающая фразе семантику определенности (*природное дарование и знание языка своего*; и далее: *первое снабждает его изобилием и выбором мыслей, второе изобилием и выбором слов*). У Шишкова все здесь построено на излюбленных им двучленных формулах: *природное дарование и знание языка, изобилие и выбор, слова и мысли*. У Карамзина – слова с

семантикой неопределенности: собственно так называемое дарование. – То есть какую-то особенную деятельность душевных способностей. Бинарная же формула по самой своей природе имеет значение определенности, полноты, исчерпанности⁷.

Если при скрытой синонимизации Шишков, производя замену *автора* на *писателя*, *сирен* на *женщин* и т. п., не акцентирует внимание на этих заменах, то в других случаях он прибегает к открытой синонимизации, специально обращая внимание читателя на произведенную замену. Например, А.С. Шишков, повторив карамзинский европеизм (*милые дамы*) не только в цитате, но и в собственном тексте, сразу же предлагает ему целый ряд синонимических замен (*женщины, барыни, барышни*), призванных продемонстрировать богатство русского языка: «Милые дамы, которых надлежало бы только подслушать, чтобы украсить Роман или Комедию любезными, щастливыми выражениями, пленяют нас не русскими фразами» (Карамзин, 155). У Шишкова: «Милые дамы, или, по нашему грубому языку, женщины, барыни, барышни, редко бывают сочинительницами, и так пусть их говорят, как хотят. А вот несносно, когда господа писатели дерут уши наши не русскими фразами» (156).

Любопытно, что карамзинский пассаж о *«милых дамах»*, *«пленяющих нас не русскими фразами»*, *«не читающих русских книг»*, получил и дальнейшее интертекстуальное развитие. Весьма своеобразно возвращается к пассажиру о *милых дамах* П.И. Макаров: с одной стороны, он подхватывает шишковскую замену *женщины*, но здесь же

⁷ См.: Семенов П.А. Бинарные формулы-тождесловы и градационные триады в сочинении А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. научных трудов памяти З.М. Петровой / Отв. ред. И.А. Малышева. СПб., 2007. С. 317 – 330.

именует их *Грациями* и *Делиями*, иронически сталкивая таким образом «карамзинизм» и «шишковизм»: «Вместо жалоб, что мы не любим своих обычаев, лучше бы приложить несколько переводов из тех французских романов, которые наполнены разговорами людей большого света; или из тех легких сочинений, которыми замысловатая Вольтерова Муза пленяла любезных Парижских Граций; тогда читатели уверились бы, что старинный наш язык достаточен для выражения каждой мысли. <...> Похвалы Аристархов приятны самолюбию, но похвалы Делий несравненно милее сердцу. Лавры из нежных рук женщины любезной всегда были почитаемы за драгоценнейшую награду, за украшения и для шлема рыцаря, и для блистательного венца повелителя народов. Если язык книжный отделился, если он не следует за переменами в обычаях, во нравах и понятиях, то весьма скоро делается темным. Уже теперь мы едва понимаем *Песнь Игорю*, а через несколько веков еще никто не будет в состоянии перевести ее. Люди, которым не дозволили обстоятельства предаться долговременному учению, а особенно женщины, не станут читать»⁸. Обратим внимание и на фразеологическое строение этого фрагмента: здесь происходит разрушение фразеологической структуры «Рассуждения» Шишкова и его перевод в карамзинскую стилистику. У Шишкова предикативные формулы исконно русского происхождения, скрепляющие весь соответствующий фрагмент: *стыдно и жаль, да пособить нечем; пусть их; дерут уши*; у Макарова в соответствующем интексте — фразеологические серии, состоящие из эпитетов и генитивных метафор: *замысловатая Вольтерова Муза; любезные Парижские Грации; Лавры из нежных рук женщины любезной* и т. п.

3. Выводы.

⁸ Библиотека русской критики: Критика первой четверти XIX века / Авт.-сост. М.Л. Майофис, А.Р. Курилкин. М., 2002. С. 65 – 66.

Лексико-фразеологическую интертекстуальность, в отличие от интертекстуальности гиперсинтаксической (т. е. в отличие от явного и скрытого цитирования целых фрагментов чужого текста), можно сравнить с ювелирной работой, идущей на микроскопическом уровне: это сложная инкрустация в собственный текст отдельных чужеродных лексико-фразеологических элементов, при сохранении стилистического единства, целостности собственного текста и индивидуального стиля. Поэтому проанализированные выше примеры лексико-фразеологического цитирования ставят перед нами еще один важный вопрос: где граница между интертекстуальностью и стилизацией (стилистическим подражанием, стилистическим влиянием одного текста на другой).

На наш взгляд, именно изучение научного текста дает возможность провести такую грань. В научном тексте лексико-фразеологическая и лексико-синтаксическая цитация чужого текста вряд ли может представлять собой элемент стилистического влияния; для научного стиля почти не характерно эстетическое отношение к слову, артистизм, что и дает возможность каким-то образом увидеть различие между интертекстуальностью и стилизацией в их наиболее чистых, типичных проявлениях (не забывая при этом, что промежуточные формы всегда возможны, что и научный стиль порой не чужд художественности, что и ученому, а тем более ученому-публицисту, ученому-полемисту, свойственно чувство стиля и эстетическое отношение к слову). Таким образом:

1) При интертекстуальности всегда происходит *смена субъекта речи*, но не полная, а частичная: один субъект (автор вторичного текста) транслирует нам речь другого; при стилистическом влиянии и стилизации смены субъекта речи не происходит: автор здесь делает чужие слова своими; диалогических отношений при этом не возникает. Точнее, правда, в этом случае говорить не об авторе, а об *образе*

автора, по Виноградову, о проявлении «литературного артистизма автора»⁹ и т. п.

2) Вероятно, явление интертекстуальности следует сузить до случаев **цитатного использования** элементов другого текста; иными словами, интертекстуально все то, от чего автор интеллектуально-логически или стилистически дистанцируется, то, что так или иначе маркировано в его тексте как инородный элемент. В любом случае, даже при унисонном цитировании, между позицией автора и позицией другого субъекта речи нет абсолютного тождества, есть некий зазор, который и позволяет нам говорить о **диалогических отношениях**. Нельзя поэтому рассматривать как интертекстуальность повторение некоторых лексико-фразеологических элементов «нового слога» в статьях П.И. Макарова и Д.В. Дашкова: это просто единство стиля мышления и, как следствие, единство языкового выражения — «новый слог». Не следует видеть элементы интертекстуальности и в многочисленных подражаниях, например, «Бедной Лизе» Карамзина; это просто стилистическое влияние одного произведения на другое. Не следует занимать для всех этих случаев термин «интертекстуальность», нагружать его новыми смыслами, делая многозначным. Иное дело — появление элементов «нового слога» в тексте, к «новому слогу» отношения не имеющем, как мы видели это на примере «Рассуждения» А.С. Шишкова, где лексико-фразеологические единицы «нового слога» — элемент интертекстуальности.

3) И еще один, не всегда действующий, не абсолютный, критерий отграничения интертекстуальности от стилизации: интертекстуальность, в отличие от стилизации, и особенно от стилистического влияния, имеет конкретный **текст-источник** (или ряд текстов, но не всю школу, направление,

⁹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 122.

стиль), т. е. про интертекстовое вкрапление, как про цитату, обычно можно сказать, что она пришла в данный текст из такого-то произведения, иначе говоря, можно указать **адрес цитаты** (Библия, статья Карамзина, статья Шишкова, «Бедная Лиза» и т. п.). Чем менее точен этот адрес, тем ближе интертекстуальность подходит к стилизации и стилистическому влиянию.

**«Волшебный блеск чужезычных прелестей»
(к вопросу о языке моды первой четверти XIX века)¹**

Жизнь дворянского общества конца XVIII – начала XIX века характеризовалась увлечением французским языком и культурой, часто пренебрежительным отношением к родному языку. Детей обучали и воспитывали на французском, переписка между образованными людьми велась преимущественно по-французски. Весь трагизм этой ситуации показывает цитата из письма К.Н. Батюшкова, писавшего во время своего пребывания в Италии в 1811 году Н.И. Гнедичу: «Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенек, пахнет татарщиной. Что за ы? что за щ? что за ш, ший, щий, при, тры? О варвары!...»².

Тем значительнее на фоне культурно-языковой традиции, складывающейся под чужим влиянием, представляется деятельность общества «Беседа любителей русского слова» и ее активного участника — А.С. Шишкова. В своей речи, произнесенной на первом заседании общества, он подчеркивает мысль о величии родного языка. «Наш язык есть один из древнейших, из ученийших языков, праотец многим другим. <...> Всякое слово его есть плод размышления, ветвь, рожденная от корени, а не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.», проект № 11-04-00056а.

² Батюшков К.Н. Письмо Н. Гнедичу от 5-го декабря 1811 года // Избранная проза. М., 1988. С. 324.

заимствованный от других языков пустой мыслью звук»³. Свою задачу А.С. Шишков видел «в исследовании всей обширности языка», в «извлечении наружу» «блистающих в нем красот», он призывал «полюбить свое», «тогда пред светом сияния» красот родного языка «померкнет волшебный блеск чужезычных прелестей»⁴.

В воззрениях архаистов языку как воплощению национального начала придавалось решающее значение. «Порча языка непосредственно связывалась с утратой веры и разложением нравов»⁵. Для сохранения обычая надо было противостоять моде, уже в те годы диктовавшейся из Парижа большинству европейских стран. Н.И. Страхов замечал, что «недавно девицы носили платье, а ныне платьем щеголяют; недавно хвалили рукоделие, а ныне моду»⁶. Еще резче звучит приговор Ф.В. Ростопчина от лица дворянина Силы Андреевича Богатырева, приехавшего в Москву: «Господи, помилуй! только и видишь, что молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное — Париж. <...> Старухи и молодые сошли с ума. <...> Одеты как мать наша Ева в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду <...>»⁷.

Для знакомства русской публики с иностранными модами в 1791 году начал издаваться «Магазин Англинских, Французских и Немецких новых Мод», позже, в 1795 году, —

³ Чтение в Беседе любителей русского слова. Кн. 1. СПб., 1811. С. 34.

⁴ Прелесть — это то, «что обольщает в высшей мере», «что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю». Цит. по: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. Ч. 3. М., 1865. С. 40.

⁵ Лотман Ю.М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия // Лотман Ю.М. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1998. С. 234.

⁶ Страхов Н. Мои петербургские сумерки. СПб., 1810.

⁷ Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М., 1807.

«Магазин для распространения общепользных знаний и изобретений» (раздел «Модный журнал»). В журнале «Московский телеграф», превзошедшем со времени своего появления в 1825 году по популярности все иные издания, регулярно рассказывалось о новых нарядах в разделе «Моды». Сообщения о модах часто выходили в форме писем и переводились из соответствующих изданий Парижа, Лондона или Берлина. Постепенно единовластным повелителем мод остался Париж. В «Московском телеграфе» перепечатывались описания модной одежды из французских журналов на французском языке, а ниже публиковался перевод на русский язык.

В первой четверти XIX века сохранялся элитарный характер моды. На модные наряды требовалось тратить огромные состояния, что еще более подчеркивало сословные различия. Мода регламентировала предметы одежды, ее фасон, ткань, детали отделки, цвет, аксессуары (драгоценные камни в украшениях, виды трости для мужчин и др.). Если сравнивать упомянутые журналы конца XVIII века и «Московский телеграф», то можно отметить бóльшую дифференциацию модных предписаний. В «Магазинах мод» описывались моды женские и мужские, а платье нарядное и домашнее. Позже в 20-30-х годах XIX века появилась детская мода, а наряды классифицировались уже на утренние, на «платья на прогулку и для выездов к обеду», на бальные наряды.

Язык публиковавшихся в журналах материалов отличает большое число иноязычной лексики (названия тканей *креп, репс*; предметов одежды *канзу, эшарп*; обозначения цвета *цвет головы негра (tête de nègre), желтый райской птички (jeune-oiseau-de-paradis)*, наличие иноязычных вкраплений (*à la Cagliostro, linon, jeune caroline*)⁸.

⁸ В журналах XVIII века еще встречаются иноязычные вкрапления из английского языка, например, спальный чепец (Duke of York nightcap), в начале XIX века – только из французского.

Замечательной чертой языка моды является восходящая к фольклору традиция употребления слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *кафтанчик, корсетик, галунчик, складочка, башмачок, кругленький, узенький, темненький* и др.⁹ Сложный процесс создания костюма отразился в использовании разветвленной группы приставочно-суффиксальных глаголов — *обишивать, обишиваться, нашивать, подвязать, перевязать, завязываться, прикалываться* и др.

Наиболее многочисленную терминологическую группу лексики в языке моды составляют названия тканей, относящиеся в основном к заимствованной лексике¹⁰. В первой четверти века заимствуются из французского языка названия материй: *бареж (barèges), генгам (guingamp), дофин (dauphine), креп-крепе (crêpe crêpé), органди/органди (organdi), пике (pique), пенс (reps), тюль (tulle)* и др.

В «Словаре русского языка XVIII века»¹¹ в значении «*плотная шелковая ткань, переливающаяся разными оттенками; муар*» представлены варианты *мор, муэр, морь*, а также прилагательное *моровый*, однако эти варианты не сохраняются в языке XIX века. В «Московском телеграфе» франц. *moire* переводится как *морелевая материя*. Возможно, прилагательное *моровый*, совпав с омонимичной формой со значением «*отн. к мору*»; *связанный с эпидемией смертельной болезни (обычно чумы)*¹², было заменено на *морелевый*.

«Почти все дамы были в платьях из синего булавчатого бархата, белой или серой морелевой материи и розового

⁹ Ср. в русских сказках: *платочек, шапочка, карманчик, кушачок, тросточка, клубочек, платьице* и др.

¹⁰ Тарасова М.В. Западноевропейские неславянские наименования тканей в русском языке XI – XX веков. Автореф. дис. канд. филол. наук. Орел 2001. С. 14.

¹¹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. СПб., 2003.

¹² Там же.

крепа»¹³. «У новейших капотов (шляпок) тулья, и верх полей делаются из белой морелевой материи»¹⁴.

В XVIII веке и первой половине XIX века *муар* часто называли старым русским словом *объярь*, хотя производство новой материи было иным. Тонкая шелковая ткань обрабатывалась с помощью специальных валиков, образуя причудливые узоры и характерные разводы, при этом использовалась золотая или серебряная нить¹⁵. Во второй половине века словари отражают закрепление заимствованного слова в формах *муар*, *муаре*, *моаре*.

Еще одна новая ткань этого времени — *котпали* (*cotpalis*). Зафиксировано это слово только в словаре И. Татищева: «*котпали, новая ткань*»¹⁶, во французском толковом словаре *cotpalis* описывается как пестрая шелковая ткань¹⁷. Это слово встречается во французских, немецких и английских модных журналах 20-30-х годов XIX века: *robe de cotepalis*, *Sommerstoffe die Cotpalis*, *dresses of cot-pali*.

«Самые новые и модные котпали те, у которых из двух полосок одна сырцового шелка. Всегда одна полоска резко отличается цветом»¹⁸. «Каньзу надевают на платье с короткими рукавами или просто с юбкою из цветной кисеи, Шотландской тафты, или полосатого котпали»¹⁹. «Никогда не

¹³ Московский телеграф. 1826. Ч. 7. С. 53.

¹⁴ Там же. Ч. 11. С. 195.

¹⁵ Кирсанова Р.М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века / http://www.apropospage.ru/history/szen_kost/dress_3.html.

¹⁶ Татищев И. Всеобщий французско-русский словарь. Т. I. М., 1839. С. 325.

¹⁷ Cotpalis ou cotepalis – sorte d'étoffe mêlée de soie et d'écorce d'arbre. DICTIONNAIRE UNIVERSAL DE LA LANGUE FRANCAISE. Tome I. C.M. Gattel, 1837.

¹⁸ Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 78.

¹⁹ Там же. Ч. 10. С. 52.

носили столько платьев из котпали, вышитого шелком, сколько носят их в нынешнем году»²⁰.

Характерным для русского языка является образование относительных прилагательных от названий тканей со значением ‘сделанный из этой ткани’, однако, если иноязычное название материи употреблялось в языке недолго, то такое прилагательное не образовывалось. Например, французская фраза «gobes de barèges, d’organdi, de cot-palis» была переведена в «Московском телеграфе» как «барежевые платья, органдинные, из котпalia». Это единственный пример склонения данного слова, употреблявшегося обычно в неизменяемой форме.

Быстрая смена моды на ткани влекла за собой быстрое появление и исчезновение из языка соответствующих слов, как, например, *молния* (семантическая калька от франц. *foudre*), *вулкановы сети* (франц. *filet de Vulcain*) и др. Новую материю для платьев, с узорами огненного цвета, по темному полю, называют молния (*foudre*). «Модистки делают из молнии шляпки»²¹. «Шелковые материи, с черными лозанжами – называются Вулкановы сети. Иногда для лучшего подражания сетям, углы лозанжей или четырехугольников округлены в тех местах, где они пересекают один другого. Модная эта материя названа Вулкановою сетью по имени любимого ныне в Париже балета»²².

В ряде случаев в переводах «Московского телеграфа» встречаются пропуски, представляющие определенный интерес для изучения истории заимствований. Так “*chapeau de feutre gris*” переводится как “*шляпа серая*”, без указания на материал, из которого она изготовлена. По данным словаря

²⁰ Там же. Ч. 15. С. 128.

²¹ Московский телеграф. 1827. Ч. 18. С. 178.

²² Там же. 1826. Ч. 10. С. 52.

И. Татищева, *feutre* соответствовало русскому слову *войлок*²³, обозначавшему широко употребительный материал, но, по-видимому, качество *feutre* (материала) было намного выше, что привело к пропуску в переводе. Позже встречаем наименование *шляпный войлок*²⁴, а с середины 70-х годов XIX века *фетром* стали называть саму фетровую шляпу и материал, из которого делали головные уборы. Фетровые шляпы, котелки и шляпки были разных цветов (черного, серого, белого, красного); мягкие, твердые и твердо-мягкие; круглые, высокие, широкополые (широкие), что находило отражение в лексической сочетаемости слова.

«Вместо того, чтобы облечься в изящный летний костюм из светло-серой легкой ткани и надеть столь же изящный серый фетр, обвитый лентой, ослепительный жилет и белый галстух, он <Горяинов> <...> достал из письменного стола <...> целый ворох писем, исписанных беспорядочным женским почерком»²⁵. «Дорогой брат! Поручения твои все я исполнил, т. е. 1) шляпу купил и отправил. Купил у Чуркина; всего с пересылкой она стоит 7 1/2. Умеренно-либеральная, черная, фетровая, твердо-мягкая»²⁶.

Важным элементом женского туалета в 30-е годы XIX века был легкий газовый шарф – *эшарп*. Слово было заимствовано из французского, однако еще в 1826 году в «Московском телеграфе» *les écharpes les plus élégantes* было переведено как *моднейший шарф*. «Эшарпы почти все белые, из шелковой кисеи, Греческого тюля, филе»²⁷.

В 1795 году при описании жизни в Венеции впервые упоминается новый предмет одежды – редингот, вошедший в

²³ Татищев И. Вссообщий французско-русский словарь. Москва. 1839.

²⁴ Московский телеграф. 1828. Ч. 18. С. 248.

²⁵ Старицкий М.П. Одиночество. 1884. <http://az.lib.ru>

²⁶ Гаршин В.М. Письмо Е. М. Гаршину 24 июля 1884 года. <http://az.lib.ru>

²⁷ Библиотека для чтения. 1833. Т. 11. С. 40.

моду в России после смерти Павла I и снятия запретов на ношение жилетов «наряду с другими элементами костюма как проявления французского революционного духа»²⁸.

«Мода на Рединготы и Капоты расселилась по всей Англии, Франции, Германии, Италии и по Северу»²⁹.

Само слово *редингот* (*реденгот*, *редянгот*) было заимствовано из английского языка (*riding coat*) через французский (*redingote*) и быстро вошло в употребление.

«Наряд щеголя, запросто, составляет: рененгот, из беловатого сукна, с перломутовыми пуговицами, или из двойного меринуса, цвета темнозеленого или головы негра, с одним рядом пуговиц из шелковой материи»³⁰.

Однако рединготы долгое время оставались излюбленным предметом и дамского гардероба.

«Щеголихи, у которых есть кареты, надевают большие рединготы из дра-зефира или серо-белого каотина с двойными отворотами и карманами. Сии рединготы делаются на вате и с беличьим или шиншилловым воротником»³¹.

«Много шелковых рененгатов, отделанных биз; они обшиваются маленькою бахрамою одинаковаго цвета с матерьею платья; вырез на груди и рукава обшиваются бархатом»³².

Появление все новых предметов одежды, изменение фасонов, усложнение отделки костюма вызывали значительные изменения в языке моды. В начале XIX века было характерно функционирование большого числа иноязычной лексики (в основном из французского языка), которая быстро входила в широкое употребление. После

²⁸ Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989. С. 88.

²⁹ Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением модного журнала. 1795. Ч. 2. С. 250.

³⁰ Московский телеграф. 1826. Ч. 10. С. 54.

³¹ Московский телеграф. 1825. Ч. 2. С. 35.

³² Отечественные записки. 1841. Т. 15. Кн. 4. С. 136.

выхода из моды той или иной вещи исчезало из языка и соответствующее слово. Постоянный поиск путей передачи той или иной реалии приводил к широкой вариантности наименований, например, фрак-жилет (*habit-veste*), сюртук (*redingote*), редингот (*redingote*), сюртук-жилет (*redingote-veste*)³³. Журналы мод представляли собой творческую лабораторию по переработке французского языка на русский манер. Как писали в журнале «Сын Отечества»: «Наши очаровательные моды выше рифмы, для них еще не образован язык, существуют только французские магазины»³⁴.

³³ См. раздел «Моды» в «Московском телеграфе» за 1826 год.

³⁴ Сын Отечества. 1851. Ч. I.

Рукописный словарь начала XIX века из Устюжны

Рубеж XVIII – XIX веков – время формирования норм национального литературного языка на основе демократизации письменного языка и устного языка публичного общения. Демократизация проявлялась в различных формах: в отборе из книжного литературного языка элементов, известных широким кругам общества, в сближении письменной формы литературного языка и общей разговорной речи, в их взаимовлиянии и взаимопроникновении¹.

Состояние языка литературы, наряду с обсуждением литературных новинок, стало предметом обсуждения в домах санктпетербургской знати уже в конце XVIII века. По воспоминаниям С.П. Жихарева, с февраля 1807 года в Санкт-Петербурге стали проводиться литературные вечера, получившие особую популярность: «Литературные вечера назначены по субботам поочередно у Гаврилы Романовича, А.С. Шишкова, И.С. Захарова и А.С. Хвостова; они начнутся с субботы 2 февраля у Шишкова, которому принадлежит честь первой о них мысли <...>. Общество собралось <...> человек около двадцати <...> Гаврила Романович, И.С. Захаров, А.С. Хвостов, П.М. Карабанов, князь Шихматов, И.А. Крылов, князь Д.М. Горчаков, флигель-адъютант Кикин <...>, полковник Писарев, А.Ф. Лабзин, В.Ф. Тимковский, П.Ю. Львов, М.С. Шулепников, молодой Корсаков, Н.И. Язвицкий, сочинитель букваря, Я.И. Галиновский»². Эти

¹ См.: Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Л., 1974. С. 11.

² Жихарев С.П. Записки современника // Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 481.

вечера были преддверием «Беседы любителей русского слова». Позже, когда в 1811 году эти собрания получили организационное оформление (стали называться «Беседой любителей русского слова»), на торжественных собраниях «Беседы» «в числе посетителей находились почти все государственные сановники и первенствующие генералы»³, «Беседа провела десятки публичных заседаний, на которые собирались до нескольких сот человек, практически вся столичная интеллигенция»⁴, но главное активное ядро «Беседы» – это литераторы Державин, Крылов, Гнедич и др. Авторитет Державина и Крылова, административная активность государственного секретаря и президента Российской Академии Шишкова способствовали привлечению внимания широкой публики к деятельности «Беседы», а тем самым – к языковой и литературной ситуации эпохи. Возникшее в столице общественное объединение выражало назревшие проблемы развития литературного языка. Заметим, что в то же время при Московском университете возникает Общество любителей русской словесности, носившее более академический характер. Активное отношение к состоянию языка, в частности, к словарному обеспечению нужд общества, отмечено и в провинции.

Судя по тематике вопросов и литературных текстов, обсуждаемых на заседаниях «Беседы», основным предметом интереса было состояние литературного языка эпохи и качество литературных произведений, но участники заседаний обсуждали и способы влияния на литературную и речевую практику своего времени, оценивали общепилологические, критические и словарные труды.

³ Панаев В.И. Воспоминания // Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 254.

⁴Альшиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. СПб., 2007. С. 7.

Словарные труды, выходявшие в это время, являлись важным фактором, способствовавшим развитию и нормализации нового литературного языка. Особую роль среди них играли словари иностранных слов, что связано с культурно-историческими процессами того времени⁵. Хотя словари часто издаются, тем не менее постоянно наблюдался «словарный голод», поскольку росла потребность в новых видах словарей, было недостаточно изданных лексиконов. Если учесть также, что печатные книги, в том числе и словари, стоили дорого, то понятно, что продолжалось составление и рукописных словарей⁶.

Объект нашего исследования – рукописный словарь начала XIX века, который хранится в Государственном архиве Вологодской области и сведения о котором ранее не публиковались. Выявление его специфики, анализ лингвистической информативности (структура словаря, его словник, способы подачи слова), поиск источников словаря представляют определенный научный интерес. Это рукопись из собрания устюженского купца Серебренникова, хранящаяся в Государственном архиве Вологодской области⁷. Рукопись называется «Словарь или русской словотолкъ, Выписка из писмовника, то есть грамматики» (так написано на первом листе памятника).

«Словотолкъ» полностью опубликован нами⁸. В ГАВО хранится «Записная книжка со сведениями по истории родов Серебренниковых и Шишкиных»⁹, которая содержит сведения о семье Серебренниковых. Иван Гаврилович (предполагаемый

⁵ Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М., 1958. С. 17.

⁶ История русской лексикографии / Отв. ред. Сороколетов Ф.П. СПб, 1998. С. 59.

⁷ ГАВО. Ф. № 1218, оп. 1, ед. хр. № 22.

⁸ См.: Судаков Г.В. Устюженский словарь начала XIX века // Устюжна: Краеведческий альманах. Вып. VII. Вологда, 2012. С. 225 – 252.

⁹ ГАВО. Ф. 1218, оп. 1, ед. хр. № 10.

составитель рукописи) – сын Гаврилы Назарыча Серебренникова, который вышел из рода Сапожниковых. В роду Сапожниковых обучались серебряному мастерству и, освоив это дело, сменили фамилию на Серебренниковы. Иван Гаврилович был земским старостой и выборным должностным лицом, следившим за порядком торговли и уплатой пошлин в Устюжно-Железопольской земской избе. Семью Серебренниковых можно считать зажиточной и образованной. Иван Гаврилович имел собственную мельницу и работников. Кроме этого, сплавлял лес по реке Мологе и Волге до Рыбной слободы и Ярославля, а в городах Поволжья закупал хлеб. Семья Серебренниковых, безусловно, нуждалась в словаре, отражающем актуальную лексику эпохи. Добавим еще, что Устюжна по географическому положению, по поместным и экономическим связям была ориентирована исключительно на Санкт-Петербург, а устюжане были всегда в курсе столичных событий.

Анализируемый словарь имеет название «Словотолк». Такое слово есть в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, там ему дается следующее определение: *«Словотолк – речник, лексикон; сборник слов, речений какого-либо языка, с толкованьем или с переводом»*¹⁰ (для удобства чтения все цитаты здесь и далее выполнены курсивом). Следует отметить и родство лексемы «словотолк» с названием труда Н.М. Яновского «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» (Ч. 1 – 3. СПб, 1803 – 1806).

Время написания данной рукописи – первая треть XIX века, на странице 35 (это одна из страниц «Словотолка») стоит дата: *«1828²⁰ года февраля 15²⁰ дня»*. Понятно, что отнесение словаря к 1828 году условно, он писался не один месяц, автор словаря производил выборки слов из разных

¹⁰ *Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртене. Т. 4. М.- СПб, 1913. С. 257.*

источников в течение длительного времени. Судя по почерку, рукопись «Словотолка» написана одним человеком. Можно предположить (опираясь на образцы почерка в служебной переписке), что изучаемый текст составлен купцом Иваном Гавриловичем Серебrenиковым.

Архивный документ представляет собой тетрадь небольшого объема: 38 листов + литерный лист 24^а; обложки нет, листы пронумерованы сверху во внешнем углу. Текст написан на плотной бумаге серого цвета, гербовых знаков на ней нет, листы не разлинованы, водяные знаки не обнаруживаются.

Текст написан черными (реже – коричневыми) чернилами на обеих сторонах листа, вероятно, гусиным пером, так как не просматриваются бороздки (углубления) вокруг букв, что наблюдалось при использовании металлического пера. Знаки препинания в тексте используются нечасто: запятые редки, иногда в конце предложений ставится восклицательный или вопросительный знаки, есть двоеточие (*Горе тшущим лукавство, тшущий бо лукавство тшут и проч. (л. 2). Великие дарования редко находятся в человеке без великих же недостатков: и самая необыкновенная заблуждения были всегда произведением людей премудрых (л. 3). Кто выбирал царя? (л. 8 об.)* – здесь и далее цитаты приводятся в современной графике). Вопросительный или восклицательный знаки часто ставятся и после слова, которое требуется пояснять, в левой колонке словаря.

Почерк – скоропись, в которой преобладают полукруглые очертания¹¹, понятна и удобочитаема. Текст написан аккуратно, строчки ровные; текст написан с отступом на 1,5 – 2 см от края листа.

¹¹ См.: Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 361.

При написании слов используется традиционный (циркуль, чары, чистец, конфискация) и фонематический (полировать, ритор) принципы орфографии. Обнаруживаются отступления от них: зборщик, щот. Некоторые слова в правой части, т.е. при толковании, не дописываются, но сравнительно легко восстанавливаются: интрига ковар: ухищр: проныр: кознь.

В описываемом тексте (имеется в виду вся рукопись, а не только «Словотолк») по содержанию можно выделить шесть частей:

1. Выписки из Евангелия на листах 1 – 2 об., 35 об. – 38 об. (при этом указывается номер главы и стиха).

2. Вопросы и ответы, содержащие разнообразные филологические сведения: а) нормы речевого этикета; б) филологические термины, правила написания и употребления слов (л. 12 об.); в) исторические сведения по русской истории. Помимо этого встречаются сведения, касающиеся логики и философии. Лл. 6 – 9 об. составляет вшитая в общий состав рукописи тетрадь, написанная другим почерком. Судя по содержанию, это тетрадь ученика, выполненная почерком, отличающимся от почерка остальной части рукописи.

3. Цитаты «Из письмовника» (листы 3 – 4 об., раздел автор выделил и озаглавил сам), они представляют собой нравоучения.

4. «Повесть» (название авторское; л. 10 об.) имеет нравоучительный характер. Рассказывается о немце, который спрашивает своего пастора, какую молитву поутру лучше читать.

5. Раздел «Критика» (лл. 10, 31 – 31 об.) также содержит поучения, например: *Корыстолюбие взяло на себя труд управлять обществом.*

Кроме того лл. 11 об. – 12, 34, 35 содержат сведения поучительного и информативного характера, а также пословицы. Например: *Немец пьет много а ест мало*

англичанин ест много а пьет мало француз и ест и пьет хорошо; в пении испанец плачет италианец жалуется немец гогочет голландец дразнится француз свистит; Воля добру жену портит; Злого полюбить – себя погубить (л. 34)

6. «Руской словотолк. Словарь словотолк» (лл. 13 – 30 об., 32 – 33).

Общий объем включенной в «Словотолк» лексики составляет 913 слов. Лексемы расположены в порядке алфавита на страницах 13 – 30 об.; на страницах 32 – 33 такой последовательности нет, эти слова являются дополнением к основному словарю и дописывались позже. Кроме того, три слова есть на л. 3.

Страница словаря представляет собой два столбца: в первом приведено слово, во втором через 1 см – его толкование. Прописные и строчные буквы употребляются непоследовательно.

Наблюдаются вставные строчки, написанные более мелким почерком. Некоторые вставки выполнены на поле поперек страницы. Это свидетельствует о неоднократном пополнении словаря уже после того, как была выполнена его основная часть.

Заголовочная буква выносится на отдельную строку перед списком лексем, с нее начинающихся. Например:

Д	
Декларация	объяснение
демократия	народное правление

Данный словарь является толковым: в нем объясняются значения слов. Полисемия слов в словаре не оформлена: отдельные значения многозначного слова не разделяются, хотя и приводятся в толковании: *Помпа: Велелетие Слава Насос убранство; Талант Дарования Вес 125 фунтов / или 300 червонных; язык племя род орудие глаголение, огово/рщик*. Иногда встречаются указания на

язык-источник, также сообщается значение этих слов в языке, из которых они заимствованы (традиция, идущая от азбуковников): *Дария персид.: пламя; Петр греч.: камень.*

См. еще интересный текст в прибавлении: *по немецки: Шумахер – чоботарь; Фишер – рыбак; Миллер – мельник и пр.*

«Прибавление» замечательно тем, что здесь в ряде случаев раскрывается значение не иноязычных, а общеупотребительных русских слов: *заедки? Десерты; тирог? Пастет; прогулка? променад.*

Грамматические и стилистические характеристики слов отсутствуют, не указывается ударение, нет иллюстраций. Имена существительные (они преобладают в словаре) приводятся в форме ед. ч. им. падежа: *профит полза прибыль добыча корысть*, есть и слова *pluralia tantum* (например, *каникулы*); имена прилагательные – в форме ед. ч. им. падежа муж. рода; глаголы – в форме инфинитива. Слова толкуются чаще одним словом (больше половины лексем), словосочетанием (1/3 лексем) или рядом синонимов, которые не разделены знаком препинания (177 слов):

<i>Тигр</i>	<i>Барс</i>
<i>Театр</i>	<i>Феатр позорище зрелище Дивище</i>
<i>Харон</i>	<i>Адской перевозчик</i>

Тематическая классификация лексем «Словотолка» дает представление об основных сферах использования этой лексики. Обратим внимание на предпочитаемые составителем «Словотолка» группы лексики: научно-учебная (164 лексемы, в т.ч. 53 – филологические термины) и государственно-административная сферы (97), названия лиц по профессии и роду занятий (89), военная сфера (84), общественный и частный быт (77), 35 лексем – медицина, 30 – религия; 19 – музыка, 11 – этикетная лексика, 11 – строительное дело и т.д.

1. Имена существительные, характеризующие научно-учебную сферу: *аксиома! правило истинна; экзамен – испытание свидетельство опыт*

2. Имена существительные, характеризующие государственно-административную сферу: *аудитория – переговоры наедине; Политика – Благоповедение Народоуправление / Хитрость;*

3. Имена существительные, обозначающие названия лиц по профессии и роду занятий: *Актер – представитель; Магистр – школьный учитель.*

4. Слова, связанные с военной деятельностью (названия чинов, подразделений, оружия и др.): *Бригада! Несколько полков! Калибр – ширина дула пушки.*

5. Имена существительные, характеризующие бытовую сферу: *Бюфет – Питомный поставщик шкафа; мода – обычаи поверье затея.*

6. Слова, связанные с медицинской деятельностью: *Дизентерия – кровавый понос; микстура – смесь состав; медикамент? Лекарство; пульс – жилая линия.*

7. Имена существительные, характеризующие религиозную сферу: *Езуит – католический монах; религия – вера набожество; церковь – собрание благочестивых.*

8. Имена существительные, обозначающие характеристику лица или предмета: *Балакир – вояка врун; мизантроп? нелюбим; Практик – Искусный Деловой Делатель.*

9. Названия природных явлений и явлений окружающей среды: *эфир – тончайший воздух твердь; Скала – крутая гора в море.*

10. Имена существительные, называющие божеств и мифических существ: *Домовый – языческий бог; паяды – речные русалки; Ягая баба – колдунья.*

11. Имена существительные, обозначающие музыкальные понятия: *лютня – скрипка; мелодия? сладкозвучие; ноты – музыкальные знаки; октава? толстый голос бас осмизвучие; Опера? машинное игрище.*

12. Названия животных, птиц и насекомых, они толкуются через родо-видовые наименования: *гамаун* – *райская птица*; *гидра* – *водяная змия*; *неясыть* – *птица степная*; *тифик* – *обезьяна*; *Строус* – *Африканской журавль преболь/шая птица*.

13. Абстрактная лексика: *куражъ* - *храбрость смелость отвага бодрость*; *Оказія* - *Случаи Причина побыть повод / пора*; *Практика* - *Самое дело Деяние Искусство употребления*.

14. Имена существительные, характеризующие сферу торговли: *аукцион!* *народной торг!* *Аренда* – *откуп*; *интерес* - *полза приб=*; *курс* - *цена деньгам время учения порядок бег*; *фактура* - *ростись товарам с ценою*.

15. Лексика духовной сферы: *Десперат* – *Отъчаяние*; *прогностика*: *проречение*; *провиденция* – *предвидение*.

16. Термины морского дела: *Навигация?* *Кораблеплавание*; *порт* - *пристань перевоз*; *флот* – *собрание кораблей*.

17. Названия типов книг и рукописей: *Енциклопедия* *Опись всех опись наук всезнание*; *лексикон* – *словарь речник*; *манускрипт* – *рукописная книга Тетратии*; *Хартия* - *писание бумага*; *церемониал* – *обрядная книга*.

18. Этикетная лексика: *Визит* – *навещание*; *комплемент* – *учтивой поклон или сл.*; *конферсация* – *искусное обхождение дружеские разговоры*; *салютация* – *почтение поздравление / словесное или оружием*.

19. Термины строительного дела: *Обелиск* – *Столп*; *Панель?* *Прибоина*; *Пирамида* – *Острая башня*; *фасад* – *наружной вид*; *флигель* – *крыло сторона*.

20. Названия территориальных ориентиров, частей света: *Зюид* – *юг*; *меридиан?* *полдень (круг и черта)* *полукружие*; *нор?* *Север полунощ*. *Сторона*.

Менее десяти слов насчитывают группы слов, характеризующие сферу развлечений (9): *куртаг* – *вечеринка*; *Маскарад?* *Хареигрище*; имена существительные,

обозначающие единицы измерения (9): *Галенок – мера 4 бутылки*; имена собственные (7): *Еллада – Греция*; промысловая лексика (7): *манифактура? рукоделие*; *Рудник – рудокопная яма*; имена существительные, обозначающие части человеческого тела (7): *ланита – щека!*; имена существительные, обозначающие хронологию, членение времени, возраст (7): *Эпоха – начало летосчисления*, *Саббат – суббота шабаш*; юбилеум – *столетний праздник*; названия растений (6): *смоквы – фиги*, *винные ягоды*; *тополь ива верба тальник*; имена существительные, характеризующие сферу отношений (6): *Антипатия – природнозлобие отвращение*, *контра – Ссора Противность*, *Симпатия – одонравие*; этнонимы (6): *аттики – греки*; названия денежных единиц (5): *Динар – Денга медница*; имена существительные, обозначающие цвет (5): *колер – цвет вид*; имена существительные, обозначающие движение (3): *моцион – Движение*; названия осветительных устройств (3): *Поникадило? Многосветоч*; имена существительные, обозначающие близкое родство, семейные отношения (2): *Фамилия – Семейство род дом рекл / прозвание колено семья порождение / порода дети кровь поколение племя / домочадство*.

Глаголы составили всего 20 лексем: они характеризуют военную деятельность: *рекогносцировать неприятеля – отбить отогнать проведать осведомляться*; государственно-административную сферу: *Конфисковать – описать въ казну имение*; сферу отношений: *Обескуражить? Оботчаить опечалить*; музыкальную деятельность: *екселентовать! Высоко приятно петь спеваться*; промысел: *Полировать – Выглаживать*; движения: *Угонзаю – Избегаю утекаю*; учебную деятельность: *Диктовать – Пересказывать Читать книгу*. Есть и этикетная глагольная лексика: *салютовать – поздравлять*.

Имена прилагательные составили 8 слов (*Деспотически – Самовластные*); наречия – 11 слов (*напрасно? невзначай*

вънезапну!); союзы, частицы – 2 слова (*Ельма – понеже? когда уже*).

Представленные в словаре лексемы являются различными иноязычными заимствованиями: 1. Латинизмы – это самая многочисленная группа (около 400 лексем); 2. Грецизмы – 200 слов. Многие из слов латинского и греческого происхождения, включенных в «Словотолк», пришли в русский язык через западноевропейское посредство и стали известны лишь с XVIII века: *актер, ревизор, такса, текст, фабрика* (всего 185 лексем). 3. Церковнославянизмы (около 130 лексем). Из 130 церковнославянских лексем 120 слов были уже известны в древнерусском (XI – XIV вв.) и старорусском языке (XIV – XVII вв.), например, *зияние, ланита, пучина*. 4. Слова немецкого происхождения – около 80. 5. Слова французского происхождения – около 60 (*Кокетка – пустословка! Болтушка Тщесловка; Суфлер – таинной скащик в комедии; Талия – стан рост вид*). 6. Слова итальянского происхождения – 19. 7. Слова голландского происхождения – 10.

Также встречаются лексемы из еврейского, арабского, английского, татарского, польского, персидского, венгерского и тюркского языков.

Какой интерес могут представлять списки слов, включенных в «Словотолк»? Во-первых, здесь представлены некоторые фонетико-графические варианты новых иноязычных заимствований, причем не только в левой, но и в правой части: *имн* похвалная речь!; *комплемент* учтивой поклонъ; Театр *Феатр* позорище зрелище / Дивище; сенат *сиглид* вышний суд (*сиглид* здесь *синклит*); секта ересь *рамол* (*рамол* здесь *крамола*); *фонкция* должность (*фонкция* здесь *функция*); во-вторых, фиксируются такие значения заимствований, которые надолго закрепились за этими новообразованиями: *Диссидент* несогласник *разгласник*; *Дискурс* разговор *речь*; *Диссертация* Ученая *речь*; *Диспут*

Спор прение; Шеф начальник; в-третьих, некоторые толкования в форме сложных слов, хотя и не закрепились в лексикографической практике, но лаконично и точно характеризуют смысл слова: *Эмблема образомыслие; Эпиграма Остростишие; Термометр Погодомер*; в-четвертых, некоторые выбранные лексемы толкуются такими словами, раннее существование которых в живом русском языке благодаря «Словотолку» получает фиксированное подтверждение: *куртаг вечеринка*.

Стоит обратить внимание на правую колонку словаря. Во-первых, здесь есть искусственные изобретения, которые были во всяком словаре той поры, эти «изобретения» дают представление о словообразовательном потенциале русского языка эпохи строительства национального языка: перпендикулярь *прямоной*; риторика *речевник*; пульс *жилобой*; во-вторых, синонимический способ толкования семантики лексем дает представление о лексических богатствах языка: *юрод буи глуп дурак неуч*.

Для установления источников «Словотолка» были привлечены «Лексикон вокабулам новым по алфавиту»¹² («Лексикон»), «Словарь Академии Российской»¹³ (САР), при характеристике церковнославянской лексики был использован «Церковный словарь или истолкование речений славенских и древних...» П.А. Алексеева (М., 1775).

Сравнительный анализ «Словотолка» и «Лексикона» выявил 112 совпадающих лексем, что составляет 12 % объема лексики «Словотолка». Эти слова характеризуют научную сферу (*аффекция, дискурс, диспут* и др., всего 22 слова); военную деятельность (*виктория, дисциплина, инфантерия, офицер* и др., всего 25 слов); государственно-административную сферу (*эмблема, капитуляция,*

¹² Лексикон вокабулам новым по алфавиту // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. М.-Л., 1938. Ч. 2. С. 47 – 65.

¹³ Словарь Академии Российской. Т. 1 – 4. М., 2001. (Репринт).

коммуникация, консул, кондиция и др., всего 32 слова); новый быт, новые нравы (*багаж, интерес, манер, манифактура, визит, мода* и др. – 13 слов) и др.

Из 112 слов 33 лексемы и в «Словотолке», и в «Лексиконе» имеют одинаковое толкование (чаще посредством семантического эквивалента; толкования либо однословные, либо рядом синонимов или словосочетанием): *фейерверк – огненная потеха; циркуль – круг, кружник; фельдмаршал – вождоначальник.*

45 лексем имеют незначительное различие в толковании слов: оно заключается в том, что в объяснении лексем «Словотолка» зачастую приводится большее количество синонимов сравнительно с «Лексиконом».

34 лексемы имеют различное толкование, которое заключается либо в более подробном описании значения слова в «Лексиконе», либо в том, что одно и то же слово в «Словотолке» и «Лексиконе» имеет разное значение, которое чаще толкуется однословно:

«Словотолк»

«Лексикон»

а) *багаж – имение,*
пожитка;

запас скарба, что с собою
можно на дорогу взять

б) *дирекция – правление; поправка*

При сравнении лексики САР (1789 – 1794) с лексикой исследуемого «Словотолка» обнаружено меньше 1% совпадений слов: *аллегория, аспект, аудиенция, аксиома, бригада, ланита, лексикон, логика* и др. В САР вошли слова, характеризующие словено-российский язык, иностранные заимствования XVIII века практически отсутствуют, а в «Словотолке» преобладает заимствованная лексика ($\approx 80\%$).

Различия в толковании значений слов в «Словотолке» и в САР очевидны. Толкование в САР более точное и обоснованное (в САР преобладает толкование описательное и рядом синонимов, реже – однословное):

*аллегория – притча и норечия
витийство – велеречие*

*иносказание
красноречие,
хитрословие,
искусство
сладкоречиво,
замысловато
говорить и
писать.*

При анализе исследуемого «Словотолка» в сопоставлении с Азбуковниками XVI – XVII веков и лексиконами XVIII – XIX веков выявлен ряд общих черт: 1) сходное оформление страницы словаря: 2 столбца – заглавное слово и его толкование; 2) информация, сообщаемая о слове, ограничена лишь его толкованием. Слова в исследуемом «Словотолке» объясняются посредством семантических эквивалентов: одним словом, словосочетанием или рядом синонимов. В привлеченных для сопоставления лексиконах XVIII – XIX веков лексемы, кроме таких приемов, толкуются и описательным способом.

Исследуемый «Словотолк» вписывается в лексикографический контекст своего времени, но в нем обнаруживается ряд особенностей, отсутствующих в известных словарях XVIII – начала XIX века, поэтому обратимся к «Письмовнику» Н.Г. Курганова, многократно переиздававшемуся в конце XVIII – первой половине XIX века. В его составе есть словарь, в поздних изданиях именуемый «словотолком». То же название носит и анализируемый в нашей работе словарь.

Как известно, первоначально «Письмовник» носил название «Российская универсальная грамматика, или вообще письмословие» (СПб, 1769); 2-е изд. озаглавлено «Книга-

писмовник, содержащий въ себе науку российского языка, со многим присовокуплением разнаго учебного и полезнозабавнаго вещесловия» (СПб, 1777); эта книга с некоторыми изменениями выдержала еще 10 изданий (с 1788 по 1837 гг).

7 часть («присовокупление») Письмовника – это «Словарь разноречный, или толкование Еврейских, Греческих, Латинских, Немецких, Французских и прочих иноземных употребляемых в русском языке, и некоторых славянских слов» (в более поздних изданиях называется «Руской словотолк»), здесь же раздел «Толкование имен человеческих» и «Прибавок» к словарю.

Как отмечала Н.Ю.Шведова, «Русский словотолк» Курганова носит утилитарный, практический характер. Этот словарь предназначен для широкого круга читателей и включает не только иноязычные заимствования, но и славянизмы, а также ставшие непонятными старинные русские слова и диалектизмы¹⁴.

В анализируемой устюженской рукописи (кроме 1-й части – из Евангелия) есть выписки из разных разделов книги Н.Г. Курганова, в частности «Руской словотолк» – из Присовокупления VII.

При сравнении рукописного «Словотолка» и словаря из «Письмовника» обнаруживается, что почти все лексемы рукописного «Словотолка» представлены в словаре Н.Г. Курганова. Однако словник Н.Г. Курганова шире рукописного, целый ряд слов отсутствует в устюженской рукописи: если на букву *В* у Курганова около 150 слов, то в устюженском словаре их всего 5.

¹⁴ Шведова Н.Ю. «Русский словотолк» и словотворчество Н.Г. Курганова // Вестник АН СССР. 1948. №8. С. 116. О жизни и деятельности Н.Г. Курганова также см.: Денисов А.П. Н.Г. Курганов – выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961.

Вместе с тем в устюженском словаре есть и слова, отсутствующие у Курганова: *Актер представщик* (л. 13); *Аргумент довод Доказание!* (л. 13 об.); *Буксиром бечевою лямкою завозом* (л. 13 об.); *унтер нижний* (л. 33). Есть случаи, когда ошибочно истолкованные Кургановым слова толкуются в устюженском словаре более корректно.

Стоит обратить внимание на различие фонетико-графических вариантов отдельных слов и на толкование их значений, сравни: Курганов – *гепербола*; «Словотолк» – *гипербола*; Курганов – *гидрография мореотписание*; «Словотолк» – *водоотписание*; Курганов – *прогулка променаж*; «Словотолк» – *променад*.

Таким образом, рукописный словарь из собрания документов Серебреникова воспроизводит фрагменты «Письмовника» Н.Г. Курганова, который, как известно, тоже не имел самостоятельного характера. Весьма показательно, что в провинции копируется словарь из «Письмовника» Н.Г. Курганова, неоднократно переиздававшегося в течение XVIII века, не утратившего актуальности и в первой трети XIX века.

Вместе с тем использованы при составлении «Словотолка» и другие источники, поскольку текст устюженского «Словотолка» складывался на протяжении длительного времени.

Знаменательно, что несмотря на активизацию лексикографического дела и значительное увеличение печатной продукции в России в начале XIX вв. продолжают создаваться и рукописные словари. Проблема учета и приведения в систему словесных богатств русского языка заботила не только петербургских любителей русского слова, но и их провинциальных единомышленников.

Приложение

Фрагмент «Словотолка»: слова на букву П (лл. 19 – 21 об.)¹⁵

П	
Павза?	перемешка остановка отдых вышутейка
Палпитация?	сердцебои
Парабола?	притча Дуга
параболический	приточный
паралель?	одномежда
панель?	прибоина
Панегирик	похвальная речь
Парад	уряд показ строй убор великолепие соборище щегольство
парадокс?	недоверство
паралич	разслаба
пасквил	ругательное письмо
партизан	сообщник сковник согласник
паж	благородной отрок
патрон	заступник милостивец
пароль	слово уверительное речь
партикулярно	особо приватно отменно
партикулярный	особниныи
пандура	ручные гусли
патриот	ревнитель о ползе Отечества сын Отечества отчицей
пассажер	седок прохожей
патруил	дозор обход объезд
пегас	крылатои конь
педант	худокнижник
педель	разсылыщик

¹⁵ При цитировании фрвгмента из «Словотолка» конечный ъ в словах опускается, і заменено на и.

перфект	совершенно
персона	лице особа ипостась человек
период	целоречие разум речи
	круготечение точка
перло	жемчуг
перпендикуляр?	прямостой
персонально	самолично
перспектива	прямозор
перун	громовая стрела
петиметр	вертопрах
пиеса	часть удел
пиллерим	обещанник
	странствующии монах
пшион	шпын доводчик
Пирамида	острая башня
Пифик	обезьяна
Плакард	объявление прибитое письмо
плац	место площадь
Плацдарм	место учения ружью
	площадь
Плеады?	семизвездие
Плезир	забавы увеселения
плежные	пресмыкающиеся
плюрез	знак печалн ой
плинф	низ столба кирпич.
плюмаж	перьяк
Плутон	Адской бог
Пневматология	Духословие
Поема	стихи
подагра!	Ноголом Комчуг
Поезия!	Стиходелие Тканье
Полюс	Конец оси точка
Полировать	Выглаживать
Почта	ям подстава

Полиция	расправа	гражданская
Полицемеистер	порядня	
	благочинной	
Политика	строитель	поряд.
	Благоповедение	
Поникадило?	народоводство	хитрость
Полископ!	Многосветочь	
Полигамия!	Велезор	
Помона:	многоженство	
Помпа	богиня садов	
	Велелепие	Слава Насось
	убранство	
Помория?	Приморские места	
Порция	пай часть удел	
Понктуация	отточка	
Портрет?	образ подобие	
поросто	трава в воде	
понтиский	папский	
понтиф	папа патриарх	
позитура	постюра сановитость осанка	
понтон	мостовое судно	
порселин	фарфор	
поскриптум	припись	
порт	пристань перевоз	
порфира	багряница пурпуровая	
	одежда	
потентат	самовластник	
пост	притин	
Практика	Самое	дело Деяние
	Искусство	Употребление
Предика	Поучение	Проповедь Слово
	беседа казанье	Предикант
	роповедник	
Практик	Искусный	Деловой Делец
Прамы	перевозные суда	

Префект	начальник училища учитель
Предистинация	Предъопределение
процессия	предвидение судьба
процес:	крестной ходъ Чиновной
	тяжба прѣ спорное дело иск
	ссора
проект	опыт чертеж
прогностика	проречение
провиденция	предвидение
провинция	уезд волость
провиант	провизия хлебной припас
	запас
продукт	произведение произращение
	род
прокламация	объявление
Прокурор	ходатай поверенной
прожектировать?	Выдумать
Призи	саранча
пропорция	уравнение подобие
пропорционально	сходственно размерно
пропозиция	предложение
просодия	словоударение
проскомидия	приношение
протестовать	огласить
протест	улика доносъ
протекция	покров заступление
	защитение оборона
протектор	заступник покровитель
	предстатель защитник
	помогачъ
протокол	записка! записная книга
	решенных дел
профос	золотарь и пр.
профессия	чин ремесло
профессор	знаток учитель публичной

пролог	предисловие	
профиль	прямопись	профилной
	портрет	
	односторонняя личина	
профит?	полза	прибыль добыча
	корысть	
процент	рост свершки	лихва барыш
пренумерация	предписание	
публика	народ община	
публиковать	объявить разгласить народу	
публичной	народной	
публично	народно	
публикация	обнародование	
псалмы	духовные (песни) стихи	
псалтырь	Сладкопение	
пулс	жилобой	
пункт	точка статья	
пургация	чищение слабительное	
пургатория	чистец мытарства	
	чистительной огонь душам	
	грешным	
пурпур	червлень порфира багряница	
пулмоник	легким болящий	
пучина	водоворот омут	
пулпеть	налои	

Комментарий

1. Заголовочные слова составитель не выделяет особо (ср. в «Письмовнике» Курганова они выделены курсивом).
2. Заголовные слова не отделяются от объяснительной части, хотя иногда употреблен вопросительный знак, изредка – двоеточие или запятая.
3. Автор «Словотолка» очень редко употребляет букву «ять», последовательно заменяя ее буквой «есть».

4. Отметим случаи расхождения в написании отдельных слов с «Письмовником» Курганова:

«Словотолк»

палпитация
пораболический
пасквиль
паж благородной отрок
патрон
милостивец
партикулярный особнины
педант художник
пиллерим
пшион
поникадило
порселин
деловой...
предвидение...
крестной ход чиновной

«Письмовник»

полпитация
пораболический
паскиль
паж благодарной отрок
заступник
дбразеятой,
особник
художник
пилигрим
пикан
поликадило
проселин
деловой
предведение
чиновной ход

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С.М.Некрасов</i> Предисловие.....	3
<i>С.М.Некрасов</i> Портрет Г.Р. Державина. Почему 1811год?.....	4
<i>А.Ю. Соловьев</i> А.С. Хвостов – литератор и член «Беседы...».....	7
<i>Е.Д. Кукушкина</i> От сатиры к лирике: «Стиходей» М.С. Щулепников.....	16
<i>Н.П. Морозова</i> П.Ф. Шапошников – член-сотрудник «Беседы любителей русского слова».....	24
<i>С.Д. Дзюбанов</i> Почетный член «Беседы любителей русского слова» Андрей Федорович Дерябин.....	34
<i>Н.Д. Кочеткова</i> Стал бы Херасков членом «Беседы любителей русского слова»?.....	42
<i>Е.И. Анненкова</i> Две «Беседы» в истории русской общественной и эстетической мысли («Беседа любителей русского слова» и «Русская беседа»).....	52
<i>С.А. Салова</i> А.С. Шишков в рецепции С.Т. Аксакова.....	69

<i>Т.В. Костина</i> Г.Р. Державин – «посмертный» член Казанского «Общества любителей отечественной словесности».....	84
<i>Р.М. Лазарчук</i> История сооружения памятника Г.Р. Державину в Казани (по архивным материалам).....	92
<i>Л.Г. Агамалян</i> Державинские материалы в собрании Литературного музея ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.....	113
<i>Е.В. Морозова</i> Об одной державинской реликвии из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина.....	137
<i>И.Ю. Фоменко</i> К истории издания собраний сочинений В.А. Озерова 1816 – 1828 годов.....	140
<i>В.А. Сомов</i> Русская переписка графа де Шуазель-Гуффье.....	165
<i>В.Н. Калиновская, О.А. Старовойтова, С.А. Эзериня</i> Динамика русской лексической неологии в контексте языковых споров первой трети XIX века.....	177
<i>М.Н. Приёмщикова</i> Индивидуально-авторская лексика в поэзии старших архаистов (Г.Р. Державин, А.Х. Востоков).....	191
<i>Д.А. Романов</i> Терминологические прилагательные в заключительной части «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина.....	211

П.А. Семенов

Иностранное слово как интертекстуальный элемент в
«Рассуждении о старом и новом слоге русского языка»

А.С. Шишкова 226

И.Б. Дягилева

«Волшебный блеск чужезычных прелестей» (к вопросу о
языке моды первой четверти XIX века)..... 239

Г.В. Судаков

Рукописный словарь начала XIX века из

Устюжны..... 248

«Беседа любителей русского слова»: 200 лет

Сборник научных статей

Оригинал-макет *Е.В. Морозова, Т.В. Морозова,*
Ю.Н. Шкурина

Подписано в печать с оригинал-макета 1.08.2013.

Тираж 200 экз.

Всероссийский музей А.С. Пушкина

191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12.

Отпечатано в типографии «ВелкомПринт».

190005, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки 116, лит. А